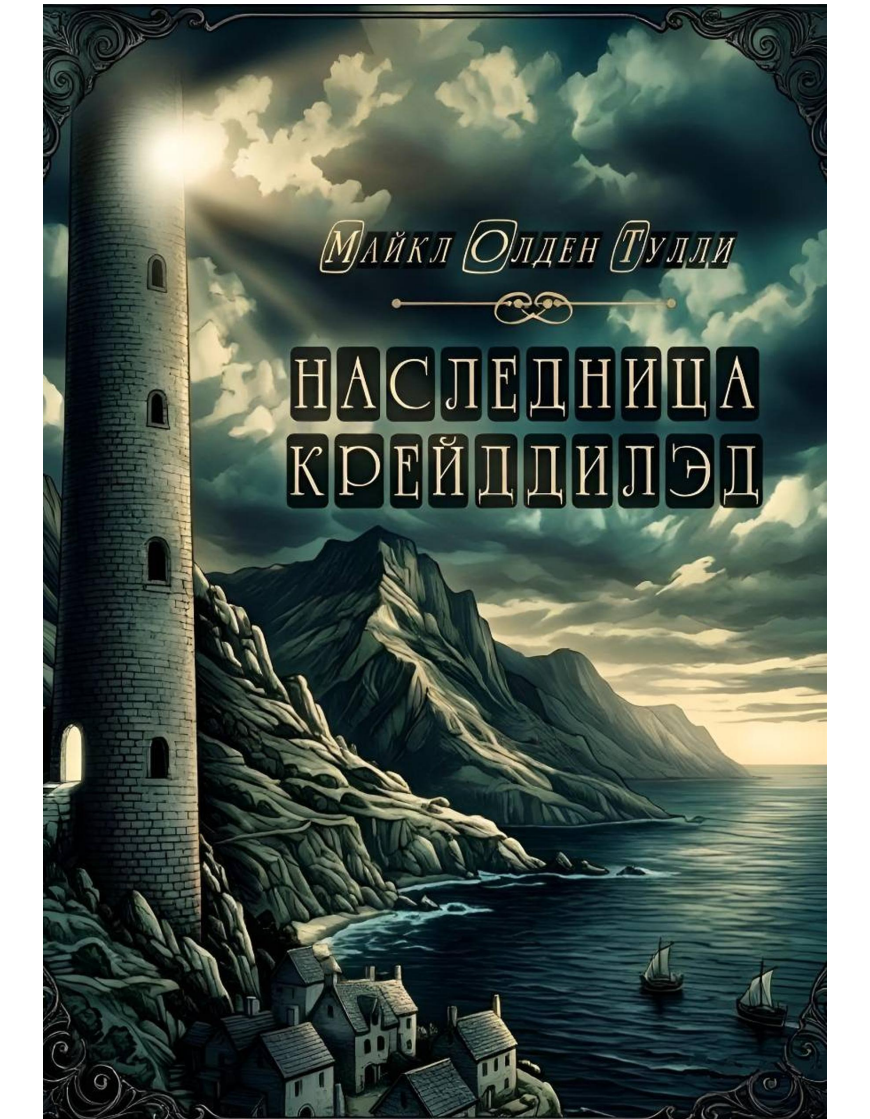


The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a tall, cylindrical stone lighthouse with several small arched windows stands on a rocky cliff. A bright light emanates from the top of the lighthouse, casting rays across a sky filled with dramatic, dark clouds. In the foreground, a small village with several stone houses is nestled at the base of the cliff. To the right, a dark sea stretches towards a distant, rugged coastline under a sunset or sunrise sky. Two small sailing ships are visible on the water. The entire scene is framed by ornate, dark scrollwork in the corners.

МАЙКЛ ОЛДЕН ТУЛЛИ

НАСЛЕДНИЦА
КРЕЙДДИЛЭД

Майкл Тулли

Наследница Крейддилэд

<https://litres.ru/74247308>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге вы не встретите ни эльфов, ни троллей, ни орков (кроме одного, но это не точно). Если вы ищете историю про красивую любовь, встречи на закате и поцелуи на фоне луны, то, увы, лучше поищите что-то другое. Здесь не будет ни батальных сражений, ни коварных волшебников, но зато все герои в конце окажутся не теми, за кого себя выдавали. Это рассказ о том, что у каждой победы может быть не только свой вкус, но и запах, а сжигать целый поселок, если решил всего лишь поделиться с кем-то теплом, чересчур затратное мероприятие. Что иногда, если хочешь свернуть в правильную сторону, необязательно смотреть под ноги, а сапог может стать универсальным оружием против любых чудовищ. И, наконец, о том, что в крепкой связке можно забраться на любую вершину, а в хорошей компании бывает не скучно и помолчать. Если вас устраивает, то go on. Или все же лучше так – GOO OOOON.

Содержание

Часть I. Нордхейм	4
Глава 1. Корди	11
Глава 2. Дом со шпилем на крыше	31
Глава 3. Елена	68
Глава 4. День чудес	93
Глава 5. Старая Грета	123
Глава 6. Мистер и его миссис	147
Глава 7. Испытание	190
Глава 8. Озеро	243
Конец ознакомительного фрагмента.	256

Майкл Олден Тулли

Наследница Крейддилэд

Часть I. Нордхейм

Со стороны моря самый длинный полуостров герцогства Эбрук был похож на огромного кота, сползшего с ледяного взгорья напиться, да так и уснувшего, не налакавшись. На картах этот пустынный клочок земли был назван просто и без затей – Край. Край мира, граница суши. Если забраться на холку зверя и встать лицом на закат, то весь мир раздвигался вширь и ввысь, купаясь в лучах заходящего солнца, но если повернуть на восток, то взгляд уже не мог охватить всего и сразу, теряясь в оттенках красно-бурой коры сосен, охристо-желтой палой хвои и рыжевато-зеленого подлеска. Здесь не было прямоты простора. Небо едва проглядывало сквозь переплетенные ветви деревьев, и если охотники забирались вглубь чащи, то слышали, как под землей что-то бухало и ворочалось, словно сердце давно уснувшего зверя все еще отсчитывало удары до его пробуждения.

Историки герцогства так и не смогли установить точной даты, когда в этом краю появились беженцы с летних островов, но до сих пор на любом празднике в долине поднимают здравицу в честь прабабки чьего-то прадеда, которая именно

в этот день отмечала свои пятые именины. На вечерней заре курносая девочка примерила первую в жизни юбку, и мать с отцом строго-настрого наказали ей не задирать подол в присутствии сверстников, и именно тогда - и не мигом позже - на горизонте показалась бригада кораблей под флагами Ольвии, самого южного и, увы, давно сгинувшего государства.

Беженцы называли себя потомками великанов, но их герои и короли уже много лет лежали в земле. Большинство южан не умело читать, редко кто мог сосчитать до десяти и не сбиться, но вот гонору в них осталось много, и проще было расколоть им головы, чем втолковать, почему ольвийцам нигде не были рады. Из года в год они странствовали по свету, но так и не смогли отыскать берега, где можно было бросить якорь и пустить корни на новом месте. Здесь им было слишком жарко, там – тесно, а тут у соседей уши велики и глаза косят. И снова в путь, и вновь на милость попутного ветра.

Вечер еще стеснялся назвать себя ночью, но почти взрослая девушка пяти лет от роду уже нарушила приказ родителей и, сбросив юбку, принялась носиться по двору за своим приятелем. Сгорая от стыда, четыре звезды, одна за другой, скатились с неба. С металлическим скрежетом они впились в землю, будто жуки-древоточцы, буравя горы насквозь, и гигантский оползень утянул за собой часть полуострова. В воронку хлынула вода, опрокидывая проходившие мимо корабли, и из трех сотен мореплавателей уцелело не больше

половины. Захлебываясь в ледяной воде, мужчины выстроились цепью, стараясь спасти выживших, но волны забрали еще дюжину. Весь остаток ночи охваченные страхом женщины шептали клятвы верности Урсуле, хранительнице вод, и Тарли-башмачнику, покровителю дорог, и лишь на рассвете боги оказались достаточно близко, чтобы их молитвы были услышаны.

Солнце еще не показалось из-за гор, но по краю неба вдруг вспыхнула голубая оторочка ледников, и чернота медленно стекла от вершины хребта к самому морю, открывая изгиб бухты в милю диаметром и белую башню, венца которой не было видно за облаками. Грузные волны быстро теряли высоту, и к полудню поднятая со дна муть осела. Вода очистилась и стала настолько прозрачной, что можно было рассмотреть раскиданные на глубине остовы ольвийских кораблей.

Ближе всех к берегу лежал разбитый фрегат дома Андагард. Над его накрененной грот-мачтой всё ещё трепетал, послушный незримым течениям, треугольный бело-синий вымпел, последний знак гордости великого рода. Свет скользил по резным чертам морской девы, венчавшей нос корабля, и в этом танце бликов чудилось, будто ее губы вот-вот дрогнут в улыбке. Сквозь толщу воды дева указывала на столп башни, и в сердцах беженцев затеплилась надежда, что изломанный киль корабля лег здесь не по воле слепой стихии, а по велению высших сил, и сама госпожа Аста, хозяйка судеб, выбрала для них этот Край, чтобы остаться здесь

навсегда.

В отличие от нерасторопных историков картографы так боялись гнева герцога, что назвали исчезнувший полуостров «отдельной» провинцией Нордхейм, в честь злого северного ветра, пригнавшего сюда корабли южан. Кавычки заметили слишком поздно - чернила успели высохнуть - и чтобы не полетели головы, в канцелярии утвердили титул выборного лэрда со скромным содержанием от короны и обязанностями «не отделяться» слишком далеко. К счастью для всех деньги растратили, а грамоту с текстом присяги потеряли в пути. Через несколько десятков лет герцогство стало частью империи и проверить, что происходит в таком захолустье как Нордхейм, стало попросту некогда, а вскоре и некому.

Жизнь мелькала, как картинки в волшебном фонаре. Долгая, продрогшая до ледяного хруста зима менялась слякотной весной. За суматошным летом приходила надоедливая, вечно занятая стиркой осень, а затем снова наступал снежный покой. На крошечных окошках мороз рисовал павлиньи хвосты, цветущие яблоневые сады, пушинки одуванчиков, как воспоминания о вечно солнечной Ольвии, оставшейся по ту сторону лет.

Давно уже нет той бабки, которая не могла забыть про юбку, но запомняла рассказать внукам про падающие звезды. Из выброшенного на берег плавника вниз по склону построили избы, и лэрд Берд, третий в своем звании, поставил

частокол вокруг башни и приказал на ночь запира́ть ворота. Посмеявшись над его странной прихотью, долинники в шутку прозвали крепость Бэрда замком, а деревеньку и несколько окрестных хуторов – королевством.

Со стороны моря на границы полуострова теперь намекали лишь клинья утесов. Волны бились о них, то с рокотом, а в хорошую погоду со звонкими шлепками, оставляя во время отлива блестящую корку соли от многочисленных брызг, но опасность представляли не эти исполины, а скрытые пеной каменные зубы. Только опытные лоцманы умели по клетоту бурунов определить расположение клыков между водоворотами, а без их помощи найти вход в гавань было не проще, чем вслепую пройти по волчьей тропе, не зная, где прячется хищник. Любители вольной жизни под пиратским флагом сюда не совались, и со временем за Нордхеймом закрепилась слава одного из немногих мест в округе, где можно было не беспокоиться за сохранность грузов.

С восточной стороны бухты, где было помельче, поутру выплывали местные рыбаки, и здесь с позднего вечера до ночи торговали свежей, еще трепыхающейся рыбой, выловленной в заливе или чуть дальше его горловины. На открытую воду простые лодки не выходили, а кто рисковал, того подхватывало течение, и если не разбивало сразу о рифы, то выносило далеко в море.

С запада, где было глубоко даже в отлив, построили каменный пирс. Здесь разгружались крупные суда с бочками

солонины и китового жира, сюда заходили купеческие шхуны с пестрыми тканями, дорогими специями и сушеными фруктами. По сравнению с рыбным рынком цены тут были повыше, но и торг побойчее, а сделки скрепляли прямо на пристани или в небольшой хибаре, которую местные гордо называли трактиром.

Зимой бухта покрывалась льдом, торговля замирала, дорогу в долину заметало снегом, и если весна запаздывала, то жителям общины приходилось потуже затягивать пояса и ложиться спать спозаранку, заглушая урчание в животах звучным храпом. Холодный ветер и долгие ночи заставляли забыть про семейные ссоры, прижимаясь друг к другу в постели. Переплетение озябших ног, несомненно, способствовало плодовитости, и год от года население Нордхейма лишь прирастало.

На первую весеннюю ярмарку в долине бывшие ольвийцы приезжали целыми семьями, и за каждым отцом следовал полный комплект наследников. Кого-то несли на руках, кто-то уже шел самостоятельно, но будь то последыш или первенец, родители все равно были уверены, что в этот раз им повезло, и именно их ребенок станет следующим лэрдом, а иначе, зачем его наградили такими милыми ямочками на щеках, умными глазками и крошечными пальчиками.

Так происходит со всеми, редко кому удастся не поддаться крошечнопальчиковому безумию, устоять перед щечкоямочным обаянием и не начать прислушиваться к бессвяз-

ному бормотанию младенца, находя в нем скрытый смысл. В наказание этим изгоям раз в поколение рождается Юный Герой, чьи первые слова записывают красными чернилами поперек королевских указов, и чей смех заставляет древних старух забыть про возраст и улыбнуться в ответ. Весь мир трепещет и выворачивается перед этим счастливчиком, до поры пряча когти и подставляя для ласки лишь теплое брюхо.

Из книги Арро Лефей «Путешествие на север
или странствия бедного торговца
к башне Хаоса».

Глава 1. Корди

Корделия Андагард, дочь Ольгерда и Елены, лэрда и леди Нордхейма.

Никто не мог с уверенностью сказать, когда она встала на ноги и сделала первый шаг. Никто так и не узнал, упала ли она в тот раз, заплакала ли. Все были заняты и спохватились слишком поздно, когда девочка уже научилась бегать, а заодно спорить, пререкаться и прятаться от каждого, кого считала чересчур скучным или серьезным.

Года в четыре она впервые задумалась над смыслом своего имени и тотчас его возненавидела. Оно показалось ей слишком длинным и напоминало карканье воронья поутру, такое же грубое и резкое. Старая Грета, как могла, успокаивала девочку, говорила, что внутри ее имени спрятано слово «Cordis», и ей досталось сердце покровительницы их края, девы Крейддилэд.

- Давным-давно, - рассказывала няня, - за ее руку сражались два брата, Паллор и Павор, Они были равны и в силе и в храбрости, и Крейддилэд не могла сделать между ними выбор, а когда один из братьев погиб, то поклялась, что навсегда останется невестой для обоих. До сих пор с приходом весны она плетет венки вместе с Паллором, и от их нежности созревает обильный урожай, а осенью возвращается под землю к Павору, чтобы бродить по ледяным пустошам и браж-

ничать в компании мертвецов.

Каждый раз, завершая рассказ, няня добавляла в конце что-то новое, превращая и без того печальную историю в настоящую трагедию. Она надеялась, что ее воспитанница наконец-то перестанет кривить губы, когда ее называют полным именем, но эффект был обратным. В четыре года брачные игры взрослых Корделию интересовали мало, и она продолжала завидовать Анникам, Лагертам, Ханнам и Килдам, которым не приходилось краснеть при знакомстве и объяснять каждому встречному, зачем древним рыцарям понадобилась лишняя рука, и чем она хуже ноги или, скажем, носа. К тому же все ее подруги были розовощекими блондинками, одинаковыми, словно свежеиспеченные булочки, ей же вдобавок к странному имени достались волосы чернее сажи и глаза темно-синие, как грозовое небо.

С помощью лести и подкупа, а чаще пинков и затрещин, она заставила дворовых мальчишек признать, что она просто Корди. Не Корделия, Дэлия, Конни или Лия, а Корди, и никак иначе. Некоторые, правда, продолжали исподтишка называть девочку ведьмой, но Корди тайне гордилась своим прозвищем, особенно когда эти храбрецы прятались за спинами отцов при ее приближении.

Дни напролет Корди проводила во дворе, командуя малышкой, а к вечеру засыпала прямо там, на поле боя, в окружении павших от усталости соратников. Не проходило часа, чтобы ее не стаскивали с крыши или не вылавливали из

самой глубокой лужи. Приводя в умиление приезжих, Корди во главе избранной гвардии лично встречала каждого, кто только заглядывал в бухту. Безропотно отдавая таможенные сладости, они получали взамен клочок бумаги с отпечатком грязной ладони – официальное разрешение местной принцессы на пересечение границ ее королевства.

Корди не боялась ни змей, ни пауков, ни даже огромных портовых крыс. Она могла на спор отправиться купаться в море в самый разгар шторма, знала по именам самых свирепых собак в округе и помнила наизусть все подслушанные в таверне ругательства, а при случае вставляла их в разговор так метко, что бывалые рыбаки только кричали от восхищения.

Корди лазила по скалам не хуже любого мальчишки, быстрее всех выискивая среди острых уступов чаячьи гнезда. Ее локти и колени были вечно разбиты в кровь, а подметки на башмаках стаптывались до дыр за неделю. Все дети поселка ее побаивались и уважали за острый язык, и лишь два человека на всем свете, Ольгерд и Грета, знали Страшную Тайну, которую девочка не могла доверить никому из приятелей.

Стоило начать смеркаться, как Корди из бесстрашной легенды порта превращалась в перепуганного зверька. Девочка до хрипоты упрашивала Грету остаться с ней на ночь или хотя бы не тушить свечу, чтобы та разгоняла тени по углам, и если что-то тревожило ее сон, а няни рядом не было, то Корди поднимала дикий крик и мчалась в кабинет отца. Лишь

в руках Ольгерда, когда он гладил её по мокрым от пота волосам и шептал ей на ухо всякие ласковые глупости, девочка наконец-то переставала плакать и чувствовала себя в безопасности от бледного призрака, который обитал в заколоченной спальне её матери.

- Можно войти? - пропищала Корди, приоткрывая дверь в кабинет отца.

- Проходи-проходи, - ответил ей Ольгерд. – И ты, Грета, тоже входи. Нечего за порогом вздыхать, и так от сквозняков кости ломит.

- Премного благодарна, а я уж думала, оставишь меня на холоде. Да кто я такая, бездомная приживалка, со мной можно не церемониться, - пробормотала женщина настолько тихо, чтобы ее слова можно было принять за старческое ворчание, и достаточно громко, чтобы ее было слышно во всей башне, включая кухню двумя этажами ниже.

Грета вырастила не только Корделию, но и половину детей Нордхейма, а лет тридцать назад, когда уважительное прозвище «Старая» к ней еще не прикипело, была кормилицей младшего брата Ольгерда, Ульфа. Она знала лэрда еще крохой и помнила о нем такие вещи, что Ольгерд покрывался испариной, стоило ей нахмурить брови или раскрыть рот в присутствии посторонних. Хотя Корди уже не нуждалась в постоянной опеке, но няня до сих пор занимала самую теплую комнату в башне, за обедом ей первой подавали тарелку,

а если кто-то был против, то этот кто-то мог запросто получить ложкой по лбу. «Так было, так есть и так будет», - повторяла она, поднимая вверх узловатый палец и собираясь, по-видимому, жить вечно.

- Разбаловал ты свою дочь, совсем сладу с ней нет.

Не обращая внимания на беззвучные протесты хозяина, Старая Грета забрала у него со стола свечу и уселась на единственное в комнате кресло с полным комплектом ножек.

- Я же работаю, - слабо запротестовал Ольгерд.

- А я - нет? - няня вытащила из корзинки для шитья чулок с дыркой на пятке, клубок толстых ниток и длинную штопальную иглу. - Конечно, кто я такая... нахлебница в чужом доме..., - в этот раз ее шепот был слышен, кажется, даже со двора.

- Так что там с Корди? – смирился с отсутствием света Ольгерд.

- Выдумывает всякое, вот что! Уложила ее, спустилась к себе, только устроилась у камина, как тут – крик. Мчусь наверх, а она с головой под одеялом, говорит, что ей в дверь стучали. Сон у меня чуткий, муха пролетит - услышу, а тут - ни звука. Нет никого. Ни в коридоре, ни на лестнице, а каждый раз попусту вверх-вниз скакать мне уже тяжело, – замолчав на мгновение, Грета попыталась вдеть нитку в иглу, но промахнулась на пол-ладони. – Еще и очки у меня пропали. Наверняка она стащила, чтобы я ее не ругала. Снова где-то бегала до ночи и вернулась по брови в глине, да еще

и юбку порвала.

Непослушная нитка раз за разом отказывалась проходить сквозь игольное ушко, и няня вскоре задремала, иногда воистину по-королевски похрапывая, чтобы никто не сомневался в чуткости ее сна.

Оторвавшись от бумаг, Ольгерд посадил Корди себе на колени, и она рассказала ему, что юбку она и в правду разорвала, но мальчишки первыми полезли в драку, к тому же у собаки трактирщика появились щенки, все рыжие, а кухарка Мария назвала ее своей лучшей помощницей и совсем не сердится из-за разбитой чашки (и не заметила пропажи еще двух-трех, чьи осколки девочка спрятала под стогом гнилой соломы).

- Так что там случилось с очками няни? – спросил Ольгерд.

- Ничего, она сама их потеряла, - Корди вытащила из кармана пропажу и вручила ее отцу. - Она потеряла, а я нашла.

- А почему сразу не вернула?

- А... а почему ты не берешь меня в море? – тут же поменяла тему разговора Корди.

- Ну, море слишком опасно для детей, - нахмурился Ольгерд, заглядывая дочери в глаза. Иногда ему казалось, что девочка вырастет слишком быстро, и вскоре начнет задавать вопросы, отвечать на которые ему пока не хотелось.

- Я уже не маленькая.

- Но тебе все еще снятся страшные сны?

- Да. Это все Крейддилэд. Днем она сидит тихо в комнате мамы, а как стемнеет, так спускается ко мне и стучит в дверь.

- Так ты ее не впускай.

Когда Ольгерд впервые услышал от дочери про Крейддилэд, то отчитал няню за то, что она перепугала девочку своими сказками. Корделия почему-то пропустила мимо ушей всю весеннюю предысторию, но та ее часть, что про ледяных упырей и Королеву Загробного мира, впечаталась ей в память намертво.

- Я и не пускаю, но засов сам падает, дверь открывается, а она стоит за порогом, вся в белом, и задает одни и те же вопросы. Много-много раз.

- И чего же она хочет от тебя?

- Она спрашивает меня: «Зачем ты здесь?». Снова и снова, а я не знаю, что мне ей ответить, - захныкала Корди. - Давай ты возьмешь меня в море. Мы уплывем далеко-далеко, и Крейддилэд больше меня не найдет.

- Нет, - покачал головой отец, - еще рано.

- Но...

- Никаких «но». Если ты будешь капризничать, то я разбужу няню и покажу ей украденные тобой очки.

- Ох, вредина, - девочка отобрала у отца доказательство преступления, подкралась к спящей женщине и нацепила улику ей на лоб. – Теперь она кричать не будет, - хитро улыбнулась маленькая воровка.

- Какая ты у меня смышленная.

- Ага, - согласилась с ним Корди. Порывшись в карманах домашней куртки отца, она нашла припрятанную там Ольгердом карамельку и тут же забыла про слезы, про призрака, а заодно и про путешествие, по крайней мере, до завтрашней ночи. – Расскажи мне сказку, - попросила она, целуя отца в щеку липкими от сахара губами.

- Ладно, - Ольгерд перекинул сладкоежку через плечо, встал и принялся кружить по комнате, радуясь, что день сложных вопросов пока не наступил, и у него еще есть время придумать правдивую историю о рождении единственной дочери и исчезновении ее матери. - Далеко-далеко в кустах орешника куница как-то построила себе дом...

- Нет, не эту, - потребовала Корди, перебираясь отцу на шею и закрывая ему рот руками. – Про принцессу и колдунью.

- Но она же для детей, а ты уже большая.

- Хочу! – прикрикнула девочка, молотя пятками по груди Ольгерда. - Про принцессу. Про колдунью. Про...

- Тише ты, разбудишь...

- Что вы так расшумелись? – проснулась няня. Она укоризненно покачала головой, разглядывая орущую парочку, и очки упали ей на нос. – Вот они где, а я уже обыскалась.

- Хорошо, - сдался отец, доставая с полки книжку с картинками. – Но это в последний раз. Ты уже сама умеешь читать.

- В последний. Про принцессу, - закивала Корди, кладя

голову ему на плечо.

- В леденцовой стране посреди лакричного леса стоял пряничный домик, - начал Ольгерд. – В нем жила... Что же это здесь написано? Зубная ведьма?

Лэрд Нордхейма считался самым грамотным человеком в бухте. Умело торгуясь, он честно делил прибыль между жителями общины, хорошо разбирался в цифрах и мог складывать в уме простые числа без помощи пальцев, но слова, вроде «лучезарный» и «темноокий», ставили его в тупик.

- Злобная, - поправила его девочка, заглядывая в книгу. – Она была жадная, не любила детей и вечно на них ворчала.

- Это ты про кого сейчас? – вмешалась в разговор Грета. – У старушки, верно, зубы разболелись. Столько сахара вокруг, кто угодно бы разозлился.

- Но у тебя же они не болят, - захихикала Корди. - Ты уже все сладости, которые папа привез с ярмарки, сгрызла, а мне ничего не оставила.

- Да, я...

- Перестаньте, иначе я обеих выставлю за дверь, будете препираться на лестнице, - потушил ссору Ольгерд, не дав ей как следует разгореться. – Что тут у нас дальше? Далеко-далеко..., - продолжил он чтение, предусмотрительно пропуская особенно длинные слова.

Корди давно знала наизусть все истории. Ей нравилось слушать про заблудившихся сирот и заколдованных лягушек, про девочку в красном плаще и серого волка, но боль-

ше всех она любила сказку о девушке, которую мачеха заточила в высокой башне. На обложке книги был нарисован дворец из белого камня, изящные домики с остроконечными крышами, ажурные решетки и тонкие паутинки мостков. Разглядывая картинку, Корди всякий раз представляла, что одно из крошечных окошечек распахнется, и она увидит фигурку пленницы с длинными черными косами и глазами синими, как небо перед грозой.

Дослушав историю до середины, Корди спрыгнула с колен Ольгерда и закричала: «Чур, я буду принцессой! Согласны?! Только уж я не стану ждать какого-то рыцаря, а просто стукну колдунью по голове и убегу».

Няня охнула, роняя незаштопанный носок, а отец молча улыбнулся, глядя, как девочка размахивает кочергой.

Дети в Нордхейме вырастали быстро. Корди не исполнилось и семи, но она уже понимала, что ее замок мало напоминает картинку из книжки. Жители бухты были превосходными рыбаками и сносными мореплавателями, но просто отвратительными каменщиками. После Берда каждый следующий лэрд старался что-то пристроить к башне, и за много лет ее облепили множеством уродливых сараев и кособоких коптилен. Случайные приезжие, заглянувшие из любопытства в замок, терялись в лабиринте кривых переходов, и один из купцов, вынужденный задержаться в Нордхейме на целую зиму, сказал, что «этот архитектурный хаос напоминает ему

Каменную иглу, проколовшую небо». Корди, конечно, не поняла, что он имел в виду, но, хвастаясь перед соседскими мальчишкам, намеренно ввернула, что иноземец сравнил ее замок с Хаосом. Так, мол, в их краях называют самые неприступные сооружения.

Магия Юного героя еще не рассеялась, и хотя Корди немного важничала, требуя, чтобы в любой игре ее загодя выбирали победителем, но без ушата горячей воды даже Ольгерд вряд ли смог бы сходу определить, кто в этой малолетней банде его родная дочь, а кого занесло попутным ветром из гавани или с дальнего хутора, чтобы покидаться грязью или попрыгать по балкам, подпирающим расползающиеся стены замка.

Набегавшись, наоравшись, десяток раз подравшись и помирившись, армия будущих мореплавателей, отчаянных пиратов и их храбрых подруг собиралась в старом амбаре с прохудившейся крышей. Здесь располагался штаб, и тут уж у Корди не было соперников. Ее вассалы рассаживались на грудах мусора, а она на свой лад пересказывала им услышанные от отца сказки и истории старой нянюшки. В ее версии перепуганные медведи убегали прочь от золотоволосой самозванки, девочка и старушка шили шубы из шкуры убитого волка, а приключения принцессы в высокой башне оказывались настолько захватывающими, что ведьма не знала, как от нее избавиться, и когда подвернулся заезжий принц, то она еще и денег ему дала на дорогу. «Так было, так есть

и так будет! Клянусь Четверыми», - заканчивала Корди очередной рассказ, по примеру няни поднимая указательный палец вверх.

- Вранье! – зашумели слушатели на галерке.

На стропилах под крышей сидели подростки, приставленные родителями приглядывать за малышкой и раздавать подзатыльники наиболее расшалившимся. Их мнением Корди особенно дорожила и заранее приготовилась к возможному бунту.

- Чистая правда! - она предъявила им книгу, которую тайком стянула из комнаты Ольгерда.

- Вот это да! - увидев обложку с замком, количество еретиков сразу сократилось, и даже самые недоверчивые, посоветовавшись, признали, что история правдивая, но..

- ..но если бы принцесса жила в нашей башне, то, верно, померла бы от голода, - гордо вышел вперед Стивен, самый старший из семи сыновей Кима Рыжего. Как и его отец, он почему-то недолюбливал Корди и перечил ей при каждом удобном случае. – Точно вам говорю, померла, потому как ловкачей, способных добраться до самого верха, на всем свете не сыщется.

- Верно, верно, - загалдели остальные.

Поразмыслив, Корди сначала согласилась с их доводами, а потом передумала.

- Она бы ловила птиц и питалась ими, а из перьев смасте-

рила бы себе крылья!

- Дура, люди летать не умеют, - неожиданно встал на сторону противника Йона-коротышка, за что и был награжден королевским пинком под зад.

Йона был сыном кухарки Марии и родился на две недели раньше Корди, но, как говорила няня, весь пошел в отца и до сих пор оставался самым низкорослым среди сверстников. Корди часто заступалась за него, лупя обидчиков, и Йона в знак благодарности поклялся быть ее верным оруженосцем, а когда они вырастут и станут великими пиратами, то довольствоваться меньшей половиной мира.

- Пусти-пусти, все равно ты все врешь, в книге ничего такого не написано! – мальчик высунул язык и на всякий случай отскочил подальше.

Вынести подобного вероломства Корди уже не могла. В ход пошли комья глины и пригоршни навоза, но ко всеобщему разочарованию завязавшаяся было схватка быстро закончилась.

- Дууура, - отчаянно завопил Йона, выбегая из амбара и скрываясь от разъяренной Корди за дверью кухни. - Я все няне расскажу.

Вечером Корди, конечно, досталось. Больше часа ей пришлось выслушивать наставления Старой Греты, но девочка была так погружена в свои мысли, что пропустила гневную проповедь мимо ушей.

- Пап, а кто построил нашу башню? – спросила она, едва

дождавшись, пока старая женщина переведет дыхание.

- Что? Башня? – ответил ей Ольгерд, отрываясь от сверки цифр в отчете из верфи. - Она была здесь всегда...

- Всегда, деточка, - позабыв про воспитательный процесс, отозвалась няня. – Ее возвели задолго до того, как мы приплыли сюда с летних островов.

- Никто не знает, кто ее выстроил, но, верно, не люди, – поразмыслив над вопросом, подтвердил нянину версию Ольгерд. - Уж очень она высокая, да и камень нездешний.

- Вот-вот, - снова перебила его няня. - Амбар-то уже сколько лет отремонтировать надо. Зимой его снегом под самую крышу заносит...

- Помолчи, старая. - Ольгерд воинственно сдвинул брови, но Грета лишь слегка прищурилась в ответ, и лэрд Нордхейма тотчас сник. - Камень, говорю, странный, - пробормотал он, стараясь не встречаться с няней взглядом. - Белый, гладкий, и прожилки по нему голубые бегут, словно иней. Кто уж только не пробовал хоть кусочек этого камня отковырнуть, чем только не колотили, да все без толку. Колдовство, наверное. Наши предки увидели башню на утро после кораблекрушения и решили, что это Четверо подают им знак, а когда подошли ближе...

- ... стояла она с открытыми дверями, приглашая каждого, кто осмелится войти и стать ее хозяином, разгадать великую тайну, - закончила за него старушка, размахивая в воздухе вязальной спицей.

- И это всё?

Сколько себя помнила, Корди всегда старалась разгадать загадку древних строителей. Снаружи башня выглядела абсолютно неприступной, а внутренняя лестница вилась серпантинном лишь до четвертого этажа и упиралась в потолок. Корди вставала на ходули, привязывала крючья к веревкам, однажды даже предложила сообщца насыпать земляной вал и взобраться по нему до пустых окон, но поселенцы жили морем, и ее идею никто не поддержал.

- Нет, не всё, - добавил Ольгерд. Он достал домовую книгу, в которую записывали имена всех жителей бухты, и показал на первую страницу. – Наш предок, Ульрих Андагард, был бездетным, а жена его погибла вместе с большинством жителей Ольвии, но когда он вошел в башню, то увидел пылающий очаг, а внутри на раскаленных углях лежал младенец. Понял Ульрих, что башня предлагает ему не только кров, но и возможность скрестить с ней свой род. Взял он ребенка на руки, и огонь из очага переметнулся на стены, складываясь в письма. Буквы вскоре исчезли, но Ульрих запомнил каждое слово и после смерти передал их приемному сыну, а тот – своему. Так они дошли и до нас.

- Знаю-знаю, - заерзала от нетерпения Корди. – «Только тот, кто..»

- Тихо, - прикрикнул на нее отец. – Только лэрду можно произносить эти слова вслух.

- Только тот, - Корди съежилась, но через мгновение уже

шептала, прикрыв ладонью рот, - ...кто видит сердцем и в горечи утраты отыщет сладость победы..., - девочка украдкой посмотрела на потолок, ожидая, что тот вот-вот рухнет. - А что ты ответил, когда тебя выбирали? – осмелела она, когда трещины не появились, и никто не начал бить стекла за нарушение закона.

- Я-то, - Ольгерд почесал затылок. – Поступил как все до меня. Выкатил на площадь самую большую бочку медовухи и сидел рядом, пока не выпил до дна. Эх, и голова потом гудела...

- Помню-помню!- не выдержала Грета, откладывая вязание.- Тебя так рвало, а всю «сладость» с пола потом мне пришлось оттирать.

- А вторая, - Корди подалась вперед, и её глаза горели любопытством. – Вторая загадка. «Только тот, кто спрядет огненную нить и поделится ею с каждым, кто уже потерял надежду». Что ты ответил?

- Я..., - начал отец.

- Он приделал к обычной прялке зеркальце, - не дала договорить ему няня. У неё, как всегда, была своя, куда более интересная версия, и ей не терпелось её рассказать - А Михель, его старший брат, со вторым зеркалом должен был пустить из-за угла солнечного зайчика, но промахнулся и угодил в глаза старухи Эльгерберт. Она завопила, что ослепла, упала в лужу... а там грязи по колено! Вот смеху-то было!

- Да. Было дело. – Ольгерд тяжело вздохнул, надеясь, что

на этом расспросы закончатся.

- А третья? - не отставала Корди. – «Только тот, кто сможет добраться до края мира...»

- Я прыгнул со скалы в море, - пробормотал отец, избегая взгляда дочери.

- Дурья башка, - фыркнула Грета, ткнув спицей в его направление. - Свалился как мешок с картошкой. Мы его потом верёвками наверх тащили.

- А четвертая...

- Я уж и не помню...

- До четвёртой и пятой не дошло, - Грета показала головой, и её морщинистое лицо расплылось в ухмылке. – Он неделю потом без памяти провалялся, но и трех ответов посчитали достаточным. Предыдущий лэрд и на первой загадке опозорился - бочку не допил, свалился пьяный в свинарник.

- Так ты так не узнал, в чем тайна башни? - не смогла скрыть разочарования Корди.

- Да кто же ее знает, на то она и тайна, - зевнула Старая Грета, откидываясь на спинку кресла.

Измученный длинным разговором, Ольгерд утвердительно кивнул и вернулся к сверке цифр в бухгалтерской книге.

Только тот, кто видит сердцем и в горечи утраты отыщет сладость победы...

...только тот, кто спрядет огненную нить и поделится ею с каждым, кто уже потерял надежду...

...только тот, кто сможет добраться до края мира и продолжить путь за его пределами...

...только тот, кто соберет целое из осколков и призовет грозу без единой молнии...

...только тот, кто отыщет след тишины и выйдет на бой с оружием и безоружным...

Только тот достоин стать настоящим хозяином башни и раскрыть ее великую тайну!

- Что же это значит?

Корди давно переписала все загадки, и не проходило дня, чтобы она не размышляла над их смыслом.

«Только тот, кто видит сердцем...»

Завязывая глаза, девочка облазила весь замок, изучила каждый поворот бесчисленных кротовых нор, соединяющих его пристройки, набила себе шишек, зато отыскала еще один потайной ход в кладовую, где хранились запасы меда.

- Теперь я знаю, что такое утраты, - морщилась Корди, расчесывая ссадины на коленках, - а вот и сладость, - кивнула она, отправляя в рот кусок сотов.

«Только тот, кто сможет добраться до края мира...»

- С этим я тоже как-нибудь разберусь!

Два раза в год, ранней осенью, чтобы успеть до морозов, и поздней весной, когда горло бухты очищалось ото льда, несколько самых крепких лодок Нордхейма отправлялись на север, к берегам Кааса. Там жил странный низкорослый на-

родец, веривший, что море священо. Они передвигались только по суше и торговали лишь со своими соседями, отдавая им тюлений жир и крепкие шкуры в обмен на сушеную рыбу и костную муку.

Судам приходилось плыть вдоль берега, обходя сползающие ледники. Путь был несложный, но лет десять назад одна из лодок оторвалась от группы, и ее остов прибило к берегу уже в середине лета. Команда пропала, груз оказался съеденным, а на палубе лежали клочки серебристой шерсти. С тех пор в лесу рядом с Нордхеймом стали замечать следы огромной медведицы. Охотники узнали в ней Омбра и говорили, что это древнее и могущественное божество, которое покинуло северные земли, чтобы выбрать себе наследника среди смертных.

- Если у этого мира и есть свой край, то он может находиться только на севере, а раз Омбра покинула родину, то забраться к ней в берлогу не составит труда, - радовалась Корди, представляя себя за штурвалом корабля.

«Только тот, кто спрядет огненную нить...»

- А вот здесь что-то не складывается...

Корди честно пыталась научиться прясть, прилежно сидела рядом с няней, но от вращения веретена ее клонило в сон. Нитка получилась толстой, как брови Старой Греты, и такой же мохнатой, о чем девочка не преминула высказаться, и ее тотчас отлучили от обучения на веки вечные. Ни минуты не сомневаясь, что в неудаче виновата прялка, Корди пристава-

ла к отцу с расспросами о той самой, заветной, огненной, и получила от него в подарок самую обыкновенную, зато выкрашенную в желтый цвет.

- Ничего, - не теряла надежды девочка, - если уж прясть я не научилась, так хоть поделиться огнем мне по силам. Вдруг и половины разгадки будет достаточно.

- Только тот, - повторяла Корди, бегая с факелом по окрестностям.

- Только тот, - твердила она, сгребая сено в копну и выливая сверху черпак смолы.

- Только тот...

Глава 2. Дом со шпилем на крыше

26 февраля 1998 года. Вторник. День, когда олимпиада в Нагасаки уже отгремела, - Элис за ней не следила, - а чемпионат мира по фигурному катанию еще не начался, - Элис его и не ждала. Вчера прошла очередная церемония Грэмми, и премия досталась песне в память о погибшей принцессе, но Элис, пожалуй, была единственной, кто ее ни разу не дослушал до конца. В прошлом году она не ходила на выборы и в День Президента безропотно вызвалась работать сверхурочно. Элис проспала День святого Валентина и собиралась провести в кровати и День Поминовения, зато сегодня, в ничем не примечательный февральский вторник, она решила взять выходной, наврав начальнику, что к ней приезжает тетка из провинции.

Никакой тетки у Элис не было, но если верить бульварным романам, именно в дни появления несуществующих родственниц и происходят встречи с таинственными незнакомцами, которые обязаны превратить жизнь героини в увлекательное приключение. К несчастью, Элис О-Коннер не читала романов и не знала, где и кем назначаются эти свидания. Да, она была рыжеволосой и зеленоглазой, но ее волосы не стекали с плеч расплавом меди, а глаза не сияли, как изумруды. От матери Элис достались непослушные кукольные кудряшки, жесткие, как проволока. Она честно старалась их

усмирить, вытягивала и заплетала, но есть вещи, с которыми не нужно спорить, и лучше оставить все как есть. Ее глаза тоже были не слишком выразительные, серо-зеленые, цвета нефрита, морской волны, еловой хвои, а, скорее, сплава всех трех оттенков сразу. Добавьте к этому рост в пять футов на каблуках, купленную в детском отделе Волмарт одежду, плоскую грудь, узкие бедра, и получившийся образ вряд ли будет соответствовать стандартам героини потенциально-го бестселлера в четырех томах, а может - и это была личная точка зрения Элис - стандарты были слишком тесны для нее.

В пятнадцать лет Элис проколола уши. В девятнадцать пробила нос, а на вечернике в честь двадцатилетия так набралась, что твердо решила вставить штангу в нижнюю губу, но, к счастью, мастер был занят, и она успела протрезветь. Элис не была по натуре бунтаркой и при случае могла надеть розовую кофту с обтягивающими джинсами, но в городском колледже, где она изучала геологию и подрабатывала лаборанткой, парни все равно поглядывали на нее с опаской, и хотя выбор девушек на факультете был не велик, но Элис всегда предпочитали Марти Штольц.

Бурная личная жизнь мисс Штольц вызывала искреннюю зависть. Иногда она встречалась сразу с двумя или тремя аспирантами за раз, разыгрывая настоящую драму при расставании, а потом звонила по ночам в слезах, требуя встречи. В отличие от легкомысленной подруги Элис после завершения очередного романа обрывала все связи с бывшими, предпо-

читая одиночество долгому выяснению отношений. Вот и сегодня Элис собиралась провести весь день в лучшей из компаний – совершенно одна, и единственным пунктом ее плана был поход в кино на лучший из фильмов.

«Титаник». 1998 год - был годом «Титаника». Ни Олимпиады, ни фигурного катания, а фильма про гигантский корабль, который прославился лишь тем, что бесславно пошел ко дну в первый же рейс. Девушку с черной подводкой вокруг глаз сложно было заподозрить в такой сентиментальности, и она сама не ожидала, что фильм ей так понравится, но, «да» - она ходила на него девять раз и сегодня шла в десятый, юбилейный. «Да» - она купила футболку с постером. И «нет» - она не говорила о своем увлечении никому из знакомых и носила футболку только дома... или изредка под свитером на работу.

Фильм шел уже больше двух месяцев, и Элис всегда выбирала новые кинотеатры, чтобы не примелькаться. Сегодня это был зал в не самом спокойном районе города под книжным магазином, где продавали несвежий попкорн и лакричные палочки марки, которую перестали выпускать еще до рождения Элис. Она прошла в полупустой зал и спрятала корешок билета в сумку для коллекции.

Публика была самая обычная: несколько теток, заранее подготовивших пачку салфеток, чтобы утирать слезы, и молоденькие девчонки, которые слишком громко хихикали, стараясь привлечь внимание единственного парня на весь

зал. Тот сидел в двух рядах позади Элис, и если даже она не вписывалась в армию хлюпающих носом фанаток, то он и по-давно принадлежал к команде противника. Высокий спортсмен, по габаритам не уступающий холодильнику, при голубых глазах и белоснежной шевелюре. Такие парни, как правило, не интересовали Элис, а их накаченные шеи не позволяли головам опускаться достаточно низко, чтобы рассмотреть столь миниатюрное создание.

Свет в зале начал меркнуть, из динамиков раздался трубный рев, означавший проверку звука, и Элис вдруг поняла, что правила изменились. Парень таращился на нее во все глаза, будто перед ним сидела не симпатичная девушка, а настоящее привидение, но стоило ей встретиться с ним взглядом, покраснел и сделал вид, что смотрит на экран позади нее. Крошечная победа маленьких людей доставила Элис немалое удовольствие, и весь рекламный блок она улыбалась до ушей, радуясь, что ее никто не видит в темноте.

«Нет... не прощайся со мной.... Не сдавайся... Ты выберешься отсюда... Ты будешь жить ...Я обещаю тебе».

Три часа прошли, фильм закончился, и Элис досмотрела до конца даже титры. Мурлыкая себе под нос, - пам-пам-пам-пам-пам-па-go oooo - она вышла из зала в февральский вечер. Моросил дождь или падал снег, а может снег с дождем, что для этого времени года было куда более типично, и Элис оставалось всего полквартила до остановки автобуса, когда позади нее раздался топот, и она услышала крик: «По-

дождите!».

Из-за непогоды народу на улице было немного, и Элис на всякий случай прибавила шаг.

- Да подождите же!

Она обернулась и увидела, что ее догоняет уже знакомый ей спортсмен.

- Что вам нужно? - спросила Элис слишком резко. После замужества Марти, она осталась единственной девушкой в общежитии. Ее назначили ответственной по этажу для студентов-первокурсников, и Элис хорошо знала, как усмирить подвыпившую компанию и остудить пыл чересчур прилипчивого ухажера.

- Это вам, - произнес спортсмен, протягивая ей руку. На раскрытой ладони лежал сине-зеленый камень в форме сердца, а тонкая серебряная цепочка была замотана вокруг его запястья.

Элис была бы последней душой, если бы купилась на стеклянную подделку, но парень был симпатичным, и она решила дать ему шанс.

- Вы миллионер? - спросила девушка, старательно ахая от восхищения.

- Нет, - честно сознался спортсмен. Он говорил без акцента, но так четко выговаривал слова, как поступают лишь иностранцы, - этот камень... не совсем камень, если честно... стоил всего десять баксов, но ведь главное не цена...

- А зачем вы его купили?

- Увидел в витрине сувенирного магазина в двух кварталах отсюда и сразу подумал о вас.

- Обо мне?

- Мне показалось, что вам понравится.

Элис посмотрела на парня, потом снова на ожерелье - не все так плохо, в паре с майкой оно вполне могло бы смотреться.

- И когда же вы успели за ним сходить? Вы же сидели прямо за мной, и когда я выходила, оставались на месте.

- Ах, это... Я купил его с месяц назад, но не знал, как вам отдать.

- Стоп, - посерьезнела Элис. - Вы что, следили за мной?

- Нет, - еще сильнее засмутился парень. - Вот уже несколько месяцев, как я встречаю вас в кино. Вы меня не замечали, потому что были слишком заняты фильмом, но я всегда оказывался на два ряда позади вас, даже если покупал несколько билетов и выбирал место в последнюю секунду. Сначала я думал, что вы меня преследуете, менял кино-театры, специально опаздывал на сеансы, но сегодня уже девятая, нет..., десятая наша встреча, и я решил, что пора бы нам познакомиться поближе.

- Значит, вам тоже понравился фильм?

- Я сегодня впервые досмотрел его до конца, слишком страшно. Я не люблю темноту и стараюсь не выходить из дома, если понимаю, что не вернусь засветло, но в кино бываю часто, особенно если в зале много зрителей.

Признание, что здоровый парень может бояться темноты, да еще и не стесняется говорить об этом при знакомстве, стало вторым для Элис потрясением за день, но тут она заметила, что на мизинце потенциального бывшего отсутствует фаланга с ногтем. Парень проследил ее взгляд, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не издал ни звука, лишь сжал руку в кулак и спрятал ее за спину.

- Послушай, - Элис сделала шаг назад, сообразив, что почти стемнело, и человек с такими лапищами мог бы раздавить ее голову без всяких усилий. - Давай поступим иначе. Я через неделю, а может через две или через полгода пойду на любой сеанс в любом кинотеатре города, и если мы там снова встретимся, вот тогда ты и подаришь мне камень. Согласен?

- Согласен, - правый уголок рта парня пополз вверх, а левый остался неподвижен, отчего все лицо немного перекошило, но Элис понравилась эта кривоватая ухмылка.

- А как хоть тебя зовут? - спросил он перед прощанием, переходя с "вы" на "ты".

- Элис, - ответила она, надеясь на такой же простой ответ, но парень отчего-то замешкался. Понял, что пауза становится неловкой, и занервничал еще сильнее.

- Ален...- тихо произнес он, озираясь, будто его мог кто-то подслушать, - ...нет, Алан. Алан Гринн, - исправился он, светлея лицом.

- Ты уверен?

- Абсолютно.

Элис пошла в кино только через месяц, в конце марта, на следующий день после вручения Оскара. Из четырнадцати номинаций «Титаник» получил одиннадцать наград. Одиннадцать – прекрасное число, намного лучше, чем десять, и не отметить это событие Элис не могла.

Она выбрала ближайший к общежитию кинотеатр, но за пять минут до начала взяла такси и поехала через двенадцать кварталов к только что открытому мультиплексу.

- Один билет, пожалуйста, - Элис наугад выбрала зал и сеанс.

- Осталось место в самом последнем ряду, - ответил ей прыщавый кассир.

- Годится, - просияла Элис.

- Но фильм уже начался.

- Еще лучше, - она сунула ему деньги, пробежала через холл, проскользнула за закрытые двери, но не успели ее глаза привыкнуть к темноте, как Элис поняла, что ее провели. Все кресла в зале были пусты за исключением одного. Алан/Ален сидел спиной к экрану и улыбался во весь рот. Сегодня на нем была черная водолазка, и на широкой груди поблескивала цепочка с сине-зеленым кулоном.

- А почему никого нет? - спросила его Элис, присаживаясь рядом.

- Я выкупил все билеты. Знал, что вы придете, но боялся, что снова буду сидеть позади вас.

- Мы снова на «вы»?

- Прости..., позади «тебя».

- Может быть, ты все же миллионер?

- Увы, - парень похлопал себя по пустому карману, - поэтому кофе после сеанса за ваш... за твой счет.

В этот день Элис еле досмотрела кино до конца и даже не стала ждать титров. Они вышли из пустого зала на улицу, завернули в кофейню, взяли по бумажному стаканчику кофе, но Алан с такой тоской посмотрел на мороженое, что Элис пришлось купить два, ему и себе.

- Теперь я обязан проводить тебя до общежития, - сообщил он, уничтожая рожок мороженого за пару укусов.

- До него двенадцать кварталов, - Элис не стала спрашивать, есть ли у Алана деньги на такси, - и я бы прогулялась пешком.

- Отлично, - обрадовался парень.- Я как раз хотел показать тебе одно здание. Мне очень важно узнать, что ты о нем думаешь.

Алану было двадцать пять. Он учился на юриста, но поздно понял, что любит архитектуру и перевелся в политехнический. Уже на последнем курсе решил, что снова ошибся, и ему больше нравится история, а когда пришла пора выбирать, то сложил все вместе и открыл крошечное бюро по строительной экспертизе. К нему обращались в редких случаях, когда между владельцами возникали споры об исторической ценности того или иного здания, и Алан должен был

представить заключение для суда: снести или оставить.

- Вот, - он показал Элис визитку, - я назвал его ЭИАН: Экспертиза и Исследование Архитектурного Наследия.

- И много у тебя было дел?

- Всего четыре, но я ни разу не проиграл, и ни одно здание при мне не уничтожили.

- И чем же тебе не угодила современная архитектура. Людей все больше, места мало, но всегда можно что-то сломать, чтобы построить новое.

- Я с тобой не согласен. Вот смотри, мы с тобой стоим и разговариваем, а вон в том кафе напротив мужик в кепке додает пончик, а вон та милая женщина только что перешла дорогу. Все это происходит сейчас, но дело в том, что СЕЙ-ЧАС не существует, оно уже в прошлом. Тот пончик уже съеден, он стал прошлым. И женщина, и дорога, и наш с тобой разговор – это уже прошлое, остались лишь воспоминания, и если их потерять, то они исчезнут.

- А причем здесь архитектура?

- Камни, из которых сложен город, самый надежный банк для хранения воспоминаний.

Они как раз свернули на менее людную улицу, где многоквартирные дома и таунхаусы чередовались со старинными голландскими особняками, а редкие проулки были все еще выложены булыжником. Для конца марта было довольно холодно, и Алан покраснелся, рассказывая, как прежде выглядел Мэдисон Сквер Гарден, как сносили епископальную цер-

ковь Всех Ангелов на Верхнем Вест-Сайде и «тройной дворец» Вандербильтов на юге Пятой авеню. Он знал, где раньше находился театр Зигфелд, стадион Левисон и здание банка Бруклин, в мельчайших подробностях описывал роскошь апартаментов Наварро возле Центрального парка, отеля Савойя-Плаза и оригинального Вальдорф-Астория, разрушенного ради возведения Эмпайр Стейт Билдинг. Казалось, он помнил каждое здание в городе, разобранные для расширения улицы, перестроенные и превращенные в лофты, офисы, художественные галереи или магазины.

- Вот здесь, взгляни, - он ткнул на мраморную облицовку кондитерской, - ее привезли из Вермонта железной дорогой, а это, - он метнулся через улицу и показал на гранитную плиту, приспособленную под скамеечку, - из Миннесоты. А здесь ступени из коричневого камня...

- Знаю, - остановила его Элис, - из Коннектикута. Я будущий геолог и читала об этом в учебниках, но никогда не думала, что этот камень все еще можно найти в черте города.

- Тут можно найти все, что угодно. Буквально в квартале отсюда лишь стекло и бетон, а здесь - потертый известняк, терракотовые крыши и теплый ламповый свет фонарей. Если знать, где свернуть, то словно шагаешь сквозь время. Главное, замечать знаки, которые для тебя оставил город, иначе можно потеряться.

- А картой пользоваться не пробовал? - попыталась связать Элис, но Алан посмотрел на нее, как на умалишенную,

и девушка прикусила язык, чтобы его не обидеть. - Я здесь живу уже десять лет и еще ни разу не видела никаких знаков...

- Они повсюду. Вот..., например, - парень опустил на колено и вытащил из водостока блестящий предмет.

- Что это? – спросила его Элис.

- Это доллар с мисс Либерти, - ответил ей Алан, очищая от грязи тяжелую серебряную монету. - Коллекционный экземпляр. Если найти покупателя, то можно выручить за него приличную сумму.

- Наверное, это и в самом деле какое-то волшебное место, раз деньги лежат прямо у нас под ногами.

- Еще какое. С самого начала я хотел показать тебе один дом, но нарочно водил кругами, и вот как раз СЕЙЧАС мы перед ним.

Весь квартал занимало здание с широким основанием, мраморным цоколем и романтическим крылатым шпилем на крыше. Разбросанные по фасаду медные пластины и выпуклые линзы из янтарного стекла выполняли роль ловцов солнца, и в ясный день здание буквально купалось в золоте, но основной сюрприз поджидал Элис с торца. Прямо в стену были вмонтированы стальные рельсы. Они поднимались до самого верха, закругляясь аркой над центральным окном на седьмом этаже. Должно быть, архитектор хотел поставить здесь наружный подъемник, чтобы любоваться закатом, но для своего времени это была слишком смелая идея.

- Этому дому, наверное, лет пятьдесят, - Элис поймала себя на мысли, что улыбается без всякой на то причины.

- Построен к Всемирной выставке, - поправил ее Алан, и его глаза загорелись от возбуждения. – Он уникален, и мы просто обязаны проверить, так ли он хорош изнутри, как и снаружи.

Он толкнул дверь, и они вошли в полутемный вестибюль.

- Простите, мы не помешаем? – спросил Алан, заглядывая в комнату консьержа, откуда раздавалась негромкая музыка. Пост оказался пуст. На табурете позади продавленной кушетки стоял переносной радиоприемник, и Селин Дион, пробираясь сквозь шум помех, еле слышно напевала «My Heart Will Go On».

- Хорошая песня. Где-то я ее уже слышал, - сказал Алан, заглядывая в ящик для ключей. Когда-то такие были в каждом жилом доме на случай потери, но теперь все ячейки были пусты, и к обратной стороне крышки была примотана скотчем универсальная отмычка.

- Мы же только что ее слышали в кинотеатре. «Go oooo...», - отчаянно фальшивя, напела Элис. - Помнишь?

- Ах, это...., - кивнул парень. – Я стараюсь не обращать внимания на мелочи, если они не касаются лично меня либо моей работы.

Элис хотела возмутиться, ведь их встречу тоже можно было назвать «мелочью», и она никак не была связана с работой Алана, но вместо этого коснулась спрятанной под паль-

то цепочки с подвеской. Камень хоть и фальшивый, но был неожиданно приятным на ощупь, и ей вдруг стало так тепло и легко на душе, словно она стащила луну с неба и теперь прижимала ее к груди.

- Смотри, - Алан показал на глубокую царапину в форме восьмерки на стене. - Должно быть от педалей велосипеда. Наверное, здесь живут семьи с детьми.

- Разве это не мелочи?

- Мелочи, - согласился с ней Алан, - Но дети вырастут, уедут, а эта царапина останется здесь навсегда. Так создаются воспоминания.

Он закатал манжет на рубашке и показал Элис татуировку на запястье. Сначала она подумала, что это тоже цифра восемь, но потом догадалась, что Алан набил себе знак бесконечности.

- Так это один из тайных знаков, о которых ты говорил? - спросила его Элис, касаясь татуировки подушечкой пальца.

- Конечно, - Алан не отдернул руки, и оба почувствовали, как тепло перетекает от него к девушке, а потом обратно, но уже помноженное на два. - Этот знак означает, что мы пришли в правильное место и в правильное время, и эту царапину оставили специально для нас.

- Если знаки привели нас сюда, то это, несомненно, очень хороший дом. Жаль, что в нем не так уж много квартир, - Элис указала на ряд почтовых ящиков с латунными номерами. Первый был чуть приоткрыт, и сквозь щель на пол про-

сыпались письма в синих конвертах, а на последнем был прилеплен стикер с логотипом агентства по продаже недвижимости.

- Не просто хороший, а отличный, но жить здесь возмутительно дорого, - тяжело вздохнул Алан, переписывая в записную книжку телефонный номер риелтора.

Селин Дион сменила Бонни Тайлер, которая искала своего героя, а затем Элтон Джон с хитом «Candle in the Wind».

Алан и Элис обошли весь холл, разглядывая плитку на полу, декоративные панели на стенах и мраморную панель над главным входом, пока не услышали щелчок открываемой двери и шелест шагов на втором этаже. Должно быть, консьерж все же решил вернуться на свой пост, или кто-то из жильцов спускался за газетой.

- Бежим, – прошептала Элис. Они выскочили на улицу и понеслись наперегонки до следующего перекрестка, словно снова стали детьми, и за ними гнался злой дворник.

- Когда-нибудь я все же стану известным адвокатом и буду зарабатывать большие деньги, - запыхался Алан, – и, знаешь, на что я потрачу свой первый гонорар?

Элис ничего не ответила, хотя догадывалась, каким будет ответ.

- Первый делом я, конечно, верну тебе долг за кофе и обязательно покатаю на такси по всему городу, а потом, - парень сделал многозначительную паузу, - потом я куплю квартиру в этом самом доме. Обязательно на седьмом этаже, и чтобы

там...

- Чтобы там были полы из орехового дерева, - продолжила за него Элис, - и высокие окна.

- И балкон.

- И лестница на крышу, чтобы можно было вылезать туда в жару...

- ...и смотреть на закат....

Элис вернулась в общежитие только под утро. Ее ноги болели, она была совершенно простужена и пролежала с температурой весь следующий день, но когда поднялась с постели, то была целиком и полностью уверена в трех вещах: она влюблена в Алана, он в нее, и они оба в дом со шпилем на крыше.

Элис и Алан были совершенно разные.

Алан - высокий блондин с внешностью скандинавского бога. Элис – субтильная пигалица, не представляющая жизни без каблучков.

Элис носила пирсинг в носу, но боялась врачей, уколов и всего, что связано с иглами. У Алана все тело было забито татуировками, и он, казалось, не понимал, что значит боль.

Алан бросил три колледжа, пока не нашел дело по душе. Элис с раннего детства знала, чем хочет заниматься.

Алан всегда ходил, высоко задрав голову, не замечая, что творится у него под ногами. Элис была более приземленной и следовала четкому плану на день, на месяц, на год вперед.

Элис не знала отца, плохо помнила мать и до восемнадцати лет поменяла с полдюжины опекунов. Алана воспитывала тетка, от которой он сам сбежал еще подростком и с тех пор жил самостоятельно.

Друзья Элис посчитали Алана снобом. Он не читал газет, почти не смотрел телевизор, зато мог долго и занудно рассуждать об истории, осыпая слушателей именами, которые уже давно никто не помнил. У самого Алана друзей не было вовсе, лишь подросток, который заходил к нему в контору раз в неделю, чтобы убрать и разложить бумаги по папкам.

Элис любила ходить по клубам, обожала танцевать, неплохо играла в бильярд и была заядлой спорщицей, когда выпивала лишнего. Алана сложно было уговорить пойти на вечеринку, а если удавалось, то он стоял с горестной физиономией, подпирая угол, пока Элис не уводила его домой.

Иногда Алан и вовсе вел себя странно. Однажды они возвращались из кафе, болтая ни о чем, как вдруг дорогу им перешла красивая темноволосая девушка. Алан бросился за ней, догнал, а когда та обернулась, то сник и промямлил извинения. Элис не стала допытываться, кто она или с кем он ее перепутал. У него было свое прошлое, у нее - свое, и нечего его ворошить.

В другой раз Алан смотрел телевизор в общежитии Элис. Шел дежурный репортаж об открытии новой телестудии. Владелец, старик в темных очках, перерезал ленточку, улыбаясь на камеру, но Алан вдруг напрягся, выключил телеви-

зор и выскочил из комнаты. Он не показывался неделю, а когда вернулся, то даже не смог объяснить, где пропадал.

Работа лаборанта оплачивалась по самой низкой ставке, и если бы не бесплатное общежитие, то Элис пришлось бы бросить учебу. Алан зарабатывал от случая к случаю, и к концу месяца переселялся в офис, чтобы не платить за квартиру. Когда с деньгами стало особенно туго, Элис предложила найти покупателя на найденный серебряный доллар, но Алан забрал у нее монету, заявив, что знает, как с ней поступить.

Через день он ворвался в колледж Элис, всклокоченный, с темными от недосыпа кругами под глазами, вызвал ее с занятий и потащил на улицу. Прошло три месяца со дня знакомства, цвела сирень, и она была не прочь прогулять скучную пару.

- Ты не отвечал на мои звонки, - начала Элис с упрека.
- Было некогда, - Алан раскрыл ладонь и показал на два серебряных кольца с гравировкой.
- Это и есть твой способ поделить доллар?
- Именно. Я сам его расплавил, отлил по форме и обработал края. Прочти, что там написано.

Элис взяла то кольцо, которое было поменьше, поднесла его к свету и прочла «ЭИАН».

- Разве это не название твоей фирмы? - ее брови вопросительно изогнулись.
- Не только, - Алан выхватил кольцо из ее рук. – Теперь

это означает: Элис-И-Алан-Навсегда.

Элис застыла, не зная, что ей ответить.

- Ну? – спросил ее Алан, краснея и бледнея одновременно.

- Что, ну?

- Ты согласна?

Элис О-Коннер стала миссис О-Коннер Гринн в конце сентября. Она вышла замуж за Алана в маленькой часовенке в Вест-Виллидж. Шафером пригласили парнишку-уборщика из конторы жениха, а подружкой невесты стала Марти Штольц.

За следующие пять лет чета Гринн сменила с десяток съемных квартир, выбирая самые дешевые тараканы углы, но за это время дела Алана пошли в гору. Он смог защитить от сноса небольшой особняк возле Центрального парка, который никак не могла поделить семейная пара при разводе. Информация о честном адвокате попала в газеты, и к нему начали обращаться напрямую из мэрии, если дела предстояли особенно склочные. Элис тоже не отставала. Она побывала в нескольких экспедициях, по ее расчетам открыли крупное месторождение сланцевого газа, и по возвращении ей предложили ставку преподавателя в том же колледже, который она сама недавно закончила.

В начале 2004 года Алан выиграл дело против крупной корпорации, пожелавшей расчистить площадку под строительство чудовищного небоскреба на месте сквера с лавоч-

ками, на которых мог бы – и здесь Алан особенно постарался – сидеть сам Генри Джеймс. Элис как раз получила крупный грант на продолжение исследований, и, сложив заработки, они отправились к риэлтору с предложением внести первый взнос за квартиру на седьмом этаже в доме со шпилем на крыше.

Время для покупки было выбрано самое подходящее. За последнюю пару лет деловой центр сильно разросся, арендная плата оказалась многим не по карману, и когда мистер и миссис Гринн предложили выплатить необходимую сумму целиком, им тотчас вручили ключи.

Дом и правда следовало внести в каталог редкостей, но желающих жить в музее было немного, и большая половина апартаментов пустовала. Весь первый этаж принадлежал мистеру Симмонсу. Когда-то он занимал высокий пост в правительстве, но хотя давно ушел на пенсию, ему до сих пор приходило много писем от бывших коллег, и они редко помещались в почтовом ящике.

Этажом выше жил повар известного ресторана «Babbo» мистер Кларк, а в квартире напротив – комедийный актер Диего Родригез, пик популярности которого пришелся на восьмидесятые. Парень с простой фамилией Смит снимал у кого-то из холостяков комнату, но кому он приходился родней, уже никто не мог вспомнить.

На третьем этаже располагалась студия модного дизайнера из Японии с труднопроизносимой фамилией, но он там

появлялся раз или два в месяц, отсыпаясь между перелетами, и вел себя очень тихо.

Четвертый этаж был выкуплен инвестиционным фондом в качестве залога для суда, и обе квартиры были опечатаны приставами.

На пятом жил менеджер крупного банка, мистер Харрис, со своей молодой любовницей, а прямо над ним - наследница крупного состояния из Бруклина, мисс Купер, меняющая поклонников так же часто, как и цвет волос. И тот и другая любили закатывать шумные приемы, и иногда казалось, что гости кочуют из квартиры в квартиру, смешивая шампанское мистера Харриса с красным вином мисс Купер.

Квартира Алана и Элис была под самой крышей, именно их окно обрамляли аркой чугунные рельсы, и здесь по проекту должна была располагаться конечная станция воздушного подъемника. К несчастью, их соседкой оказалась миссис Томпсон, женщина с тремя подбородками и телефоном, намертво приросшим к ее уху. Стоило новым жильцам переступить порог, как она прилипала к дверному глазку, пересказывая подругам подробности жизни молодой пары.

- Представляешь, - говорила она, - он подозрительный иностранец, а его жена – типичная вертихвостка. Ты бы видела, каким хламом они забили квартиру.

Элис действительно не слишком усердно следила за хозяйством. Прихожая, ванная и даже узкий коридор перед спальней – всё было загромождено стопками папок с архив-

ными документами, грудями книг по архитектуре и ящиками с образцами минералов. Гости, рискнувшие пробиться сквозь бумажные джунгли, обычно застревали на полпути к гостиной, обнаружив на книжной полке между кружками с остывшим чаем и стопками просроченных счетов осколок метеорита или бесценный чертеж японской пагоды XVIII века. Алан давно смирился с беспорядком. Чаще всего он узнавал о визитерах лишь глубокой ночью, когда, облачившись в пижаму, шел на кухню за стаканом воды и внезапно наткнулся на заблудившегося гостя, разглядывающего окаменевший зуб динозавра или кусок горного хрусталя, который же-на использовала в качестве пресса для бумаг.

Элис изменилась, ее волосы отрасли ниже плеч, она избавилась от лишнего металла в ушах и носу, выбросила черную подводку, и ее лицо стало мягче, а глаза потеплели. Каждое утро, босая и в домашнем халате, она сбегала вниз за свежей газетой, и на пятом этаже ее поджидал мистер «Банк» Харрис.

- Доброе утро, - приветствовал он ее, заглядываясь на пуговицы халата.

- И вам, - отвечала ему Элис.

Мистер Банк еще не успевал ретироваться, как открывались двери на втором этаже. Мистер «Орео» Кларк и мистер «Тик-Так» Родригез делали вид, что не могут найти ключи, провожая ее жадными взглядами, а мистер Смит – Элис так и не смогла придумать ему прозвище – махал ей вслед.

- Доброе утро, господа!

- Не хотите печенья?/Возьмите конфету!

В силу почтенного возраста мистер Симмонс не тратил время на притворство и напрямик говорил ей, что она прекрасно выглядит.

- Спасибо, - отвечала ему Элис, даря старику искреннюю улыбку.

- Почему вы не пользуетесь лифтом?

- Ни за что. Ноги моей не будет в этом ящике, - Элис брала газету и также резво бежала обратно, а воспоминание о развевающихся на бегу полах ее халата скрашивали весь оставшийся день мистера «Почтальона» Симмонса.

В доме действительно был лифт - тяжелая громыхающая кабина с дверью-гармошкой. Снаружи она выглядела весьма внушительно, но изнутри изрядно обветшала, и щербины на стенах скрывали объявления риэлторов о днях показа пустующих квартир. Несмотря на возраст, механизм работал исправно, но сколько бы Алан не убеждал жену, что эта модель самая безопасная, и если ее заклинит между этажами, то двери легко разжать руками, она отказывалась заходить внутрь, говорила, что «мусорка» для мусора, клетки для зверей, и ей совершенно не хочется знать, с какой скоростью она окажется в подвале, если оборвутся тросы.

В конце лета всем в доме стало ясно, что миссис Гринн ждет ребенка, но даже на последнем сроке Элис, пытая и чертыхаясь, упорно шла на седьмой этаж пешком, зато, когда

ей пришла пора отправляться в клинику, в холле ее провожала вся команда: и мистер Банк, и мистер Орео, и мистер Тик-Так, и мистер Без Прозвища, и даже мистер Почтальон с толстым синим конвертом подмышкой.

Медсестра вкатила в палату кроватку, вытащила из нее сопящий сверток и передала младенца в руки матери.

- Ну, надо же, вылитый Кристофер, - прошептал Алан, заглядывая под голубое одеяльце.

- Почему именно Кристофер? - повернулась к мужу Элис. За время беременности они не нашли времени обсудить, как назвать ребенка.

- Посмотри на него. Он и выглядит, как Кристофер, и дышит, как Кристофер, а пахнет, как типичный Крис, – Алан пощекотал крошечную ручку сына, и тот, не просыпаясь, обхватил его палец всей пятерней. – Гляди, - молодой отец едва не пустился в пляс, - вот и хватка настоящего Кристофера.

- Хорошо, - Элис сдула со лба мокрую от пота прядку волос. - Тогда второе имя даю ему я.

- Справедливо.

Элис откинулась на подушки, долго морщила лоб, а потом резко села.

- Придумала, - торжественным шепотом произнесла она. - Он будет Дэмианом.

- Что? - отшатнулась Алан. – Что это за имя такое?

- В юности я читала книгу, не помню о чем она была, но

героя звали Дэмианом.

- Это не про сына Сатаны?

- Нет, там был Демьен, это жутко, а у нас Дэмиан, очень по-французски и аристократично. Познакомься, Кристофер Дэмиан Гринн, - она протянула сына отцу, чтобы тот вернул его медсестре.

- Но почему! Почему?

- Все просто.

Элис написала в воздухе «ДЭМИАН», а потом стерла лишние буквы, осталось – «ЭИАН»

- Видишь, - она подмигнула Алану. – Теперь нас трое.

- Ты умница, - он наклонился и чмокнул жену в нос, - но четверо все же лучше.

- Нет уж, - Элис отпихнула мужа и зарылась в подушки, - следующего рожать будешь сам!

- У них ребенок. Слышишь, ребенок! - миссис Томпсон едва не рыдала в трубку. В день, когда соседи вернулись домой вместе с Кристофером Дэмианом Гринном, она говорила без остановки, набирая номер за номером. - Они же не справятся! Они же сами как дети, - убивалась она с каждым разом все более правдоподобно.

Как ни странно, но если бы до Алана и Элис донеслись обрывки разговора миссис Томпсон, то они согласились бы с ней на сто тысяч процентов. В первую неделю они ходили на

цыпочках, освоили язык жестов, по несколько раз кипятили воду для купания, готовили молочные смеси с точностью аптекарей, гуляли по часам и по очереди дежурили у кровати сына, но потом поняли, что им достался на редкость живучий экземпляр младенца. Крис продолжал крепко спать, даже когда Элис с грохотом опрокинула на себя таз с кипятком, и от её вопля проснулись все соседи до первого этажа. Ребенок совал в рот все, до чего только мог дотянуться, и ни разу не узнал, что такое расстройство желудка или колики. А однажды к ним на подоконник, прямо с крыши, спрыгнул матёрый кот, наводивший ужас на всю детвору округи, а их малолетний сын немедленно оттащил гостя за усы, не заработав ни единой царапины.

Мальчик рос смышленным и любознательным. От отца ему досталась белоснежная шевелюра, а от матери серо-зеленые глаза, прозрачные, как сон бабочки, но, главное, в чем ему повезло, были родители. Они старались соответствовать этому званию если не на круглую пятерку, то хотя бы на твердую четверку с плюсом. Полбалла с них срезали за потерю ребенка в отделе игрушек в канун Нового года, но они вовремя спохватились и отыскиали его уже через час. Крису было тогда пять, и он вместе с другими потерянными детьми неплохо проводил время под присмотром нетрезвого охранника в костюме эльфа.

В семь лет Крис услышал, что яркие звезды видны со дна колодца даже днем, и решил проверить теорию на практи-

ке. На пустыре через улицу он нашел канализационный люк, спустился вниз, а выбраться не смог. Поздно вечером его нашел рабочий со стройки и отвел домой. Элис рыдала, Алан ходил кругами, рвал на себе волосы и не стеснялся в выражениях, которые ни в коем случае нельзя употреблять при ребенке, но когда они слышали причину, то скостили срок наказания с шести месяцев до трех за «романтические побуждения».

В девять лет Крис забрался по водосточной трубе в кабинет завуча начальной школы, чтобы исправить оценки в табеле за третий класс. Он исправил их всем, кроме себя, испачкал чернилами кресло ненавистного учителя музыки и выпил полгаллона апельсинового сока из холодильника. Когда его поймали, то Алан называл сына «вечным двигателем» и добавил, затыкая уши, что вечность для него слишком коротка.

Элис и Алан считали себя достаточно прогрессивными, чтобы позволять ребенку проводить свободное время так, как ему заблагорассудится, но когда отец выигрывал очередное дело, то приходил домой с бутылкой шампанского. Крис любил эти вечера так же сильно, как другие дети Рождество. Далеко за полночь все семейство выскальзывало из квартиры и по лесенке на балконе поднималось на чердак, а оттуда на крышу. Если было холодно, они захватывали с собой плед, если жарко - сифон с газировкой. До рассвета Алан рассказывал истории про своих клиентов, а мама смотрела

на него влюбленными глазами и хихикала, как школьница.

6 декабря 2017 года. Среда. День, когда Крису исполнилось тринадцать лет. По устоявшейся традиции и по четко продуманному Элис плану праздник должен был непременно состоять из четырех частей.

Часть первая. Завтрак.

Элис не была гением кулинарии, и на ее кухне царил такой же кавардак, как во всем остальном доме. Все свободные полки занимала коллекция чашек без ручек, чайников без крышек и крышек без чайников. В посудном шкафу – тарелки, между которыми торчали тетради с рецептами, и бытовая техника, по большей части совершенно новая, а внизу – сковороды и кастрюли с толстым слоем нагара, готовить в которых было нельзя, но и выбросить жалко.

Единственным блюдом, которым Элис по праву гордилась, были блинчики, воскресное угощение для всей семьи. До конца недели оставалось еще несколько дней, но в это утро Крис проснулся от запаха топленого масла и прямо в пижаме отправился на кухню.

- Привет, мам, - поздоровался он.

- Ты хоть умылся? – спросила его Элис, наливая себе кофе.

- Ага, - ответил он хриплым после сна голосом. - А есть лунные человечки?

Самые первые блинчики выходили неровными. Чересчур

загорелыми и странной формы, но мама рисовала на них сливовым джемом глазки, клюквенным сиропом широкую улыбку и откладывала их в сторону специально для сына.

- Конечно, - Элис поставила перед Крисом тарелку, но не удержалась и поцеловала его в макушку. - С днем рождения!

- Ну, мама, - отстранился он. – Я ведь уже взрослый.

- А я и не заметила. Дай-ка я посмотрю повнимательнее, - Элис взяла влажную салфетку и вытерла масло со щеки Криса. – Ну, раз ты теперь такой взрослый, то сможешь сам открыть свои подарки, - сказала она уже пустому стулу.

Часть вторая. Подарки.

Еще с весны Алан работал над каким-то секретным проектом. Иногда он возвращался домой под утро, а уходил еще затемно. Крис немного расстроился, что не увидит отца раньше вечера, но два полных пакета с подарками быстро вернули ему благодушное настроение.

Первый пакет был от матери. Кристофер заранее наметил ей, что не отказался бы от конверсов со звездой на лодыжке, но получил гораздо больше, чем рассчитывал. Под тонкой бумагой, как красавица под вуалью, лежали белоснежные Air Force One в ультрамодном дизайне. Высокая подошва, кожаные вставки, прорезиненный носок - в школе все умрут от восторга.

Крис перешел ко второму пакету, и если кроссовки вызвали бурю восторга, то здесь буря породила настоящий шторм. В безупречной упаковке, от одного вида которой перехваты-

вало дыхание, лежал яблочной смартфон последней модели. Увидев подарок, Крис издал вопль, которым индейцы призывают дождь, а жители равнин отпугивают тигров.

- Мама! - ворвался он на кухню, прижимая сокровище к груди.- Это....Это! Это!!!

- Это тебе от отца, - не скрывала радости за сына Элис, - но он просил тебе передать, что у него для тебя три подарка.

- Там еще что-то есть? - у Криса буквально подкосились ноги. Он запустил дрожащие руки в пакет и вытащил оттуда стеклянный шар с искусственным снегом и книгу.

- Это..., - еще раз повторил он уже без прежнего энтузиазма. – А что это?

Внутри стеклянного шара был запаян макет деревеньки в несколько домиков и маяк с блестящей вместо прожектора. Книга тоже оказалась не новой, скорее всего Алан купил ее в букинистической лавке или в каком-нибудь магазинчике, где торгуют подержанными вещами. На обложке было написано «Боги и чудовища», фамилия автора стерта, а внутри мелкий шрифт текста чередовался с черно-белыми литографиями.

- Странно, - тоже не поняла намек Элис, заглядывая Крису через плечо. – Наверное, тебе стоит спросить у отца, что все это может значить. Он любит загадки, и должно быть это одна из них. Мы встретимся с ним вечером, но это сюрприз, а пока марш собираться, а то в школу опоздаешь.

Часть 3. Школа.

Чайная ложка разочарования не смогла испортить бочку

восторга. Пусть Крис забыл все учебники и не услышал ни слова из того, что им объясняли, но все время занятий он чувствовал, как до него доходят волны трепета одноклассников, наталкиваясь на гранит его напускного равнодушия и расходясь кругами восхищения.

После уроков он отвел друзей в кафетерий, где сегодня им было позволено съесть столько отвратительно жирной и потрясающе вкусной картошки, сколько в них могло влезть, и запить все приторной газировкой до икоты и пузырьков из ушей. Сам именинник сидел отдельно, принимая поздравления и следя, чтобы его ноги в белоснежных кроссах были у всех на виду. Распакованный телефон лежал на столе, еще нетронутый, пока невинный, и Крис шипел на каждого, кто проходил мимо с грязными руками.

Часть 4. Сюрприз.

Крис подозревал, что сюрпризом окажется поход в парк развлечений на набережной. Так было и год назад, и годом ранее, но ничего не имел против вечера, проведенного в компании валяющих дурака родителей. Вернувшись около четырех, он застала Элис перед включенным телевизором с планшетом в одной руке и телефоном у уха.

- Отец так и не перезвонил? - спросил он с порога.

- Пока нет, но мы договорились встретиться только в семь.

Элис давно привыкла к рассеянности мужа, но раньше он всегда предупреждал, если задерживался. Нервно покусывая дужку очков, она то и дело нажимала вызов, но после длин-

ных гудков звонок сбрасывали.

- Не переживай, - Крис присел рядом. – Осталось еще три часа, вряд ли он забыл.

По телевизору начинался «Титаник». Вчера в честь двадцатилетия со дня премьеры фильм вышел в повторный прокат, и для тех, кому не хватило билетов, на одном из кабельных каналов устроили марафон с розыгрышем призов, главным из которых была копия ожерелья с синим камнем.

- Ну, мама, сколько можно, - заныл Крис. – У тебя уже есть такое же.

- Столько, сколько нужно, - Элис легонько ткнула его в бок, не отрываясь от экрана. - Я не рассказывала тебе, как мы встретились с отцом.

- Тысячу раз.

- Поэтому помолчи. Если бы не этот фильм, тебя бы и на свете не было.

Довод был убедительным, и Крис снова вытащил из пакета подарки отца, чтобы не мешать рьяной поклоннице в очередной раз погрузиться в пучину океана.

Шарик был небольшим и легко умещался на ладони. Искусственный снег красивой спиралью кружил вокруг маяка, оседая хлопьями на крыши крошечных домиков. В прошлом веке такая реклама смогла бы привлечь редких любителей пеших прогулок, но вместо названия деревеньки на подставке была лишь гравировка «20/05». Может быть, отец планировал для всех отпуск на побережье в следующем мае? А

может, отложил сувенир для одного из своих пожилых клиентов, перепутал пакеты, и теперь какой-нибудь старик гадает, зачем ему билеты на концерт Бруно Марса? А может, это всего лишь розыгрыш? От отца всего можно было ожидать.

Крис переключился на книгу: переплет из старой кожи, металлические уголки, черненый обрез. Вполне обычная книга с сюрпризом внутри. На обороте титула стоял непогашенный штампель центральной городской библиотеки. Судя по карточке, за все время хранения книгу брали от силы два раза, но она была выпущена небольшим тиражом, и Алану пришлось заплатить приличный штраф, когда он не вернул ее в срок.

"Мааам", - начал Крис стандартную игру, которую практикуют все дети, но сегодня ему исполнилось тринадцать, и он поменял правила с "мааам, а почему..." на "мааам, а ты знала..."

- Маам, а ты знала, что отец подарил мне библиотечную книгу?

- Боже, он всегда так поступает. Берет и забывает, а возвращать приходится мне. Когда он ее взял?

- В апреле, сразу после Пасхи, - Крис перелистал несколько страниц. Большая часть книги была посвящена скандинавским мифам, но Крис смотрел всю вторую фазу Марвел и считал себя знатоком в этой области.

- Маам, а ты знала, что мы живем в Мидгарде, мире людей, - прочел он первый же попавшийся на глаза абзац, - а есть

еще Асгард, Ванахейм, Йотунхейм, Нильфхейм, Хельхейм.

- Как много у них всяких Хеймов, - ответила Элис без тени интереса в голосе.

Из всех мстителей Крис предпочитал Халка. Второе место занимал Тони Старк, а Тор был всего лишь третьим. От актера млели все его сверстницы, вот только в книге бог войны не был белокурым красавчиком, а жилистым мужиком с таким количеством шрамов на теле, что уровень обожания среди школьниц наверняка уменьшился бы до нуля.

- Маам, а ты знала, что у Тора был брат Хеймдаль, страж радужного моста, а кроме него Тюр, Хед, Хермонд, Вали, Видар и Бальдр, - Крис сбился с дыхания, перечисляя всех сыновей Одина.

- Этот Один был удивительно плодовит, но когда вокруг так много Хеймов, можно себе позволить хоть иногда побыть в тишине, - последнее Элис выделила особо, а для непонятливых провела большим пальцем по губам, застегивая их на "молнию".

Кристофер понял намек и умолк, просматривая иллюстрации, но надолго его не хватило. Мировой змей Ёрмунгард, огненный великан Сурт с пылающим мечом, повелительница загробного царства Хель, Локи и валькирии – никто из них не соответствовал устоявшемуся канону, и если сценаристы фильмов читали что-нибудь из скандинавских мифов, то вряд ли вдохновлялись именно этой книгой. Крис пролистал уже до середины, когда наткнулся на картинку с

высоким юношей в одном башмаке и нелепой позе. Его левая нога была согнута, босая ступня прижата к колену правой, и весь силуэт складывался в кривоватую цифру «четыре». Предыдущему читателю чем-то не понравилась работа художника, и он тщательно заштриховал лицо парня, и к тому же исправил ему доспехи. После доработки кольчуга стала похожа на свитер с высоким горлом, штаны выглядели как модные джинсы с десятком лишних карманов, а на кончике меча красовался круглый набалдашник - точь-в-точь как надетое на клинок яблоко. «Отец, конечно, мог быть рассеянным, но до такого варварства никогда бы не опустился», - подумал Крис, снова сверяясь с библиотечной карточкой. До Алана книгу брала лишь некая Гриффитс М., судя по результатам ее творчества, начинающая художница и закоренелая хулиганка. К счастью, на исправление фона ее не хватило, и за спиной парня можно была рассмотреть огромного волка, из пасти которого выходила белая медведица и старуха с миской для подаяния.

- Маам, ты послушай: «Великий волк Фенрир жил среди асов...», - прочел Крис вслух, стараясь заглушить звук телевизора, где корабль как раз выходил из порта под симфонические раскаты.

- Среди кого? - не поняла Элис.

- Асов. Это что-то вроде главных богов. Жил среди асов, - продолжил Крис, радуясь, что смог привлечь внимание матери, - и вырос настолько огромным, что боги связали его

цепью, которую выковали для них гномы, но в день Рагнарека Фенрир порвал оковы и убил Одина. Видар, бог возмездия и безмолвия, отомстил за отца, засунув железный башмак зверю в пасть и не дав тому сомкнуть челюсти.

От таких подробностей в животе Криса забурчало, и он понял, что если тотчас не перевернется на другой бок, то тоже скончается, но не от закуски из чужой обуви, а от переедания.

- Маам, а ты знала..., - снова не удержался он, но в это время фильм прервался пятиминутными местными новостями, и Элис вылетела из комнаты, по пути набирая номер телефона мужа.

На экране возникла голова ведущего, который сообщил об очередной забастовке мусорщиков. Следом за ним появилась хорошенькая дикторша с новостями о предстоящих рождественских распродажах, и когда она закончила, то передала слово штатному репортеру для рассказа об уличных происшествиях за день.

- Бетти? - произнесла она, обращаясь ко всем зрителям разом.

Экран разделился на две части, большую из которых занимала та самая Бетти. Довольно молодая, волосы на прямой пробор, на лице профессиональная косметика, скрывающая возраст. По сравнению с дикторшей ничего особенного, но голос у нее был приятный, и еще она улыбалась, хотя в репортаже не было ничего смешного.

- Здравствуйте, с вами Бетти Перэ, - произнесла девушка в микрофон с логотипом канала. - Сегодня в городе произошёл пожар. Пострадал владелец экспертного бюро, и за разъяснением мы обратились к представителю прокуратуры.

Камера отъехала, показывая невзрачного мужчину в наспех повязанном галстуке. Если он и занимал какой-то пост в прокуратуре, то невысокий.

- У нас пока нет комментариев, - пробубнил мужчина, - но происшествие никак не связано со взрывом бытового газа, и следствие склоняется к версии умышленного поджога.

Камера снова отъехала, показывая панораму, и Крис узнал в горящем здании офис отца. Вокруг сновали пожарные, выбивая окна, и в том месте, где у Алана был кабинет, зияла черная дыра.

- Мааам? Здесь какая-то ошибка, - Крис сполз с дивана и выглянул в коридор. В квартире было непривычно тихо.

- Мааам!

Хлопая дверями, он заглянул в комнату родителей, кухню, ванную и обнаружил Элис в углу перед входной дверью. Она сидела на полу, все еще сжимая в руках телефон.

- Мам...

- Мне звонили из полиции, - в голосе Элис появилось что-то механическое. – Подробностей мне не сообщили, но сказали, что нужно срочно ехать в больницу.

Глава 3. Елена

- А, Корделия, явилась, наконец. Зайди-ка ко мне, - голос няни был слышен еще за три пролета лестницы, и его тон не предвещал теплого приема.— Битый час тебя дожидаясь. И где тебя носило? Опять что ли амбар подожгла?

- Вот ведь, напасть, прошло уже шесть лет после пожара, а она все никак не успокоится, - обреченно вздохнула Корди.

Она хотела незаметно прошмыгнуть в свою спальню и переодеться к ужину, но дверь в комнату Старой Греты была открыта, и няня специально поставила стул у порога, чтобы не пропустить возвращения Корделии.

- Да как тут забыть. Полыхало так, что всем поселком тушили, - няня взглянула на размокшие ботинки Кордии и поняла, что она провела весь день на речке, сооружая запруду для купания. Вечер обещал быть нескучным, и Грета заранее предвкушала отличную перепалку.

- Корделия-Корделия, стыд-то какой, - всплеснула она руками, разогреваясь перед выступлением.

«Началось», - Корди упрямо поджала губы и устоялась в пол. Больше, чем свое полное имя она ненавидела, когда его повторяют дважды. Это означало, что ее вина доказана и до исполнения приговора осталось – «Раз, два, три...»

«Вот ведь пустоголовая девица, наказание на мою голову...» – это был «раз». «Прокляну ведь, так и знай, вот тогда

поплачешь» - «два». «Смотри-ка, на чулках дырка и ботинки опять промокли» - «три». «Ты же уже взрослая девица, тебе приданое собирать надо, а ты все по двору с мальчишками скачешь...».

Четвертый выстрел был лишним, и Корди чуть-чуть обиделась.

- А где же мне еще жениха искать? Или мне нужно в гавани с матросами в салки играть, чтобы ты избавилась от меня поскорее - скороговоркой выпалила Корди заранее приготовленный ответ и, скинув мокрую обувь, улеглась на кровать лицом к стене.

- Ты чего смиренная-то такая? Случилось чего? - насторожилась няня.- Ну-ка сбегай вниз и спроси Марию, не готов ли ужин. Поешь и мигом повеселеешь, мне вот всегда помогает.

Няня тяжело поднялась со стула, засемила мелким старушечьим шагом к камину и вернулась с корзинкой для шитья.

- Я устала, - Корди забралась с головой под одеяло, оставив лишь узкую щелку для наблюдения. - Скоро лето, речка обмелеет, а запруду чистить некому.

- Эх, чего выдумала. До лета-то еще далеко, и вода холоднющая. Простудишься, и кто тебя лечить будет, - няня начала повышать голос для второго раунда, но закашлялась. Такое с ней случалось теперь частенько, и она смирилась, что старость берет свое, и прежней резвости уже не вернуть.

Грета вытряхнула из корзинки обрезки ткани и разложила их на коленях. У всех женщин в Нордхейме была такая коллекция. От сырости и соленого ветра ткань быстро портилась, и одежду, которую уже нельзя было заштопать, залатать или перелицевать, жительницы бухты разрезали на лоскуты и сшивали в огромные покрывала, простегивая углы яркими нитками. Грета считалась самой искусной вышивальщицей на побережье, и к каждому покрывалу в головах она добавляла широкий отворот с узором из бегущих человечков. Фигурки были одинаковые: ручки-спички, ножки - сломанные в коленях палочки, улыбающаяся рожица, - но имена носили разные. Первого всегда звали Бьерн, как мужа Греты. Хотя с его похорон прошло уже больше тридцати лет, но она до сих пор плакала, вышивая его фигурку на новом покрывале. Чуть поотстав от отца, бежали его сыновья, Лассе, умерший еще ребенком, и Ллель, сгинувший в море подростком. За братьями следовали Олаф, Анна, Северин и еще дюжина сирот, которых Грета выходила и поставила на ноги, когда осталась совсем одна, а замыкали цепь Ольгерд и Корди. Ей единственной няня вязала косу из черных ниток и из вредности добавляла в руку чадающий факел, чтобы она не забывала о пожаре, который устроила еще ребенком.

Корди смотрела, как няня перекладывает лоскутки, подбирая их по цветам, и вдруг без всякой на то причины почувствовала себя очень несчастной. Держа корзинку двумя руками, Грета легко умещалась на самом низком в башне сту-

ле, и ее ступни едва-едва касались пола. От вида кукольных ножек в детских носочках у Корди защемило в груди, и она поняла, что ее беззаботная жизнь скоро закончится. Может быть через год или два, может быть завтра или через час, но все изменится, и если она когда-нибудь решится сшить собственное покрывало, то поставит в начало цепи ни отца, ни Марию или Йону, а фигурку сгорбленной старушки с корзинкой лоскутков и огромным сердцем.

- Няня, - позвала она, приподнимаясь на локтях.

- Чего тебе, детка? - ответила ей Грета, и ее сморщенное личико расплылось в улыбке.

- Ничего. Я просто так, - успокоилась Корди. Все плохое на сегодня ограничится проповедью, а раз так, то можно расслабиться. - Расскажи мне что-нибудь, - она завожилась под одеялом, подтягивая внутрь его углы, и так преуспела, что стала похожа на туго спеленатого младенца.

- Не лишком ли ты взрослая, чтобы верить в сказки?

- Я не хочу сказку. Расскажи мне настоящую историю, которая случилась на самом деле.

- И о чем же тебе рассказать? Об Ороке, как он однажды выпил лишнего, а потом всем говорил, что встретил в подворотне всех Четверых сразу.

- Расскажи мне про Ульриха и Молчуна.

- Опять? Это ведь такая древность. Давай лучше про Дагомира. Он как-то разделся до гола, обмазался жиром, вывалялся в перьях, и в таком срамном виде бегал по дворам.

Завернул и ко мне, а я ему говорю....

- Нет, - остановила ее Корди, - про Ульриха и Молчуна.

- Неугомонная ты, вся в батюшку. Ну, у нас здесь все такие. Вздорным характером меня не удивишь, – Старая Грета сложила руки на коленях. - Слушай. Давным-давно, когда летние острова ещё не знали сонной болезни, а флаги Ольвии не выкрасили в черный цвет, жил на свете знатный вельможе. Звали его Ульрихом...

Корди любила истории няни и часто притворялась, что забыла один из ее рассказов, чтобы доставить старушке удовольствие, но пока она слушала, как Ульрих забрал силой у цыганки орлиные перья, как появился у него сын, которого прозвали Молчуном, и как мальчик погиб, засунув башмак в горло птицы Рурх, то успела изрядно пропотеть под теплым одеялом. Придерживая руками углы, чтобы не разорвать уютный кокон, Корди осторожно перекатилась поближе к окну и приоткрыла створку на ширину задвижки. В комнату тотчас вплыла струйка ночного воздуха, влажная, прохладная, пахнувшая мокрой землёй и далёким дымком.

Солнце едва скрылось за верхушками скал-близнецов, а зубы утесов уже раскраснелись, напившись заката, и Корди видела, как раскаленные пальцы вытягиваются из воды, чтобы ухватить краешек алого неба. Сегодня многие вышли в море с ночевкой, а те, кто остались на берегу, смолили лодки. Двор был практически пуст, лишь у ворот слонялся без дела долговязый парень.

Корди, прищурившись, изучила его фигуру и пришла к выводу, что он нездешний. Все жители Нордхейма приходились кому-то родственниками, и Корди знала каждого с детства, но иногда случалось, что молодым парням из долины надоедало грести навоз и слушать родительские наставления о том, как это правильно делать, и они сбегали в бухту, чтобы на собственной шкуре испытать, насколько ласково обходится море с новичками.

Входная дверь, скрипнув, распахнулась, выпуская из пышущей жаром кухни крупную женщину. С кожей цвета топленого молока и тяжелой косой, короной уложенной вокруг ее головы, она была похожа на золотоволосую царицу, вышедшую проверить свои владения, и даже сбившийся на бок чепец не смог испортить ее красоты.

- Мадам, - прошептал парень, и его щёки мгновенно залились густым румянцем. Он сорвал с головы кепку и согнулся в почтительном поклоне, но стоило кухарке отвернуться, чтобы утереть пот со лба, все же не вытерпел и тихо присвистнул. Так поступил бы каждый долининник вслед любой статной женщине, и их жены давно привыкли к такому сорту внимания, но кухарка Мария вдовствовала не дольше десятка лет, и еще не родился мужчина, способный потягаться с ее покойным мужем по части скабрёзных комплиментов.

- Точно, чужак, - Корди вытянула шею, чтобы не пропустить самого интересного.

Вытерев руки о передник, Мария неспешно подошла к

свистуну, хмыкнула и двинула его по уху. Ударила вполсилы, в воспитательных целях, и стычка вышла бы совершенно беззвучной, если бы не падение незадачливого кавалера в сухой куст терновника.

- Ишь ты, рассвистелся, - пробасила Мария, помогая парню вылезти из колючих зарослей. - Ничего, синяк пройдет быстро, но впредь не лезь на рожон, коли не знаешь, с кем связался. Кто-то, может, и стерпит, не злодеи ведь, гостей не обижаем, а кто-то не выдержит и так тебе в ответ свистнет, что костей не соберешь. Ясно? – она поднесла кулак к его носу.

- Ясно, - жалобно пискнул свистун. – Я пойду?

- Иди. Нет, постой, - остановила его Мария. - Я сейчас тебе поесть вынесу. Тощий такой, что того и гляди ветром сдует.

Впервые заглянув в бухту, легко было ошибиться, решив, что все жители Нордхейма угрюмые и неприветливые, а улыбка на их скуластых лицах появляется не чаще, чем раз в году, но стоило приглядеться к ним повнимательнее, и сразу становилось ясно, что здесь собрались самые миролюбивые и добродушные люди на свете. Корди как-то спросила отца, почему никто в поселке не запирает двери на ночь. «А вдруг кто-нибудь нападет?» - «Кому мы здесь нужны?» - спокойно ответил ей Ольгерд, - «Мы люди моря, хозяева башни, и пока мы им верны, то они будут кормить нас и защищать».

- ...зато к нам гости непрошенными не заявляются, - наконец-то закончила свой рассказ Старая Грета. - Так было,

так будет, и так..., - она выпучила глаза и подняла к потолку узловатый палец.

- Есть! – захохотала Корди и повалилась на спину, болтая ногами в воздухе.

- Что «есть»? - няне почему-то не понравился энергичный танец упитанной гусеницы.

- Я есть хочу!

- Ну, хватит, - Грета поджала губы и сгребла лоскутки обратно в корзинку, - если ты смеешься надо мной, то убирайся в свою комнату и там хихикай в свое удовольствие!

- Не сердись, - Корди в последний раз всхлипнула и часто заморгала, прогоняя выступившие от смеха слезы. – Хочешь, я сбегаю на кухню и принесу тебе молока и булочку. Их, верно, только что достали из печи.

Больше, чем шитье и сплетни нянюшка любила лишь торговаться.

- Две и чай! – важно произнесла она.

- И куриную ножку..., - услышала Корди уже на лестнице.

Никаких булок сегодня не пекли, и няне достался кусок постного мяса и вываренная в бульоне фасоль, щедро приправленная шкварками. Отвлекая кухарку рассказами о строительстве запруды, Корди удалось стащить со сковороды еще и жирный кусок бекона, но пока она бежала наверх, то умяла его вместе с горбушкой хлеба.

- А где же курятина? - Грета подозрительно уставилась в

тарелку.

- Последнего каплуна решили приберечь к празднику.

- А свинина?

- Тоже закончилась, - Корди отвернулась, стирая прилипшие к подбородку крошки.

- Помру ведь, - недовольно поджала губы старушка. — Так ей и передай.

- Вот-вот. Мария сказала мне тоже самое. На твои поминки она уж точно скупиться не станет. Специально на этот случай хранит бутылкупряного вина и мешок сахара.

- Эх, и язык у тебя длинный. — Грета подцепила вилкой крупный боб и долго изучала его, прежде чем макнуть в подливку и отправить в рот. - Погоди, проучит тебя жизнь, вот тогда ты меня припомнишь.

Мебели в комнате няни было немного, лишь узкая кровать, полукруглый стол да часы с блестящим маятником, которые она получила в наследство от своей бабки. Грета так ими гордилась, что никогда и никому не позволяла к ним прикасаться. Перед тем, как отправиться спать, сама доставала спрятанный под футляром ключ, открывала прозрачное окошко и аккуратно заводила хрупкий механизм. С каждым поворотом скрытые шестерни и маховики замирали, пропуская секунду или две, а после рывком наверстывали упущенное время.

- Скучно, - ныла Корди, уставившись на пожелтевший циферблат. Ночью она рассчитывала совершить еще один на-

бег на кухню и стянуть из кладовой целую буханку хлеба, а если повезет, то и пару драгоценных луковиц, но фигурные стрелки, так спешившие в течение дня, к вечеру совсем не желали двигаться.

- Поскорей бы стемнело, - положив подбородок на каминную доску, Корди долго следила за маятником, рассматривая странный символ, нацарапанный на его блестящей поверхности. Прячась в тени, тот казался ей перевернутым серпом луны, а выплывая на свет – узкой щелью зрачка посреди круглого глаза.

- Тик-так, - монотонно пели часы.

- Тик-так, - терпеливо отвечала им Корди.- Интересно, где сейчас папа?

Ольгерд уплыл к берегам Кааса уже больше месяца назад, и хотя отец давно не выходил в море, но он был опытным капитаном, и ему полагалось вернуться со дня на день.

- Тик-так, - раздавалось в ответ.

- Какие же вы глупые, - Корди зевнула так сладко, что если бы смогла раскрыть рот еще шире, но наверняка откусила бы себе голову, - мне совершенно не хочется спать.

- Тик -..

Очередного «так» она не услышала. Углы комнаты вдруг выгнулись, смялись, как воощенная бумага, и Корди оказалась на плохо связанном плоту без весел. Вокруг плавали спутанные обрывки такелажа, остатки обшивки, и по расположению утесов она поняла, что ветер гонит ее прочь из бухты, и

если не поторопиться, то ее разобьет о скалы. Взбивая туман грязно-серыми крыльями, вниз спикировала чайка, выхватила из воды мокрый лоскут, попыталась взмыть с добычей в небо, но не удержала, и к ногам Корделии упал выпачканный кровью треугольный вымпел. Корди наклонилась, чтобы рассмотреть его поближе, но делать этого явно не стоило. Стягивающая бревна веревка ослабла, и край плота вместе с девушкой резко погрузился под воду.

- Этого не может быть, - Корди зажмурилась и сильно ударила себя по щеке, а когда открыла глаза, то видение исчезло, и она снова оказалась у камина рядом с часами. Мокрый подол облепил ей колени, зубы стучали от холода, но Корделия могла бы поклясться, что в комнате до сих пор пахнет солью.

- Няня, ты это видела? - она обернулась, ища поддержки у единственной свидетельницы, но старушка задремала, уткнувшись носом в пустую тарелку.

- Как такая нелепица только помещается в твоей голове, - Грета была недовольно, что ее растолкали, и, главное, как.

- Это же вымпел отца, - почти кричала Корди, продолжая раскачивать стул, на котором сидела няня. - Он всегда поднимает его, когда до дома остается не больше суток пути.

- И на нем были следы крови?

- Да. Это дурной знак. Должно быть с папой что-то случилось.

- Сплюнь, это всего лишь сон.

- Но я не спала.

- Спала, я сама видела, а на меня наговариваешь.

- Но подол?

- Ты болтала про запруду и завалилась в мокрой одежде в постель, вот тебя сморило от тепла, - няня указала на разбухшие ботинки и влажный след на покрывале.

- Вечно мне никто не верит, - возмутилась Корди.

Она снова уселась на кровать и поджала ноги, прикрыв озябшие ступни мокрой юбкой.

- Беда мне с этим ребенком, - покачала головой Старая Грета. - На-ка вот, возьми.

Няня порылась в коробке и вытащила толстые чулки из грубой шерсти. Это была отцовская запасная пара, которую он оставил на штопку, и сколько Корди не просила их сжечь, но Ольгерд только отшучивался и говорил, что они приносят ему удачу.

- Ты издеваешься? – скривилась Корди.

- Нечего строить из себя неженку, надевай их, живо. Я даже отсюда слышу, как стучат твои зубы.

- Ну, хорошо. Если ты так настаиваешь, - сдалась Корди, – но взамен...

Среди многочисленных историй Греты была одна, которую старушка вспоминала не так уж часто, а если и уступала просьбам, то быстро меняла тему. Стараясь не дышать, Корди натянула «счастливые» чулки и решила, что сегодня няня уж точно не отвертится.

- ...взамен ты расскажешь мне о маме.

- Елена, - няня задумалась, подбирая слова, - была самой красивой женщиной, что я видела на своем веку. Слишком красивая для здешних мест. Как сейчас помню тот день, когда я впервые увидела ее. Эх, и зима тогда выдалась лютая....

- Няняаяя!

- Что? Ах, да. Не перебивай меня, я все по делу говорю, - нянюшка нахмурилась, но все же вернулась к рассказу. - Ты знаешь, наши женщины отрезают свои косы, когда теряют кого-то из близких. Так уж было заведено с первого дня. Это наш дар Четверым, подношение, чтобы они были милостивы ко всем, кто погиб в море или на чужбине, - старушка провела шершавой рукой по щеке, заправляя в чепец выбившуюся прядку седых волос. – Живем мы на отшибе, и к нам боги заглядывают редко, но мы народ гордый и ни перед кем лишний раз кланяться не собираемся.

Няня замолчала, отделяя в уме счастливые воспоминания от несчастных, и Корди воспользовалась паузой, чтобы подбросить в затухающий очаг несколько поленьев. Просоленное дерево занялось неярким синим пламенем, разгоняя резкие тени по углам, и без лишних слушателей в комнате стало намного уютнее.

- Да, так лучше, - кивнула ей Грета. – Ты хотела узнать про Елену, так слушай. Зима в тот год затянулась. В начале марта трещали морозы, вход в бухту замерз. Все запасы были на исходе, а лодки не могли выйти в море. У Софии-охотни-

цы ребенок умер в колыбели, старый Януш отморозил себе ступни и помер через три дня. Твой отец с двумя братьями собрали в поселке все добро, что можно было продать, и отправились в долину за мукой и вяленым мясом. Через три дня вернулись. Вместо провизии на остатках соломы лежал Михель, твой дядя. Его голова была покрыта застывшей кровью, и Ульф, самый младший в семье, хоть и сам был чуть живой, волоком тащил сани с мертвым телом за собой, - у няни запершило в горле, и она долго кашляла. - Земля так промерзла, что ее ни одна лопата не брала, и ее пришлось киркой долбить и руками отгребать, но мы все же вырыли две могилы, одну - для Михеля, а вторую для твоего отца. Ульф не знал, что с ним случилось, метался в горячке, бредил, кричал о каком-то чудовище у Грозового озера, но еще через день Ольгерд вернулся. Я тогда первой заметила его из окна башни. Кинулась с криком, но пока спускалась и бежала к воротам, там уже собралась порядочная толпа. Никто не шевелился. За спиной Ольгерда стояла девушка. Красавица, каких мало, хоть и сразу было видно, что нездешняя. Волосы короткие, остриженные под мальчишку, черные, словно крыло ворона, а глаза синие-синие, ледяные.

Няня шумно отхлебнула из кружки остывший чай и поморщилась.

- Детка, повороши-ка еще угли, и если тебе не трудно, посмотри на полке за часами, не осталось ли в бутылке немного бальзама. Как-то у меня сегодня на сердце неспокойно,

щемит, а тут ты еще со своими разговорами.

Корди с радостью выпорхнула из-под одеяла. Она знала начало этой истории, но обычно няня обходилась менее подробной версией, и Корди уже не была уверена, что хочет услышать ее окончание.

- Стоят они у ворот. Твоего отца ветром шатает, а никто и пошевелиться не может, на красавицу пялятся, - хрипло продолжала Грета. - Ну, осерчала я тогда. «Дурни, чего застыли, вам бы только могилы копать!» Все сразу очнулись, подхватили Ольгерда, загалдели, в дом понесли. Только я гляжу, спутница-то его не шелохнулась даже, как стояла столбом, так и стоит. «Что-то ты, девица, в дом не проходишь, мы гостям всегда рады». А она посмотрела на меня своими синими глазищами, клянусь, у меня сердце чуть в пятки не ушло, и спрашивает: «Гостям...можно...?». Голос у нее был странный. Видно, что речь дается ей с трудом. Чужестранка, думаю, что с нее возьмешь. «Ну, если с добром пришла, то можно», - отвечаю, а сама на ноги ее смотрю. Босая она пришла, понимаешь, а на ступнях ни единого пореза, ни ссадины какой. Впервые я тогда подумала «с добром ли», да сделанного не воротишь, - старушка еще раз хлебнула из кружки, в которой уже было больше бальзама, чем чая.

- Твой отец пролежал полумертвым неделю, а Елена, так звали девушку, ни на шаг от него не отходила. Ты знаешь, у нас подолгу разговаривать не любят, считают, что это удел старых, да тех, кто работать ленится, но она могла перемол-

чать кого угодно. Задашь ей вопрос какой, а она на тебя взглянет и отвернется, а ты уж сам решай, стоило ли к ней со всякой ерундой приставать, а уж если брови нахмурит, то... Побаивались ее, конечно, но потом привыкли, а те, кто помнее, - тут Грета поджала губы и выпятила грудь, - сразу поняли, как повезет Ольгерду с молодой женой, если, конечно, он доживет до свадьбы. К тому же руки у нее были золотые. Видишь, - няня порылась в корзинке и вытащила со дна лоскут с вышитым розовым цветком. - Это ее работа. Ты помнишь поляну посреди ивовой рощи? Раньше там ничего кроме сорной травы не росло, а с тех пор каждый год вот эти цветы распускаются, крохотные, но запах сладкий.

- А я похожа на нее, ну хоть чуть-чуть? - спросила Корди, пока няня переводила дыхание.

В последнее время она замечала, что мальчишки ведут себя в ее присутствии подозрительно тихо. Только вчера, спрыгивая с крыши коптильни, подол ее платья задрался, и Стивен, ее закадычный недруг, густо покраснел, промычал что-то в оправдание и убежал со двора. Корди была в ярости, игра только-только началась, и победа далась ей слишком легко.

- Няня! Ты меня слышишь. Опять что ли заснула!

Грета усмехнулась. Через пару лет подростковая угловатость пройдет, и тогда не только Стивен, но и вся мужская половина жителей бухты выстроится в очередь, провожая Корделию взглядом. То-то вытянется лицо Ольгерда, когда

он поймет, что его дочь уже выросла.

- Так о чем ты меня спрашивала? - спохватилась Грета.

- Я похожа на маму?

- Ты? Ну..., - старуха широко улыбнулась, сверкнув беззубыми деснами, - ты больше в отца пошла, такая же длинноногая и нескладная. И что в нем Елена нашла? Надышаться не могла. Бывало, только он с постели поднимется - она уж тут как тут. Как котёнка в плед кутала, опекала. А Ольгерд и раз стараться. Строил из себя дитя малое. То воды ему подай, то плечо заныло, мазь принеси, а сам при этом сиял, будто в праздник. Сразу было видно, совсем парень от любви разум потерял, раз дурачком прикидывается и не стыдится.

Грета снова замолчала, а в уголках ее выцветших глаз на миг блеснула тихая, давняя нежность, будто она видела счастливую пару не наяву, а в старой, выцветшей от времени картине.

- Это папа-то был дурачком? - Корди для смеха выпятила верхнюю губу и приложила прядку волос к основанию носа. Получились полоска обвисших усов точь-в-точь как у Ольгерда. - Да как ты смеешь оскорблять лэрда, старая...

- Старая... кто? Вы, ваше высочество, сейчас у меня допрыгаетесь! Так всыплю, что мало не покажется! Нет, и никогда не было у нас тут ни королев, ни высочеств. Ольгерд живет в замке лишь потому, что ему от отца достался самая большая лодка, и на штанах у него оказалось чуть меньше заплат, чем у других. За день до того, как старый лэрд умер,

к нам в бурю занесло авестийскую галеру. Эх, и перетрухнули мы тогда. Огромная такая посудина, а на ней человек двадцать головорезов. Ну, может быть, их было и поменьше, но молодцы все как на подбор – широкоплечие, пузатые, а у капитана повязка на глазу, настоящий пират. Твоего отца тогда подрядили переговоры с ними вести, так он не только их выпроводил, а еще привез с собой коробок какого-то пахучего порошка. Сдается мне, что капитан сам был рад отсюда убраться, вот и приплатил, чтобы его корабль в море вывели, но с тех пор Ольгерда уважать стали, кланяться при встрече, а как схоронили лэрда и выборы нового назначили, так за ним народ и потянулся, - старушка бросила хитрый взгляд на Корди, прикрыла рот ладошкой и хихикнула, будто девчонка. - Помню, как Ольгерд в тот день нализался. Я его пинками гнала домой, а он все твердил, что видит, как с вершины башни луч света бьет, и обещал найти того, кто этот знак подает и выпить с ним «за здоровье и ясность ума». Молодой он в ту пору был, горячий, но как Елена появилась, так остепенился. Вот она была настоящей леди. Перед ней все робели. Даже Рорик-хромой, ну... мелкий такой, покойный муж Марии-кухарки. Да ты его не помнишь... Эх, и горазд же он был руки распускать, а выпить - первым делом! Лупила его Мария, хоть сама в ту пору могла за шваброй спрятаться, но некоторых, поди, только могила исправит. Так вот, даже Рорик при виде Елены краснел ярче девицы перед брачной ночью и становился тихим как мышь.

- А мой дядя Ульф. Почему я его ни разу не видела, а папа о нем не вспоминает?

- Странная тогда приключилась история. Только твой отец очнулся, как он первым делом позвал к себе Ульфа. О чем они говорили, я не знаю, только Ульф выскочил из замка бледный и три дня надирался в кабаке до беспамятства. Потом, никого не предупредив, напросился в команду какого-то купчишки, да и уплыл. Больше о нем никто ничего не слышал. Твой отец долго горевал, семья все-таки, но поминать при нем Ульфа строго-настрого запретил. Я сунулась к нему с расспросами, конечно, но он на меня так посмотрел, что... в общем, темная история, нехорошая.

Дрова в камине осыпались золой, и в комнате снова стало темно. Корди пошарила на полке и среди кучи огарков нашла почти целую свечу и огниво.

- Чего понапрасну добро переводить, спать уже пора, - устало заворчала на нее нянюшка.

- Нет, расскажи мне еще. Расскажи мне о том, как я родилась.

- Нет, - отрезала старушка. - Поздно уже, заболтались мы с тобой.

- Ну, пожааалуйста, - жалобно затянула Корди, пододвигаясь поближе, чтобы круг свечного света захватывал их обеих.

- Какой же ты у меня все еще ребенок. Ладно, будь по-твоему, но завтра...

- Да-да-да! Завтра я сделаю все, что ни попросишь!

Старушка хмыкнула и потерла друг об друга пергаментные ладони, радуясь очередной выгодной сделке.

- Так вот, после возвращения твой отец полгода болел, похудел сильно, сгорбился. Поползли слухи, что вскоре придется выбирать нового хозяина башни, да и история с Ульфом многим не понравилась. Знаю я, кто распространял эти сплетни - Ким-Рыжий, а пуще него - его женушка Кларисса, та еще змея. «Лэрд-то у нас на ладан дышит. Беречь его надо, не до хлопот ему». Осенью, в день солнцестояния, собрались мы во дворе замка, и этот Рыжий всех подначивал. Пусть, мол, Ольгерд обновит клятву лэрда, выпьет в честь зимы жбан браги. А в жбане этом пинт десять, не меньше. Его перед вечерним костром по кругу пускали, всем по глотку хватало, да еще и на утро оставалось. А Кларисса ему подкидывает: «Дело муж говорит. Еле прошлую зиму пережили. Надо новую умиловить, а то пропадем!» Вырядилась она тогда, что заморская княжна. Откуда-то вытащила лисий хвост, прицепила его к воротнику. Рожу свою чем-то намазала, ни дать ни взять будущая хозяйка замка... О чем это я? А, так вот, все шумят, а тут Елена выходит во двор. На ней серое рубище, какое и служанка надеть постыдится, вместо пояса – веревка какая-то, а на голове венок из этих самых розовых цветочков, что в ивовой роще выросли. Увидел ее Рыжий, так весь свой гонор и растерял, а женушка его от злости чуть не лопнула. А Елена их как бы и не замечает, бе-

рет в руки чашу, зачерпывает немного браги из жбана и говорит: «Выпьем за Четверых», - тихо так говорит, но все аж замерли. – «За Море, что помнит все наши слёзы. За Ветер, что носит наши клятвы. За Соль, что всегда хранит правду. За Огонь, что сжигает ложь...». Отпивает чуток и продолжает: «Пью за честь, что дороже почестей. За веру, что крепче каменных стен. За разум, который освещает нам путь», - еще глоток: «...за друзей, что всегда в нашем сердце...» - тут Елена остановилась перед Рыжим и говорит ему прямо в лицо: «и за врагов, которые всегда на виду». Передает Рыжему чашу, а она пустая. Совсем! А знаешь, что еще... Браги-то не только в чаше, но и в жбане не осталось. Так, самая малость, на доньшке, - старушка гордо приосанилась, словно это она сама, а не Елена оставила всю деревню без праздничной выпивки. - Действительно, следующий год были самыми теплыми на нашем побережье. Кабатчик Нестор пристроил к своему заведению новую комнату и вывеску обновил. «Честь, а не почести» - написал. Запомнил, видать, слова Елены. А через три года и вовсе случилась радость – хозяйка ребенка понесла. Она и раньше была, что твоя картинка, а тут...тут просто светиться начала. Волосы перестала коротко стричь, и лед из ее глаз напрочь исчез. Бывало, носится по дому, поет о чем-то, да только песни все чудные, слов в них не разобрать. Лучше меня повитухи на двадцать верст вокруг не найти, но как срок подошел, меня и на порог не пустили. Ольгерд всех из башни выгнал, а мужикам

так и вовсе наказал из бухты носа не высовывать. Зима тогда только-только на убыль пошла, снег еще и не думал таять, но в ту ночь я явственно слышала гром. Вся башня ходуном ходила, доски в подвале со стола падали, крыша на старом амбре рухнула. Таких криков я отродясь не слышала. Казалось, душу из человека вытягивают, кости ему ломают. К утру, однако, все стихло. Ольгерд спустился на кухню, а в руках у него новорожденная девочка. Маленькая, красная, морщинистая, как я теперь, да только глаза – синие-синие и пушок на голове черный. Я было посетовала, что жаль, мол, не сын, так Ольгерд меня чуть кочергой не огрел. Никогда не видела, чтобы отец так гордился своей дочерью.

- А мама?

- Елену я больше никогда не видела. Чудно все это. Известно откуда появилась, известно куда делась. Ольгерд запретил кому бы то ни было в ее комнату подниматься. Сам ее заколотил. Он ведь тебе ничего про нее не рассказывал?

- Нет, молчит и каменеет, стоит только разговор начать.

- Такая вот невеселая история. Да, вот еще. Дня через два после твоего рождения я проснулась спозаранку. Темень во-круг, не зги не видно, да только слышу, как кто-то внизу разговаривает. Мужской голос и женский, а женщина вроде бы плачет и все повторяет: «Камень. Камень». Я выглянула потихоньку – никого. Спускаюсь, а навстречу мне твой батюшка. Увидал меня и прям зарычал: «Чего тебе, старая, не спится?», - а глаза у него как уголья горят. «Ничего», - говорю.

- «Слышала разговор, вот и спустилась узнать, не случилось ли чего» - «Померещилось тебе, это волки воют, оголодали за зиму» - «А»,- говорю, - «понятно». Да только дверь-то стояла распахнутая, и ее ветром тихонько трепало. Когда рассвело, я специально весь двор обошла, но следов, ни людских, ни звериных вокруг не было, а на земле лежал браслет.

- Этот? - Корди сняла с запястья простой шнурок с пятью бусинами: бледно-голубой лазурит, синяя, как небо в полдень, бирюза, маслянистое на ощупь вулканическое стекло, дымчатый кварц и невзрачная розовая жемчужина.

- Да. Я его подобрала. Думала - думала, что с ним делать, а потом положила тебе в колыбель, как дар от Четверых на твои первые именины.

- А что эти камни означают?

- Кварц - древний талисман народов Кааса. Они живут общинами у моря, но не заходят в воду глубже, чем по пояс, зато по вечерам садятся на берегу и молятся звезде Йорр, покровительнице Севера. Цвет бирюзы указывает на Стеллу – самую яркую звезду востока, откуда к нам в конце зимы приходят сильные ветра. Сама знаешь, какую стужу приносят они с собой, но как стихнут, сразу становится теплее, и в наши края возвращается весна. Лазурит - камень не самый дорогой, но редкий, как звезда Мерра, что появляется на западе всего дважды в год. В эти дни в храмах Старицы отмечают её возрождение, а послушницы перед постригом пьют солёную воду. Обсидиан - камень огня и раскаленной звез-

ды Хактар. В столице ее особенно чтят оружейники и кузнецы, называя Верховным Господином. Огонь и вода - давние противники, потому Хактар каждую ночь восходит на юге и встает прямо напротив Йорра, а вместе со Стеллой и Меррой они образуют на небе крест Четверых.

- А жемчужина?

- Здесь загадка... но мне сдаётся, что это памятка от Елены.

- От мамы?

- Да. Ведь жемчужина точь-в-точь как те первоцветы, что теперь растут на ивовом пригорке.

Корди никогда не расставалась с браслетом, и сама давно догадалась, что каждый камень указывает на кого-то из Четверых. Вода, ветер, соль и огонь – все в сборе, всегда под рукой, а теперь, когда и значение жемчужины прояснилось, то подарок стал еще более ценным.

- Думаешь, она оставила его... мне? - спросила Корди, снова затягивая шнурок на запястье.

- Врать не буду, столько лет прошло, но сдаётся мне, что это ее голос я слышала во дворе, да еще и эти слова... «Камень, камень». Думаю, что она тебе хотела браслет передать, но Ольгерд его не взял.

- Но почему?

- Поругались они должно быть сильно, вот он и разрубил все узлы, которые его с Еленой связывали.

- Или она браслет просто обронила?

- Вряд ли кто-то не заметил бы пропажи такого сокровища. В старину говорили, что если найти хоть один знак Хранителей, то он исполнит любое желание, а тут... Нет, такой дар можно сделать лишь по доброй воле, без принуждения, иначе от теряет силу.

- Так у меня теперь может исполниться не одно, а целых четыре желания? – глаза Корди округлились от восторга, и она коснулась каждого камня, не веря своему счастью. - А если я попрошу, чтобы отец вернулся побыстрее? Вот, прямо сейчас? Сбудется?

- Не торопись, всему своё время. С Четверыми торговаться опасно, поэтому не трать желания впустую, пока все хорошо не обдумаешь.

- Но...

- Никаких больше «но». Иди-ка лучше спать, поздно уже, - старушка потянулась на стуле, расправляя одеяло на коленях. - Да со свечой осторожней, палёным что-то тянет.

Глава 4. День чудес

Приемное отделение было заполнено от силы на четверть. Своей очереди ожидала женщина с ребенком, молодой парень с перевязанной рукой и несколько старушек, пришедших на плановый осмотр. Люди появлялись и исчезали, за кем-то приезжали родственники, кого-то забирали санитары в бледно-голубых робах, и вскоре в холле остался лишь Крис да девочка лет десяти в шапочке с радужными единорогами. Она сидела под рекламным плакатом отбеливателя для зубов и что-то рисовала на обороте картонной папки.

- Новостей пока нет? - спросил Крис дежурную медсестру.

- Пока нет, - ответила она, не отрываясь от компьютера.

С левой стороны от сестринского пункта находилось терапевтическое отделение, и оттуда раздавался шорох шагов и негромкие разговоры. Коридор с правой стороны перегораживали металлические двери с хромированными ручками и доводчиком, который издавал шипение всякий раз, когда кто-то входил или выходил. Вот за этой шипящей дверью и скрылась Элис вместе с усталым доктором больше часа назад.

Пластиковые стулья оказались ужасно жесткими, подлокотники врезались в бока, а руки соскальзывали. Чтобы размяться, Крис прогулялся до автомата с конфетами, но его любимые мятные леденцы закончились, зато был полный на-

бор фруктовых.

- Меня не вызывали? – без особой надежды спросил он, возвращаясь на место с пустыми руками.

- Нет, - покачала сестра головой. – Ждите.

Огоньки на ее телефоне перемигивались, время от времени она брала трубку, коротко отвечала и вешала ее обратно, продолжая тихо клацать по клавиатуре. Между папками с заполненными бланками и горшком с кактусом втиснулся старенький телевизор с выключенным звуком. На экране уходил под воду нос корабля, и люди гроздьями сыпались на лопасти гигантского винта.

«Неужели фильм еще продолжается?» - поразился Крис. – «Значит, всего каких-то пару часов назад я мог запросто лежать на диване, читать книгу и доставать маму глупыми вопросами, а теперь...», - он застыл, с ненавистью глядя в телевизор, словно тот был в чем-то виноват. – «Если бы я не радовался так подаркам, то мама позвонила бы отцу, чтобы пожаловаться, и тот бы пораньше выехал домой», - построил он логическую цепочку, - «а если бы я не задержался в кафетерии, то мог бы и сам зайти к нему в офис, и тогда...».

Такого количества разных «если», «теперь» и «тогда» не выдерживала никакая логика. Крис понимал, что похож на подростка в истерике, но он и в самом деле был всего лишь подростком, и хотя сегодня был день его рождения, он завидовал себе вчерашнему и отдал бы все подарки, лишь бы навсегда остаться двенадцатилетним и никогда не знать, как

страшно бывает взрослеть.

- Тук-тук, - кто-то коснулся его руки.

- Что? - Крис обернулся и увидел девочку в яркой шапочке. - Чего тебе? – огрызнулся он.

- Тук-тук, - повторила девочка.

- Я не в настроении для игр, - в мыслях Криса фраза звучала короче, и она бы вмиг отучила малолетку приставать к старшеклассникам, но в последний момент его посетила куда более перспективная идея – помолчать, может быть, тогда эта противная девчонка отстанет.

- Тут-тук, - не сдавалась нахалка.

Крис сделал вид, что не замечает ее присутствия.

- Тук-тук, - девочка потянула его за рукав.

- Кто там! – рявкнул он, чем заслужил строгий взгляд медсестры. Больница, конечно, не библиотека, но здесь тоже уважали тишину.

- Хорошее настроение. Я буквально на минуту! - губы девочки расплылись в улыбке.

- Э..., - ответ был настолько неожиданным и по-детски наивным, что кроме "э" все остальные буквы алфавита были излишни.

- А хочешь еще загадку? - девочка явно не собиралась останавливаться, пользуясь всеми преимуществами капризного пациента.

- Э... ага, - Крис счел за лучшее выражаться коротко, не более трех звуков за раз.

Девочка сбегала к столу и вернулась с портретом неведомого существа в перьях, с длинной шеей, широким клювом, к тому же на одной ноге и фиолетового цвета, но надпись сверху врать не могла, это, несомненно, был "страус".

- А почему он фиолетовый? - задал Крис самый тактичный из всех возможных вопросов.

- Потому что фиолетовый – мой любимой цвет, - девочка высунула язык, и он был точно такого же оттенка, что и неведомая птица.

- Облизывать фломастеры очень вредно.

- Мне не повредит, - юная художница чуть замялась, будто сказала совсем не то, что собиралась. – Так как? Хочешь загадку?

- Давай.

- Может ли страус считать себя птицей?

- Страус? Птицей? – Крис округлил глаза. - Конечно, ведь страус и есть птица.

- А вот и нет. Страус не может считать себя птицей, потому что он не умеет «считать».

- Глупость какая-то.

Судья явно подыгрывал детсадовской лиге, и Крис поступил ровно так, как поступают все тринадцатилетние, наказывая зазнававшихся десятилеток. Он сдернул с нее шапку с единорогами и спрятал ее за спину.

- Попробуй, отними, раз такая умная.

- А ты, значит, сильный, - возмездие не заставило себя

долго ждать. Тычок в грудь, подсечка, удар коленом, и Крис не успел опомниться, как шапочка вновь оказалась в руках владелицы. Она отвернулась, натягивая ее по самые брови, и Кристофер разглядел свежий рубец на ее бритом затылке.

- О..., - выучил он новую букву.

- А еще взрослый, - процедила сквозь зубы девочка, возвращаясь к столу.

Крис редко испытывал такой стыд. Он то краснел, то бледнел, то покрывался пятнами, что-то мямлил в оправдание, но девочка больше не обращала на него внимания, отгораживаясь папкой с рисунком. Из всех известных Крису способов извиниться остался один, зато верный.

Автомат с конфетами выплюнул пакет с фруктовыми леденцами. Их производили специально для детских больниц и на каждой пачке поместили веселую картинку, вроде жирафа с сердечком на макушке или детеныша коалы в свитере с вышивкой «Мы в тебя верим». Крису досталась пачка с мишкой. Он держал в лапах шарики, из которых складывалось слово «Поправляйся!»

- Вот, - Крис разорвал пакет и высыпал леденцы на стол.

- Я люблю мятные, - девочка скорчила возмущенную гримасу при виде надписи.

- Я тоже, но других не было.

- Я их все съела, а новые завезут только в следующий четверг.

Слово за слово, конфета за конфетой, и лед начал таять.

Девочку звали Мелани, ей было почти одиннадцать, но из-за худобы она выглядела лет на восемь.

- Ты здесь давно? – спросил ее Крис.

- Давно, но скоро меня выписывают.

- И как здесь врачи?

- Хорошие. Медсестры очень внимательные, кроме вон той, - она мотнула головой на сестринский пункт. - Эта вечно придирается, если мы шумим слишком сильно. Говорит, у неё мигрени.

- Мы? Вас тут много?

- Здесь большое детское отделение. Одно из лучших в городе, - голос Мелани стал монотонным, будто она повторяла заученную фразу экскурсовода. - Но редко кто задерживается надолго. Мне повезло, за последний месяц у меня сменились аж три соседки, и всех звали Кимберли. Легко запомнить. Первая попала с отитом и вечно клянчила у сестёр дополнительные подушки, чтобы спать на одном боку. Вторая сильно чесалась, и ее всю вымазали зеленкой, а третья сломала руку, катаясь на роликах. Ничего серьезного. Они выздоравливали, обещали писать и звонить... А потом... забыли, наверное.

- А родители?

- Меня нашли без сознания на пустыре возле стройке. С пробитой головой, - Мелани машинально поправила шапочку, чтобы спрятать шрам. - Может, упала. Может, столкнули. Я не знаю.

- Но ты же помнишь, как тебя зовут.

- Неа. Когда меня нашли, на шее висел бейдж с именем. Я вроде бы ходила с экскурсией на небоскреб Sky Tower. Зачем? Тоже не помню. Полиция долго искала моих родных, но никаких записей обо мне или моей семье не нашла, словно я призрак. Странно, правда?

- Странно..., - Крис тяжело вздохнул. - И как ты тут развлекаешься? – спросил он, чтобы сменить тему разговора.

- Есть один способ, - девочка подмигнула Крису, вытащила из кармана пульт от телевизора, спрятала его под стол и вывела громкость на максимум.

Фильм как раз прервался блоком очередных новостей. На фоне почерневшего от копоти офисного здания появилась знакомая Крису девушка-репортер.

- Здравствуйте, с вами снова Бетти Перэ, - громко объявила она. Медсестра на регистрации подпрыгнула от неожиданности и начала хлопать ящиками стола в поисках пульта.

- Как я уже сообщала ранее, - продолжила Бетти, - сегодня в три часа дня на втором этаже офисного здания произошло возгорание. Огонь удалось быстро локализовать, но владельца экспертного бюро, Алана Гринна, известного правозащитника, доставили в больницу в тяжелом состоянии. Уже установлено, что возгорание произошло непосредственно в его кабинете, где на стенах были обнаружены следы взрывчатых веществ, и следствие разрабатывает версию о поджо-

ге, - Бетти скосила глаза в сторону от камеры и приподняла брови. - В нашем следующем репортаже.... Что? - она прижала палец к уху, где у нее был спрятан наушник. - Как нам только что сообщили, Алан Гринн скончался от ожогов, не приходя в сознание. Мы соболезнуем родственникам и друзьям погибшего. К другим новостям...

Полоска громкости сжалась, звук пропал, но репортерша продолжала еще что-то говорить. Ее губы хлопали, и всякий раз, когда она переводила дыхание, то улыбалась на камеру. Тишина давила, застыла от напряжения, ее можно было резать на части и мазать на хлеб, как масло, и в этой тишине раздался вздох доводчика двери.

- Крис, - Элис медленно вышла в коридор. Ее лицо было заплаканным, и все, что наполняло его жизнью, исчезло. - Случилось несчастье, - она старалась не смотреть сыну в глаза, - нам нужно поговорить.

Крис плохо запомнил похороны. Закрытый гроб, черная одежда, черные круги под глазами матери, черные цепочки шагов на белых от снега дорожках кладбища.

Позже на ужин собрались все сотрудники Алана, коллеги Элис, какие-то незнакомые люди мялись в прихожей, о чем-то тихо перешептывались между собой и грустно улыбались Крису. Мистер Харрис расставлял стулья и собирал карточки с соболезнованиями. По случаю траура мисс Купер вернула себе натуральный цвет волос. Мистер Кларк принес до-

машинную лазанью, мистер Родригез - пирог с тыквой. Смит ничего не принес, зато привел мистера Симмонса и японского дизайнера с третьего этажа, фамилию которого никто не знал. Миссис Томпсон весь вечер раскачивалась на кресле и причитала: "Я знала. Я так и знала, что этим все кончится", - от нее слабо пахло лекарствами и очень сильно виски.

Элис почти не реагировала на посетителей. Иногда кивала, если кто-то проходил мимо. Иногда отвечала "да" или "нет", но чаще "конечно, я в порядке", всю ту чушь, которую говорят взрослые, если им хочется, чтобы их оставили в покое.

Когда гости начали расходиться, а остатки еды упаковали в контейнеры и убрали в холодильник, Элис перебралась в кабинет Алана, на старенький продавленный диван. Там ее и нашел Крис час спустя. Она сняла обручальное кольцо и катала его по столу, придерживая пальцем. «ЭИАН – ЭИАН – ЭИАН», - бегали по кругу буквы.

- Мама, тебе нужно поесть, - сказал он, присаживаясь рядом. - У нас еще осталась лазанья.

- Позже, - еле слышно ответила Элис. Она стала похожей на куклу со сломанным механизмом. Смотрела на сына, но не видела его, уже не плакала, но еще не выплакалась.

ЭИАНЭИАН – ЭИАНЭИАН - ЭИАНЭИАН

- Звонили с твоей работы, сказали, что ты можешь взять отпуск.

- Позже. Мы поговорим об этом позже.

ЭИАНЭИАНЭИАН - ЭИАНЭИАНЭИАН

- Нужно расплатиться с цветочником. Чек должен быть где-то на кухне.

- Это тоже может подождать до завтра. Мы все сделаем завтра.

ЭИАНЭИАНЭИАНЭИАНЭИАНЭИАН

Дело о поджоге мелькнуло еще пару раз в газетах, но быстро стихло в предрождественской суете. В квартиру Элис и Криса несколько раз наведывались вежливые люди в штатском. Расспрашивали, над чем работал Алан в последнее время, не приходили ли ему подозрительные письма, не было ли звонков с угрозами. С разрешения Элис они просмотрели все бумаги, что нашли в доме, забрали компьютер и вскоре его вернули, но уже с чистым жестким диском.

В офисе все основательно выгорело, и снять отпечатки пальцев не удалось. Камеры наружного наблюдения в день пожара были на профилактике, а надежда на распечатку звонков не оправдалась. Начиная с весны, Алан успел обзвонить полстраны, но ни один номер не повторялся. В сентябре он заказал три билета на самолет до Гамбурга, но в последний момент их сдал. Недавно снял немного наличных, но единственной крупной тратой стала покупка нового телефона для сына. Все это выглядело либо слишком просто, либо до крайности запутанным. Дело затягивалось, и вежливые люди с каждым разом становились все менее вежливыми.

Время шло, Крис ходил в школу, стараясь при случае задерживаться там подольше. На обратном пути он покупал два стандартных обеда в ближайшем ресторанчике, забирал почту и, как можно громче звеня ключами, открывал дверь квартиры. Крис боялся застать мать в слезах, а та успевала наспех вытереть глаза и приклеить на лицо неестественную улыбку.

- Как дела? – спрашивал ее Крис.

- Все хорошо, - отвечала она сыну. Этот спектакль они разыгрывали каждый вечер. Крис включал телевизор и заставлял Элис поесть. Она делала вид, что ей интересны его рассказы, он притворялся, что не замечает, как сильно она похудела, и оба почти верили, что все наладится. Завтра.

- Конечно, завтра, - приговаривал Крис перед сном, укрывая маму теплым пледом и устраиваясь рядом.

Так они встретили Рождество. И Новый год. И Пасху. Промелькнул апрель, наступил май.

Крис тонул. Тяжелый, как камень, он медленно погружался на дно черного омута, но странным образом не испытывал ни страха, ни даже удивления. На поверхности ветер рвал воду в клочья, поднимая высокие волны, вспышки молний разрезали далекое небо, но здесь, в глубине, царила тишина, и ему было жаль потраченных бурей впустую усилий. Мысли текли вяло, и он уже почти смирился, что останется здесь навсегда, но одна из молний оказалась чуть ярче и сильнее

предыдущих. Раскаленным лезвием она пронзила толщу воды, зашипела, оставляя после себя дрожащий след из пузырьков воздуха, и пока электрическая дуга не погасла, Крис успел разглядеть скользящую к нему серебристую тень.

- Кто здесь? - спросил он, надеясь, что вода хлынет в легкие и избавит его от ответа.

- Не бойся. Я ищу свою сестру, - голос был детским, но с легкой хрипотцой, будто его обладатель недавно долго плакал. - Ты ее не видел? Мы с ней похожи. Такого же роста, только у нее кудряшки покороче...

- Вообще-то, я не вижу ни тебя, ни твоих кудряшек.

- Да...? Ты для меня тоже... какой-то смазанный. Здесь такое бывает.

Крис уже собрался возмутиться - «смазанным» его ещё никто никогда не называл - но тут же передумал: в конце концов, быть «смазанным» всё-таки чуть лучше, чем стать «размазанным» или, того хуже, - «раздавленным».

- А «здесь» - это где? - спросил он

- На Темном Пути. Мы с сестрой шли по карте, но попали в грозу и... потерялись. Ты ее точно не видел?

- Точно. Здесь кроме меня никого больше не было.

Тонуть при свидетелях оказалось ужасно неудобно. Крис уже не был уверен, правильно ли он это делает. А вдруг есть более эффективный способ для погружения? А достаточно ли чистое на нем белье? А что о нем подумают, когда найдут...

- А хочешь услышать, как я пою? – не отставал невидимка, читая его мысли.

- Нет! - резко отказал ему Крис, готовясь уплыть подальше от назойливого собеседника. Он пошевелил руками и ногами, размял плечи перед рывком и понял, что сковывающаяся его усталость исчезла.

- Почему? - казалось, голос звучит уже со всех сторон, и Крису приходилось вращать головой, чтобы уловить вибрации воды.

- Я не люблю, когда поют...плохо.

- Но почему же сразу плохо, - обиделся невидимка. – Все говорят, что у меня отлично получается.

Кем бы он ни был, но в его грубоватой навязчивости было что-то знакомое, словно Крис разговаривал сам с собой или с кем-то очень близким.

- Давай... завтра,- он попытался смягчить отказ и вздрогнул, узнав слова матери. - Нет. Сегодня, - исправился он. - Но позже.

- Ты же явно ничем не занят, - настаивал голос. - А у меня полно свободного времени. Давай. Соглашайся. Ты не пожалеешь.

Наверху гроза разошлась не на шутку. Стеклянные горбы волн вздымались и опадали. Одна молния не успевала погаснуть, а ее уже сменяла другая, а снизу вода была густой, как патока, маслянистой и тягучей.

«Что я теряю?» - подумал Крис. – «Я и так иду ко дну,

так почему бы не делать это под музыку? Как обещают – хорошую».

- Пой, - разрешил он. – А песня длинная?

- Совсем нет. Она старинная, немного грустная и очень простая. Ты послушай...

Венец из звезд сверкает,

указывая путь,

И ветер тихо стонет:

"Меня не позабуди!"

Голос невидимки менялся. В начале куплета он то и дело срывался на детский фальцет, но потом окреп, чеканя слова.

Едва засеребрится

ущербная луна

Стон криком обернется

"Храбрец, я жду тебя!"

Крис проснулся в своей кровати и долго всматривался в потолок, вспоминая, где он находится. Его пижамная куртка промокла, во рту остался привкус ила, мышцы свело от усталости, но все, что он помнил, это шепот: «...жду тебя...».

- Сегодня, - Крис стер со лба капли пота и с силой ударил себя по щеке. - Мне надоело бесконечное «завтра». Оно наконец-то наступило «сегодня».

Крис выпрыгнул из постели - Сегодня-сегодня-сегодня - наскоро умылся - Сегодня-сегодня-сегодня - нашел в комодке почти не мятые джинсы, а под стулом не самую свежую футболку - Сегодня-сегодня-сегодня - и бесшумно выскользнул из квартиры.

Через десять минут Крис был в гастрономе, а через четверть часа уже стоял на кассе с полной тележкой продуктов. Он никогда лично не присутствовал на процедуре выпекания блинчиков, но хорошо себе представлял ингредиенты, которые способствовали их зарождению. Поддерживая коричневый пакет двумя руками, Крис впервые в жизни почувствовал себя взрослым и едва сдержался, чтобы не прокричать об этом кассирше, которая слишком долго пробивала двухфунтовый пакет с леденцами, - их не было в рецепте, но **СЕГОДНЯ** все можно - и пожилому охраннику, окликнув-

шему его уже на улице и предложившему вернуться, чтобы забрать сдачу.

Сегодня-сегодня-сегодня

Крис прокрался домой на цыпочках и среди чашек с отбитыми ручками, щербатых тарелок и дюжины заварочных чайников без крышек нашел венчик для взбивания и кухонный фартук.

Первая попытка оказалась неудачной. Яйца наотрез отказывались расставаться со скорлупой, а тесто вышло комковатым. Во второй раз сковорода перекалилась, смесь не захотела по ней растекаться, но в итоге они так сдружились, что спаялись намертво. Третий блинчик прилип к лопатке, четвертый не пропекся, но зато попытки с пятой по двенадцатую увенчались относительным успехом, и на тарелке наконец-то начали появляться лунные человечки с рябыми мордочками, один страшнее другого.

Сегодня-сегодня-сегодня

Полюбовавшись на результаты своих трудов, Крис добавил к блинчикам баночку с джемом, стакан апельсинового сока и двинулся с подносом к кабинету отца. Прошло уже почти полгода со дня его смерти, но он все никак не мог заставить себя называть эту комнату как-то иначе.

- Маам...! – начал он еще из коридора, раздуваясь от гордости, как волшебный воздушный шарик с блестками. - Я приготовил нам завтрак!

За окном светило солнце, люди спешили по своим вос-

красным делам. Желтые такси, едва дождавшись зеленого сигнала светофора, срывались с места, оставляя на прогретом асфальте росчерк шин, но в кабинете Алана было темно из-за плотно сдвинутых штор. На продавленном диванчике с открытыми глазами лежала Элис. Спутанные волосы грязными прядями рассыпались по подушке, а складки пледа скрывали бы ее фигуру, если бы там оставалось что скрывать.

- Не сегодня, дорогой, - Элис отвернулась, прижимаясь лбом к спинке дивана. - Давай поговорим об этом завтра.

- Завтрак на завтра?

- Да, дорогой. Я очень устала.

Крис вдруг увидел, что на него с огромной скоростью надвигается экспресс ЗАВТРА, и почувствовал, как вибрирует его тело, подчиняясь стуку колес: ЗАВТРА-ЗАВТРА-ЗАВТРА. Оболочка волшебного шара лопнула, порхавшие в животе бабочки сложили крылья и почернели, и вся накопленная обида, одиночество и злость вырвались наружу потоками слез и отчаянных ругательств.

- Завтра...?! - поднос полетел в угол, и апельсиновый сок растекся на обоях оранжевыми кляксами. - Я не хочу больше ЗАВТРА!

Даже на похоронах глаза Криса оставались сухими, но тут кровь забурила в диком приступе клокочущей ярости. Он носился по квартире, опрокидывая стулья за то, что они имели наглость встать на пути. Срывал со стен рамки с фотогра-

фиями, ведь люди на них улыбались, а он ненавидел улыбки, и бил посуду, потому что она, счастливица, может разбиться, а ему нельзя было рассыпаться на тысячу осколков.

Гроза бушевала не дольше получаса, и мистер Харрис даже не успел вызвать полицию, испугавшись грохота у соседей сверху, а всхлипывающее торнадо уже лежало поперек кровати, прикрыв голову подушкой.

- Крис? - Элис постучала в незапертую дверь, не дождалась ответа и осторожно проскользнула в комнату сына. - Ты ведь уже взрослый ...

- Нет, - приподнялся уголок подушки.

- ...и все понимаешь...

- Нет, уходи.

- Мне нужно время.

- У тебя его было предостаточно.

- Мне так не хватает Алана.

- А мне не хватает тебя. Не хватает воскресных завтраков. Не хватает наших разговоров по вечерам. Я уже не помню, как ты смеешься.

- Я обещаю, что все изменится, - Элис легла рядом и погладила сына по плечу.

- Когда? - Крис давно перестал плакать, но его речь все еще прерывалась тяжелыми всхлипами, грозившими перерасти в затяжную икоту.

- Завтр... Нет, сегодня. Я прямо сейчас приготовлю нам блинчиков.

- Я уже, но они теперь все на полу.

- Пойду-ка я проверю, не спалил ли ты нам кухню.

Элис вышла и вернулась обратно, держа в руках обгорелое нечто, к тому же со следом от ботинка и прилипшим ка-
тышком пыли.

- Мда, - сказала она, качая головой. – Ну, и кто же учил тебя ТАК готовить блинчики?

- Ты слишком долго спала, а я уже не ребенок. Сам спра-
вился.

- Надо же, а я и не заметила. Дай-ка я на тебя посмотрю
повнимательнее, - Элис потянула за краешек подушки. - Вот
это да, твой нос так распух и покраснел. Это случайно не
заразно?

- Очень, поэтому оставь меня в покое, - промычал Крис,
продолжая разыгрывать обиду.

- Ни за что. Будем болеть вместе.

Соревнование по перетягиванию подушки продолжалось
с переменным успехом, но первым не выдержал спортивный
снаряд. Подушка лопнула, и по всей комнате разлетелись пе-
рья.

- Белый флаг, - закричала Элис, размахивая наволочкой.
– А какое сегодня число?

- Двадцатое мая.

- Официально нарекаю двадцатое мая - Днем Чудес!

- Скорее Днем Уборки! – фыркнул Крис, сдувая с лица
прилипшую пушинку.

- Нет, в День Чудес уборкой не занимаются. Сперва мы купим чего-нибудь вкусного, я проголодалась, а потом пойдем в парк, и, клянусь, сегодня я сделаю тебя на любом из игровых автоматов, так что будь готов к позору.

- СЕГОДНЯ, - Крис тяжело повалился на спину, поднимая в воздух клубы пуха. – Наконец-то настало СЕГОДНЯ.

- Что ты сказал, я не слышу? - донеслось до него уже из ванны. - Я мигом...

- Ну, и как я тебе? – Элис стояла перед зеркалом в полутемном коридоре и расчесывала все еще влажные волосы.

Перемерив с десяток нарядов, мама остановилась на бледно-зеленом платье из очень мягкой шерстяной ткани. Отец привез его год назад из Лондона. Он не любил ходить по магазинам и если покупал Элис подарки, то они к обоюдной радости терялись в недрах ее шкафа, но в тот раз ему повезло. Алан увидел это платье в витрине крошечного магазинчика на Риджент-стрит, где цены начинались с четырехзначных чисел, и его цвет так совпадал с оттенком глаз его жены, что он, не раздумывая, обнулil кредитку.

- Ты сильно похудела, - Крис подошел к матери и потуже затянул на ней пояс.

- Придется наверстывать упущенное, - Элис распахнула настежь двери. - Приготовься, мы идем кутить!

- Ты забыла обуться!

- Это все условности!

Элис легко сбежала вниз по лестнице и налетела на мистера Симмонса. Старик зачем-то перебирал ключи за стойкой консьержа, и появление Элис испугало его до полусмерти.

- Миссис Гринн, вы сегодня чудесно выглядите, - побледнел он, пряча за спину синий конверт.

- Спасибо, я отлично выпалась! – улыбнулась ему Элис, размахивая босоножками.

Позабыв про существование такси, они наперегонки неслись к набережной: дама в зеленом платье и светловолосый подросток с улыбкой до ушей.

- Какая же я дура, что провалялась в кровати всю весну, - Элис затормозила у первого же киоска мороженщика. - Два рожка со сливками и шоколадным соусом. И сделайте их в ладонь высотой.

- Мадам, это слишком большая порция, - попытался отказать ей продавец, но он был слишком молод, чтобы идти против Элис.

- Мы снимаем ролик с дегустацией для нашего блога, и если вы постараетесь, то это станет для вас превосходной рекламой, - не моргнув глазом, сочиняла она. - А добавьте еще соленого арахиса., - Элис ткнула локтем Криса в бок, чтобы тот не стоял столбом, а достал телефон и навел на нее камеру, - ...и еще вишенку. А что тут у вас? Банан? Конечно, банан. Куда без него.

- Я столько не съем, - Крис едва мог удержать в руках башню из мороженого, а ее поедание было достойно отдельного

циркового номера.

- Это только начало, - Элис кружила по ярмарке, пробуя жареные каштаны, не отказалась от кренделей и сахарной ваты. Кондитер-француз умолял ее взять с собой коробку с глазированными пирожными, и она согласилась упомянуть о нем в ленте, выторговав за это целое ведерко разноцветных карамелек для оператора.

- Все, - тяжело вздохнул Крис, смахивая крошки с лица, - в меня больше не влезет.

- Конечно, влезет, ведь мы идет к игровым автоматам.

Когда-то павильон с игровыми автоматами на набережной пользовался бешеной популярностью. В воскресенье сюда стекались подростки со всего города, чтобы спустить все сэкономленные за неделю четвертаки и потом хвастаться перед приятелями пустыми карманами и свежей записью рекордов. С тех пор четвертаки заменили на кредитки, и хотя здесь все еще пахло кроссовками и фруктовой жвачкой, но всю публику составляла пара-тройка завсегдатаев, приросших к гоночным симуляторам своего детства, и дремавший в углу пожилой зритель, по совместительству уборщик и гид по местным достопримечательностям.

Крис и Элис постояли около танцевального симулятора, оглушающего посетителей модным лет двадцать назад шлягером, сыграли партию в аэрохоккей, попрыгали на клавишах электронного пианино. Крис был довольно рослым для

своего возраста парнем, и ходить в такие заведения вместе с матерью было немного стыдно, но он до смешного боялся выпустить из своей руки ее тонкие пальцы.

- Смотри, бильярд, - Элис взвизгнула, указывая на обитое зеленым сукном чудовище.

- Я не знал, что ты умеешь играть.

- Ты много еще обо мне не знаешь. В юности я была почти профи.

Элис выставила в середине стола пирамиду из белых и цветных шаров с «восьмеркой» в центре. Придерживая кий большим и указательным пальцем, она разбила ее накатом и предложила сыну повторить удар.

- У меня так вряд ли получится, - с первого захода Крис чуть не прорвал кием сукно, потом перехватил его повыше, но тогда удар вышел слабым, и шар лениво покатился через поле.

- Послушайте, дамочка, - около Элис вырос потный после сна зритель. Он был так возмущен, что даже его кепка, обычно накрепко приклеенная к затылку, сдвинулась на лоб. - Этот стол только для персонала.

- Тогда, может быть, вы составите мне компанию? - спросила она с взволнованным придыханием и так часто захлопала ресницами, что не заметить подвоха было невозможно, но зритель оказался простаком и не догадался, что связался с дьяволом.

- Я бы мог. В восемьдесят пятом меня здесь все хорошо

знали, - мужчина подкрутил усы. - Какие ставки?

Элис осмотрела его с ног до головы, и мистер сердцеед-85 втянул живот.

- На вашу кепку, - предложил она.

- А что ставите вы?

- Босоножки, - Элис помахала перед его носом так и не надетой парой.

Смотритель сразу преобразился, ведь где одна партия, там и другая, а за обувью могло последовать что-то еще.

- Крис, отдай-ка господину кий, - Элис приготовила биток под раскат.

- Это ваш брат? - галантно осведомился смотритель.

- Сын.

- Ах, сын, - мистер сердцеед перестал втягивать живот и расслабился. – Тогда не будем больше медлить.

Они ударили одновременно. Шар Элис отбился от дальнего борта и вернулся к ней, а биток противника затормозил на обратном пути точно в центре.

- Мой ход первый.

Элис разбила пирамиду, закатив в лузу белый шар с полосой. Противник играл цветными.

- «Четвертый» в правую дальнюю. «Второй» по центру, - отсчитывала она заказные удары. На третьем шаре ее биток вскользь коснулся шара смотрителя, и ход перешел к нему.

- А вы неплохо играете, дамочка, - мужчина обошел вокруг стола, примерился к «семерке», потом к «единице», не

переставая рассуждать про оттяжку, винты и боковики, но с первой попытки закатил свой же шар в лузу, и ему записали фол.

Пританцовывая от нетерпения, Элис тряхнула рыжими кудрями и сделала удар с руки, а когда главное блюдо было подано, начала тонкую резку через все поле.

В платье цвета свежей зелени она выглядела как сказочный эльф, случайно заглянувший в мир людей. На фоне ярких огней ртутное облако ее волос и хрупкая фигура невольно притягивали взгляды, и вскоре вокруг стола собралась небольшая толпа. Какой-то тучный мужчина оттеснил Криса, другой наступил ему на ногу, и они оба стали перешептываться, делая ставки.

Все белые шары уже были в лузах, дело дошло до «восьмерки», и партия должна была вот-вот закончиться в сухую, но шар чуть сдвинулся с места, и «восьмерка» превратилась в знак бесконечности, точь-в-точь такой же, какой был у Алана на запястье.

Глаза Элис потемнели, она закусила губу и провела ладонями по бокам платья, поправляя несуществующие складки.

- Послушайте, дамочка, вы бить будете? – раздраженно прикрикнул на нее потный зритель

- Ты выиграл, - ответила ему Элис, растерянно оглядываясь.

- Я здесь, - не в силах перекрыть громкую музыку, Крис начал размахивать ведерком с конфетами над головами

спорщиков. Под улюлюканье и недовольные выкрики Элис бросила на стол босоножки, взяла сына под руку и потащила его к выходу.

Крис уже засыпал, когда дверь его комнаты тихонько приоткрылась. На пороге стояла Элис с тарелкой нарезанных яблок. На ней была розовая детская пижама, волосы прихвачены резинкой в пучок, и в теплых весенних сумерках она выглядела почти ровесницей сына.

- Прости, никак не могу уснуть, - сказала она.

Крис подвинулся, стряхнув остатки перьев с подушки, и Элис легла рядом с ним.

- Ну, и как тебе День Чудес, - спросила она, откусывая дольку яблока и протягивая другую Кристоферу.

- Ты справилась, но что будет завтра?

- Завтра наступит День уборки. Нужно выбросить хлам, открыть окна и хорошенько проветрить квартиру.

- А послезавтра?

- День стирки.

- А через неделю?

- Ты хочешь знать, не превращусь ли я снова в овощ, если из химчистки вернут рубашки Алана? Не заплачу ли прямо на улице, если встречу кого-то из знакомых, а он вдруг спросит меня о нем?

- Верно.

- Я постараюсь, но ты ведь мне поможешь?

- Всегда готов наорать на тебя и устроить погром.

- Только в следующий раз не трогай посуду, она мне дорога, - Элис поставила пустую тарелку на прикроватный столик, и ей на глаза попался стеклянный шар с искусственным снегом. Крис давно порывался от него избавиться, но отнести его в чулан к остальным игрушкам пока не решился. - Ты так и не догадался, зачем его тебе подарил отец? - спросила она.

- Нет, но ты посмотри на дату, - Крис наклонился к матери и показал гравировку на подставке «20/05».

- Двадцатое мая? - ее голос дрогнул. - Но ведь сегодня же двадцатое мая!

- Отец откуда-то знал про День Чудес, и он оставил для нас послание.

- Но что это за место? - Элис взяла сувенир в руки, и серебряные блески вихрем закружились вокруг белой колонны маяка.

- Я не знаю.

- Послушай, но у тебя же скоро каникулы. Давай возьмем машину и поедем по побережью. Мы будем искать этот маяк, а когда найдем, то выясним, не помнят ли там Алана.

- Но таких маяков должно быть десятки.

- Нет, он такой один, - Элис села на кровати, подтянув колени к груди. - Я почему-то уверена, что под ним раскинулась бухта, защищенная с моря острыми скалами.

- А с другой стороны деревню подпирают пологие горы,

заросшие соснами... - продолжил Крис, и по его спине пробежали мурашки.

- И там есть небольшая площадь у причала.

- И таверна, где все сидят на бочках.

- А почему на бочках?

- В таких местах все сидят на бочках и пьют ррром, - про-рычал Крис.

- Как ты сейчас похож на своего отца, - Элис потрепала его по волосам, а он положил голову ей на плечо и закрыл глаза.

- Как думаешь, у нас когда-нибудь станет все по-прежнему? – услышал Крис голос матери уже в полудреме.

- Конечно, если завтра устроим День Уборки, а потом будем жить день за днем...

На следующий день Крис бежал домой со скоростью пули. За последние полгода он основательно запустил учебу, и ему полагалось остаться на дополнительные занятия по подготовке к годовым тестам, но даже полный провал на экзаменах и посещение летних курсов не заставили бы его задержаться сегодня в школе хоть на одну минуту после звонка.

- Службу уборки помещений, пострадавших от стихийных бедствий, вызывали? Работаем за еду! – крикнул он с порога, но ему никто не ответил. Крис принялся и почувствовал острый неприятный запах, словно кто-то забыл закрыть банку с маринованными огурцами, и они прокисли.

Крис осторожно заглянул в кабинет, прошел в гостиную,

но никого там не обнаружил. Дверь его комнаты была чуть приоткрыта. Уходя, он не стал будить Элис, лишь поправил одеяло и задернул шторы поплотнее.

- Мам, все хорошо? - по спине Криса пробежал холодок. Ему вдруг захотелось развернуться и убежать, оставить все как есть и вернуться позже, когда противный запах выветрится, но вместо этого его пальцы уже медленно тянулись к ручке двери.

- Мам...?

Элис лежала лицом вниз среди скомканных простыней, одна ее нога свешивалась с края кровати, и соскользнувший с нее тапочек выглядывал из-под сброшенного покрывала, как пушистый розовый кролик. Этот тапочек почему-то особенно врезался в память Криса, и много позже будет являться ему в кошмарах.

- Мама, - он подошел ближе и наступил на что-то хрусткое. Это была таблетка, маленькая таблетка из янтарного флакона, который был спрятан в ванной. Их выписали Элис не так давно, и она принимала их по одной, когда тоска становилась невыносимой, но теперь флакон был пуст, и последние таблетки рассыпались вокруг лужи рвоты.

Время как будто остановилось, а потом рвануло вперед. Крис помнил, как он стоял в дверях, а потом сразу оказался в ванной, направляя струю холодной воды в лицо матери. Ее щеки были болезненно белыми, губы полураскрыты, между ними высунулся посеревший язык, но жилка пульса на шее

еще билась, а зрочки, хоть и слабо, но реагировали на свет.

И новый пробел.

Крис кричит в трубку телефона, надрывая связки: «Приезжайте скорее, моя мама отравилась. Ей очень плохо!»

И снова взмах монтажными ножницами.

В квартире полно народа, в дверях застыли соседи и смотрят, как два крепких санитара пристегивают Элис кожаными ремнями к каталке.

- Как вы себя чувствуете? - спрашивает ее доктор.

- Холодно, - отвечает она. Ее голос хриплый и слабый, словно запись на автоответчике, и такой же пугающе спокойный.

- Вы помните, сколько таблеток приняли? - доктор быстро делает пометки в блокноте.

Элис отвернулась от него, уставилась мутным бессмысленным взглядом на сына, а потом начала кричать и биться в истерику.

- ЭИАН-ЭИАН-ЭИАН, - повторяла она, раскачиваясь из стороны в сторону.

- ЭИАН-ЭИАН-ЭИАН, - раздавалось уже с улицы, когда Элис переносили в машину скорой помощи.

«ЭИАН-ЭИАН-ЭИАН», - слышал Крис, когда рядом никого уже не было.

Глава 5. Старая Грета

Рискуя свалиться и сломать себе шею, Корделия открыла ставни и высунулась из окна по пояс. Из ее комнаты хорошо просматривались ивовый холм и очертания скал-близнецов, отмечавших середину пути до бухты.

- Нечего опасаться, - потянула носом Корди. Ветер определенно пах гарью, но большинство рыбаков вышли в море еще с рассветом, а те немногие неудачники, что остались на берегу, весь день смолили лодки.

Спать Корделии не хотелось. Разобрав кровать, она поворошила угли в камине и уселась у огня с книгой, ожидая Йону. Когда Корди видела его в последний раз, мальчишка крутился около Орока, а где Орок там и неприятности.

Книга оказалась скучной, и она уже начала клевать носом, когда услышала тихий свист. Ближе всех к башне стояла избушка Руты-отшельницы, и хотя свет в ее окошках не горел, Корди разглядела крадущуюся вдоль забора тень.

«Вот и Йона. Устроит же ему мать трепку за опоздание».

Главные ворота никогда не запирали на ночь, только для вида подпирая балкой, чтобы створки не скрипели на ветру, и приятель Корди отлично знал, какую из досок следует сдвинуть, чтобы бесшумно попасть домой.

«Нужно все-таки проверить, не закрыла ли Мария входную дверь на засов», - решила проявить благородство Корди.

У нее были большие планы на завтрашний день, и если мать накажет шуплого мальчишку, то ей одной придется лезть в ледяную воду и укреплять запруду.

Корделия вышла из комнаты и спустилась на полпролета вниз, когда в дверь постучали.

- Кто там? - раздался окрик Марии. Кухарка уже сменила платье на ночную рубашку, но еще не ложилась, беспокоясь о непутевом сыне. – Йона, ты?

- Нет, госпожа, - раздался испуганный голос со двора.

- Свистун что ли? Чего тебе надо? Одного синяка мало?

- Откройте, госпожа, - парень за дверью заволновался еще сильнее. – В бухте пожар. Меня послали за помощью.

- Пожар? – кухарка взялась за засов, но после смерти мужа она не верила мужчинам на слово. – А кто тебя послал?

- Я здесь недавно и не помню всех по именам. Такой старый, с длинными усами.

- Орок. Он еще на ногах держится?

- Наверное...

- Нет, вряд ли. Должно быть, это Нестор. Кроме его трактира на берегу и гореть-то нечему.

- Может быть, - уже не так уверенно ответил ей парень.

- А от меня-то чего ему надо, или воды в море не хватает, залить нечем?

Вместо ответа раздался короткий, глухой удар. Дверь, со-
рвавшись с ослабевших петель, с жалобным скрипом распах-
нулась, ударившись о стену.

На пороге замерли трое в чёрных плащах. Их лица были скрыты под масками из отполированной стали, а очертания тел едва угадывались в полумраке, но одинаковая, словно выверенная по отвесу, осанка, разворот плеч и даже манера держать голову - с лёгким, почти надменным наклоном - были скопированы с одного оригинала, выдавая близкое родство.

- Лассардцы, - нахмурилась Мария, разглядев оттиск императорского герба на масках. - И зачем же в нашу глухомань пожаловали столичные наемники, и у кого же хватило денег...? А.., - она заметила четвертого гостя, спрятавшегося за спинами охраны. Ворот его плаща был поднят, а глаз не было видно из-за низко надвинутой шляпы. Кто бы он ни был, но командир не желал быть узанным и сторонился яркого света. - Так вот и главный. Храбрец, каких мало, и воспитан явно отменно. Жаль, что не могу такую важную персону в дом пригласить. Хозяина нет, а без его разрешения мне никого пускать не велено.

- Ольгерд - мой старый приятель, - командир подал наемникам знак, и они расступились, освобождая ему путь. - Он кое-что оставил здесь для меня, так я заберу и уйду.

- Знакомый голос. Сколько лет прошло, но перья на шляпе не прибавили тебе роста, - Мария обеими руками вцепилась в косяк, широко расставила ноги, и чтобы сдвинуть ее с места потребовался бы приличный таран. - Я всегда знала, что толку от тебя не будет. Знала и всем говорила, но меня

никто не слушал....

- Заткните этой бабе рот!

Услышав приказ, один из наемников развернулся впол-оборота, коснулся ножен кинжала, а остальное произошло так быстро, что Корди не успела даже зажмуриться. Она лишь заметила блеск металла, а кисть кухарки уже отделилась от запястья, упала на пол и с чавкающим звуком покатилась под лавку. Мясник не рассчитал силы, и лезвие вошло в сворку двери, оставив глубокую зарубку на дереве.

Кухарка беззвучно опустилась на колени и забилась в припадке, зажимая хлещущую из культи кровь. Никто в Норд-хейме не помнил, когда в последний раз Мария плакала. На похоронах и поминках ее глаза всегда оставались сухими, и самые вздорные пьяницы трезвели, стоило ей сдвинуть брови. Теперь от надрывного, полного боли плача кухарки сердце Корди подскочило и комом застряло в горле.

«Это не сон», - шептала она, прячась среди пустых корзин. – «Зачем? Зачем они сюда пришли? Все знают, что у нас и брать-то нечего».

Внизу раненая женщина просила пощады, но незваные гости продолжали топтать ее полное тело, пока стоны не стихли.

- Хватит, - остановил их главный. – Живо наверх, общите все комнаты, а я покараулю снаружи и поищу, куда делся наш свистун, а то он нам раньше времени всю деревню перебудит.

Корди едва успела юркнуть в угол за штабель рваной па-

русины, как мимо неё, гулко топая, пронесли три пары сапог. Наёмники, перескакивая через ступеньку, ворвались в кабинет Ольгерда, с одного удара срубили замок с сундука и вытащили шкатулку с общинным серебром. Зима в этот год затянулась, и остатки денег Ольгерд забрал с собой в плавание, оставив мародёрам лишь жалкую горсть монет.

Комната няни была напротив, а спальня Корди - прямо над ней, но крепко забитые двери на четвёртом этаже всё же сулили хоть какую-то добычу, и лассардцы устремились вверх, снова не заметив спрятавшуюся в тени девушку.

«В третий раз мне так не повезет, и отсидеться до утра у меня не получится. На обратном пути меня точно отыщут и выволокут к командиру, как единственный трофей», - Корди выползла из своего укрытия и заглянула в пустую кухню.

В этом огромном зале отмечали свадьбы и провожали в последний путь всех, кому посчастливилось умереть на суше. Огонь в камине ещё не погас, все котлы были вычищены, на столе стояла кадушка с опарой для хлеба, и если бы не темно-красные пятна на полу, Корди бы решила, что все случившееся было лишь её дурным сном.

- Мария, - тихонько позвала она.

- Йона! - отозвалась кухарка. – Йона, это ты?

Ее выпачканные волосы прикрывали распухшее от побоев лицо, разорванная ночная рубашка напиталась кровью, и она баюкала замотанную тряпкой культю, то проваливаясь в беспамятство, то приходя в сознание от боли.

- Я сейчас, - засуетилась Корди. Она сорвала с кадушки полотенце, скрутила его жгутом и туго затянула руку Марии повыше локтя.

- Йона, - застонала кухарка, открывая глаза. – С тобой все в порядке?

- Помолчи, - успокоила ее Корделия. – Он в безопасности. Кто-нибудь в бухте за ним присмотрит.

Сверху послышался треск дерева. Захватчики, наконец-то, ворвались в запертую комнату бывшей хозяйки башни.

- Йона, - Мария приподняла голову, вглядываясь и не узнавая свою помощницу, - предупреди Корделию. Это ее они ищут... Бегите...

- Нет, я тебя не оставлю.

- Бегите..., - захрипела кухарка. Она перекатилась на бок, но встать на колени сил ей не хватило. – Спасайтесь...

- Не шевелись, - Корди снова перевернула кухарку на спину и положила на лоб холодный компресс. - Пожар хорошо виден из моря. С приливом все наши лодки вернутся, и мы вытащим тебя отсюда.

Корделия оставила рядом с Марией плошку с водой и проскользнула в кладовую, приперев дверь изнутри мешками с мукой. В сильные морозы сюда стаскивали клетки с курами, хотя до весны доживали немногие. Двигаясь на ощупь, Корди наступила на единственного уцелевшего каплуна, в знак траура по своим подругам сбросившего свое разноцвет-

ное оперение. Петух захлопал остатками крыльев, взлетел на полку с соленьями, а оттуда перепорхнул на подоконник.

- Умница, - Корди последовала его примеру и выглянула из окна.

У главного входа маячила фигура с факелом. До нее было футов восемь, вполне достаточно, чтобы бесшумно спуститься с карниза и прошмыгнуть незамеченной до ворот. Корди поглядела вниз, позабыв от волнения, какое из кособоких сооружений прилепилось к этой части башни, но мешкать не было времени, кто-то из троих наемников уже спустился на кухню и вовсю колотил в дверь кладовой. Испугавшись резкого звука, петух вылетел первым, а Корди сразу за ним.

- Кто здесь? – дозорный бросился в ее сторону и налетел на торчащее из-под стрехи удилище. Едва не лишившись глаза, он попытался вскарабкаться выше, но сапоги выворачивали рыхлые камни из просевшей кладки, и толку от его усилий было немного.

Прикрывая голову руками, Корделия лежала поперек крыши амбара, мысленно благодаря няню, что та уговорила отца закончить перед отъездом ремонт.

- От меня не скроешься, я тебя все равно достану, - незнакомец воткнул факел в землю, подпрыгнул и зацепился за свисающий край плавника. Его руки оказались так близко от лица Корди, что она рассмотрела давно заживший шрам на тыльной стороне ладони и сине-зеленый камень в перст-

не на указательном пальце. Если бы мужчина потянулся, то не смог бы разминуться с ней взглядом, но доска выгнулась под его весом, и одуревший со страху петух съехал с горки прямо ему на голову.

- Вот ведь... дрянь... Откуда ты тут взялась?! - пальцы разжались, а их владелец, не слишком удачно приземлившись на ноги, завалился набок и чуть не сел на древко своего же факела. Корди приготовилась услышать поток отборной брани, но, к её удивлению, дозорный лишь фыркнул от досады, обошел амбар слева и наверняка попытался бы снова взобраться на крышу с торца, если бы петух сослепу не принял осыпающиеся искры с факела за разгорающуюся зарю и не завопил во всю мочь.

- Чтоб тебя черви сожрали, костлявая падаль! – командир наемников пинком отогнал от себя горланящую птицу. – Зря я тебе сразу башку не свернул. Сейчас здесь соберется вся деревня, как в потемках потом разобраться, которая из девиц дочка ведьмы.

Факел полетел через забор, солома на крыше избушки Руты зашипела, задымилась, и вскоре на окраине деревни занялась первая свечка.

- Ничего, я наведу тут порядок, станет как в храме Старицы – чистота да благодать, – когда терять стало нечего, мужчина уже не стеснялся в выражениях. - Никуда ей отсюда не деться и помощи ждать неоткуда. Сама выйдет, а эти олухи еще на коленях благодарить будут, что избавил их от выро-

ка. Если бы еще та тварь выползла из леса на огонек...

Пока поджигатель был занят, Корди бесшумно соскочила на землю и влезла через дыру в зажатую между двумя сараями коптильню. Многие годы сюда складывали подпорченные солью поплавки, куски лыка, перепачканные смолой ведра и пересохшие жерди. Для кого-то это место было обычной свалкой мусора, а для Корделии оно еще с детства стало личной сокровищницей и тайным логовом, куда можно было улизнуть от взрослых и всласть побездельничать.

«Так он меня искал? Зачем? И кто это был?»- передвигаясь на четвереньках, чтобы не задеть макушкой свисающие со стропил рыбацкие снасти, Корди добралась до самодельной лежанки и вытащила из-под соломы огарок свечи и огниво.

Прикрывая ладонью огонек, она сжалась в углу коптильни, перебирая варианты, кому она могла так насолить, и вздрагивая от любого шороха, пока ночь не сменилась серым ненастным рассветом.

«Шлеп», - по крыше ударила первая капля дождя.

«Шлеп-шлеп», - присоединились к ней другие.

Через минуту радостная дробь сменилась непрерывным гулом, и по щербинам пола в каморку потекли юркие струйки воды.

- Корделия, ты здесь? - от звука ломающегося баритона Корди подпрыгнула.

- Йона, слава Четверым, ты жив!

В отличие от Корди ее приятель так и не повзрослел. Мать часто стригла его, чтобы он выглядел как настоящий мужчина, и от детских кудряшек остался лишь светлый пушок на затылке, но Йона все равно был похож на пухлощекого младенца и вел себя немногим лучше.

- Я так и знал, что найду тебя здесь, - засиял от собственной находчивости Йона. - Выходи, вокруг никого нет. Дождь потушил пожары, и воры вернулись на свой корабль.

- Помоги мне, - Корди так окоченела, что ноги совсем ее не слушались. - Ты их разглядел? Кто это был?

- Ну, - парень замялся и исподлобья посмотрел на подругу. - Говорят, что это твой дядя Ульф. Он с командой приплыл в бухту на лодках. Сегодня же новолуние, а они обмотали весла тряпками, и их приближения в темноте никто не заметил.

- Ульф? – не поверила Корделия. - Ты уверен?

- Да, - закивал Йона. - Его Нестор-кабатчик узнал. Ох, и злой же у тебя родственник, как только увидел вывеску на трактире, так чуть зубами не заскрежетал. Сам облил дверь маслом и бросил факел.

- А что ты там делал? Почему домой не вернулся ночевать?

- Меня после работы Орок угостил медовухой, и я боялся показаться матери на глаза, но когда все вокруг запылало, то я один не растерялся и сразу нырнул в воду. Ты же знаешь,

как я хорошо плаваю?

- Да, ты отличный пловец, но что было дальше?

- Я выплыл чуть подальше от причала и меня стошнило.

Никогда не буду больше пить. Такая гадость...

- Потом? Что случилось потом? - от нетерпения Корди схватила Йону за плечи и грубо встряхнула его.

- Не...тряси...меня, - побледнел он, - меня сейчас...опять...

Морщась от запаха перебродивший кислятины, Корделия терпеливо ждала, пока парень прочистит желудок.

- Тебе полегчало? - спросила она, когда тот перестал дрожать.

- Вроде бы, да.

- Говорить можешь?

- Попробую. Ты же знаешь, какой я...

- Я все знаю. Ты молодец. Просто рассказывай, что было дальше, и не останавливайся.

- Твой дядя выставил на берегу охрану, а пятеро пошли с ним к башне. Трое наемников в масках и двое матросов. Последний совсем молодой, вроде юнги. Я вроде видел похожего паренька днем в деревне, крутился вокруг и все спрашивал о тебе, но, должно быть, обознался, - икая, продолжил Йона.- Вернулись к утру только четверо, сели в лодку и погребли к западному входу в бухту. Откуда они знали о нем? Там самая стремнина, и даже наши им редко пользуются. Стивен с отцом первыми заметили пожар на берегу. Они

видели, как чужая двухмачтовая шхуна снимается с якоря, решили ее догнать, но их отогнали выстрелами. Представляешь, у них там есть пушки. Настоящие!

- Кто-нибудь пострадал?

- Неа, - фыркнул парень, умываясь из лужи. – Сейчас совет на берегу держат. Жаль, что твоего отца нет, он бы быстро во всем разобрался.

- Жаль, - Корди взяла Йону за руку и отвела к кадушке в углу. – Ты Марию видел? С ней все в порядке?

- Да, - пробулькал тот, макая голову в дождевую воду. – Ее перенесли в лагерь за портом, а когда мама очнулась, то сразу послала меня за тобой. Говорила, что если бы не ты, то она бы кровью истекла. Это правда?

- Не знаю, - ответила Корделия, – сделала, что смогла. Я хотела забрать ее с собой, но через дверь было не пройти, а до окна я бы ее не дотащила.

- А что твоему дяде было здесь нужно?

«Меня искал», - чуть не проболталась Корди, но вовремя прикусила язык.

- Обычный грабитель, - открыла она только часть правды.

- Да ну? Вот чудак. Здесь и брать-то нечего.

- Ага, - согласилась Корди, радуясь, что хоть кого-то ей удалось обмануть. - А много домов сгорело?

- Да почти все, но никто особенно не переживает. Кто-то останется в лагере, кто-то переберется в башню, а к холодам отстроимся. Я предложил на всякий случай несколько сто-

рожевых вышек поставить на берегу. Ты же знаешь, какой я зоркий?

- Ага, особенно когда спишь.

- Я днем буду дежурить, - обиделся Йона. – Пойдем уже, все сейчас Нестора ищут. Помочь надо.

- А с ним-то что случилось?

- Перепил с горя и отправился топиться. Вот все и волнуются, как бы на самом деле в море не полез.

- Няню надо позвать, она умеет пьяных заговаривать.

- Няню? – удивленно захлопал глазами Йона.

- Она разве не в лагере? – Корди схватила за притолоку, чтобы не упасть.

- Нет. В башне было тихо, и я решил, что там кроме матери никого нет, - пухлощекий парень мгновенно протрезвел, и к нему вернулась привычная робость. – Может она спала?

Корди слышала, как кричала Мария, и от мысли, что старая женщина осталась наедине с мародерами, ее спина покрылась холодным потом.

- Идем, - она вытолкнула Йону во двор.

- Одни? – взвизгнул тот. Его губы задрожали, а на ресницах повисли круглые слезинки. - Вдруг там засада? Лучше позовем кого-нибудь. Я мигом вернусь.

- Некогда, - прикрикнула на него Корди.

Перепрыгивая через лужи, она бросилась к главному входу, но по пути зацепилась за вылезший после дождя из земли корень и растянулась во весь рост.

- Смотри! – заскулил Йона. Он так и не двинулся с места, издали указывая ей за спину.

Корделия вытерла грязь с лица и обернулась. Из сорной травы у привязи для лошадей торчали чьи-то колени. Она подползла поближе, и ее живот скрутило от отвращения.

Парень был не из местных. Корди знала по имени каждого, кто мог вступить в ее армию или встать под знамена противника. На вид он был чуть старше ее, и через пару месяцев россыпь прыщей могла бы сойти с его щек, но стрела прошла сквозь тонкое горло, завязав кровавый узел на шее. Где-то в долине его ждали родные, надеялись, что он одумается и вернется домой, и они никогда не узнают, что их сына положат в безымянную могилу на окраине чужой деревни.

- Что, свистун, - тихо прошептала Корди, разглядывая отметину под его глазом. – Не с теми людьми ты связался. Лучше бы подучился рыбацкому делу или пас коров, как и все твои предки. Йона, помоги мне перетащить его под крышу! - позвала она, но ее защитник не шелохнулся, продолжая таращиться на мертвеца.

- Нет, я к нему не подойду.

- Нельзя оставлять его здесь.

- Нет, - Йона развернулся и, не оглядываясь, побежал вниз по дороге к морю.

- Глупый мальчишка, - Корди и сама была бы рада убрать-ся отсюда, но над ней возвышалась белоснежная башня, укоризненно разглядывая ее тысячью пустых окон.

- Придется все делать самой, - она закрыла парню глаза и встала над ним, скрестив руки на груди. – Море солонее слез, а пара капель гору не сдвинет, - этими словами в Нордхейме всегда провожали умерших. - Отправляйся в плавание, и пусть солнце никогда не садится над твоей головой. Пусть ветер будет попутным, пусть волны не знают гнева, а глубины хранят твой покой...

- Я знала, что ты не оставишь меня одну.

В комнате няни ничего не изменилось. На кровати все так же лежало скомканное одеяло, на маленьком столике рядом с пустой тарелкой стояла чашка с остывшим чаем, а сама хозяйка неподвижно застыла в кресле, спиной к окну.

- Няня, - бросилась к ней Корделия.

- Детка, хорошо, что с тобой ничего не случилось, - Грета повернулась к свету, и Корди замерла на полпути, еле сдерживаясь, чтобы не закричать. На щеках старой женщины не осталось ни кровинки, зато она густо окрасила ей губы и подбородок.

- Что? Я сейчас! Все будет хорошо!

Корди схватила с пола платок, выронила его. Кинулась за водой, но только разлила кувшин себе под ноги. Ее не было здесь всего одну ночь, но за это время все вещи в комнате успели пропахнуть прогорклым маслом. Этот запах забивался в пазухи носа и взрывался приторной нездоровой сладостью.

- Не суетись, - няня поманила ее к себе и указала на стул подле себя. - Я рада, что дождалась тебя, нам нужно поговорить.

- Нет, береги силы.

- Теперь уже незачем.

- Я приведу кого-нибудь. Внизу есть лекарства и травы...

Старушка покачала головой, и Корди поняла, что ничего уже нельзя ни вернуть, ни поправить, остались лишь несколько минут для прощания.

- Кто это сделал? – только и могла спросить Корделия, опускаясь на краешек стула.

- Ульф, - вздохнув, ответила Грета. - Он сначала тихий был. Своих выгнал, сказал, что навестить приехал. Я закричала на него, слышала ведь, что они там творили с Марией, вот он и ударил меня под ребра. Потом плакал, извинялся, да только поздно уже было...

- За что он так с нами?

- Он в детстве-то хороший был, спокойный и ласковый, но, правду ведь говорят, кто раньше срока на свет появился, того судьба потом накажет, а он аж на два месяца поторопился. К нам в ту пору лихорадку из-за моря привезли. В каждый дом она заглянула, людей хоронить не успевали. Мать его ослабела после родов и умерла, а дед твой так горевал, что сына даже на руки брать отказывался. Вот я и взяла сироту к себе, выкормила. Они с моим младшеньким погодками оказались, но мой все равно до весны не дожил, а Ульфа

я выходила. Годам к семи его только отец признавать начал, взял мальчика в море и с братьями познакомил. Михелю тогда уж шестнадцатый шел, а Ольгерду лет двенадцать исполнилось. Я не знаю, что с ним там приключилось, но после первого же плавания Ульфа будто подменил кто. Озлобился весь, на людей стал бросаться, даже мне перечить начал. А я ведь любила его больше других, за собственного сына считала...

- Он уплыл. Стивен видел, как его корабль поднимает паруса. Больше ты его не увидишь.

- Нет, детка, он вернется за тобой. Ульф с малых лет был твердолобый, что задумает, того непременно добьется. Он как подросток, его помощником лоцмана приставили. Обидчиков у него поубавилось, но он все равно с каждым поковитался. По всему побережью о нем дурная слава пошла. Кого-то он сам поколотил, кого-то с друзьями подкараулил, но доказательств не было. Умел он людям зубы заговаривать, но я-то его насквозь видела. Вот и теперь, хоть он и слова лишнего не сказал, но я сразу поняла, что Ульф за тобой вернулся. И так ты ему нужна, что он скорее пальцы себе сгрызет, чем тебя отпустит. Беги, детка, пока не поздно.

- Куда?

- Сначала в долину. Собери мужиков. Пусть придут на помощь, пока Ольгерд не вернется, а потом иди к матери. Она тебя защитит.

- Как? Она жива? – растерянно забормотала Корделия.

Она уже давно выросла и не верила в сказки, что «мама просто ушла». У слишком многих из ее ровесников родители «просто умерли». Это было также естественно, как «просто дышать» или «просто думать», и намного легче, чем «просто надеяться», что кто-то «просто вернется».

- Она у Грозowego озера. Там ее Ольгерд встретил, там и тебе поискать придется.

- Но почему именно там? – все еще сомневалась Корди.

- Странное это место, неправильное что ли. Муж меня еще до свадьбы уверял, что там иногда Четверо собираются, и если кто из людей отважится выйти к ним, то сможет попросить их о чем угодно. Молодая я была, глупая, вот и решила сама сходить и все проверить. Пока туда шла, так извелась вся, мерещилось, что зовет меня кто-то, за волосы хватает, а уж когда костер на берегу разглядела, так вся моя храбрость мигом и кончилась. Бежала без оглядки, пока до дома не добралась. Никому я про этот случай не рассказывала, но только после твоего рождения у меня словно глаза открылись, - старушка, измученная такой длинной речью, закашлялась, растирая рукой кровь по подбородку. - Елена. Никогда не видела женщину красивее, хоть теперь и не помню, как она выглядела. Про ступни ее босые, помнишь, рассказывала, про голос странный. Не человек она, и никогда им не была.

- А кто же тогда?

- Я не знаю, Четверо ли постарались, или само озеро чудеса творить может, но только отыскал Ольгерд себе невесту,

да не простую, а заколдованную. Ее ведь будто из снега для него вылепили, и чужую душу в неживое тело заманили. Подарил ему кто-то эту встречу, да только счастье-то обманкой обернулось, через три года все, что займы было взято, вернуть пришлось.

- А Ульф?

- После появления Елены, он все дни просиживал в трактире, напивался в стельку и лез в драку с каждым, кто только на него косо посмотрит. Нечего порядочной женщине делать в этом вертепе, но я гордость в карман сунула. Вытащила его к морю, окатила водой. Тут его и прорвало. Говорил, что застал его с братьями в пути буран сильный, и решили они его переждать в заброшенной избушке. Только среди ночи разбудил их стук в окно, осторожный такой стук, будто кто-то ногтем по стеклу водит. Вышел Михель на улицу, тут на него чудовище и напало, размозжило голову одним ударом, словно тыкву гнилую. Всего-то Ульф не запомнил, только то, что глаза у демона в темноте синим светились. Ольгерд побежал брату помогать и сгинул следом. Наутро Ульф погрузил тело старшего брата на сани и поволок обратно к башне, да только глаза эти его каждую ночь мучили. Я тогда решила, что бредит парень с перепоею, сама его на корабль посадила и купцу приплатила, чтобы отвез его на летние острова. Думала, развеется, мир посмотрит, да, видно, с лихими людьми его жизнь свела, погубила, - старая Грета уже не могла дышать. Вцепившись в подлокотники кресла, она по-

пыталась приподняться, но руки ослабли, и старушка свалилась на пол.

- Няня! - Корди потянулась к ней, но та лишь замотала головой, запрещая ей приближаться.

- Не трогай меня. Осталось последнее, – в ее легких что-то клокотало и булькало, по щеке стекала розовая пена, но голос старой женщины оставался на удивление спокойным. - Никто так и не догадался, кем была Елена на самом деле. Она ведь как стекло прозрачной оказалась, каждый в ней только себя видел. Захочет, и не заметишь ее, пройдешь мимо, а коли понравился ты ей, так она к тебе сама навстречу выйдет. Я, конечно, замечала эти странности, но кто же станет лихо будить, когда все так хорошо складывается. Бывало, перекинешься с ней парой слов и понимаешь, что на сердце посветлело. Пойдешь по своим делам, а искра эта еще надолго с тобой остается. Идешь и сама собой любишься.

- Значит Ульф все выдумал?

- Ульф...хороший был мальчик, ласковый..., - мысли няни начали путаться, она уже не понимала, где находится и с кем разговаривает. - Нет, мне бы он врать не стал. Он ведь тоже подарок от озера получил, только вместо девушки повстречал там зверя с синими глазами... Я его не виню, каждому своя судьба написана... Зверь-то этот завистью зовется, и он уже давно ему все нутро выгрыз, а с той ночи наружу выбрался...

Напоследок няня улыбнулась и взмахнула рукой, словно

приветствовала кого-то знакомого, и ее тело выгнулось дугой и обмякло.

-... Угли сегодня хорошо горят..., - бессвязно произнесла она, уронив подбородок на птичью грудь, - ... принеси-ка мне, детка, чаю и спроси у Марии, скоро ли булочки поспеют...

- Море солонее слез, а пара капель гору не сдвинет...

Корделия достала заветный ключик, открыла корпус часов и осторожно сняла маятник. Стрелки в последний раз вздрогнули и замерли, но как бы далеко Корди не уходила вглубь башни, последний отзвук колокольных находил ее повсюду. Эта тонкая звенящая нота изводила ее своей незавершенностью, и огонек, поначалу чуть тлеющий в ее груди, разгорался все сильнее и ярче.

Прошел час, и ей показалось, что на кухне скрипнули половицы. Корделия испугалась, что из лагеря уже потянулись первые погорельцы. Пришли, чтобы занять места получше и потеплее, заглянуть в кладовые и рассыпаться по всей башне пестрым табором. От мысли, что кто-то из них начнет ее утешать и хлюпать носом, Корди с такой силой сжала кулаки, что костяшки пальцев проступили сквозь кожу.

- Я должна что-то сделать. Прямо сейчас, - Корди спустилась на кухню, на ходу скидывая грязное платье. Порывшись в сундуке, она вытащила застиранную до желтизны рубашку и сшитые для нее Марией штаны из плотной ткани. Натянув

чистую одежду, Корделия забрала из шкафа новые сапоги Йоны. Это была дорогая пара из мягкой кожи с широкими отворотами на голенищах. По просьбе кухарки скорняк прибил к подошве высокие каблуки, и набойки звонко цокали по каменным плитам пола, пока Корди собирала припасы в дорогу и неслась в кабинет отца. Под грудой перевернутых ящиков и рассыпанных бумаг она отыскала пропахший табаком плащ, запустила руку в карман и нашла карамельку в замусоленном фантике.

Оставалось последнее. Корди вернулась в спальню няни, стянула с кровати расшитое покрывало и вытащила со дна корзинки лоскут с вышитым розовым цветком.

- Ну, вот и все. У меня теперь есть свои Четверо, - она проверила, крепко ли затянут узел на браслете, завернула продукты в покрывало, перекинула скатку через плечо и поняла, что больше ей ничего здесь не нужно. Она забрала с собой частицу каждого, кого любила и считала своей семьей, и у нее было одно на всех желание.

Подкопченное солнце едва пробивалось сквозь плотную завесу дыма. Пожар не добрался до башни, но с подветренной стороны на дворовых постройках появились следы копоти, а вода в лужах стала гуще жженой патоки.

Перешагивая через разбухшие колеи, Корди спустилась к пепелищу и остановилась около остова избушки Руты, где в теплых углях возилась приземистая собака отшельницы. Ее

непомерно раздутый живот волочился по грязи, и она искала уединения, чтобы разродиться щенками.

- Ты голодная? - спросила ее Корделия, расставаясь с горбушкой хлеба.

Собака понюхала угощение, оскалила почерневшие зубы и спряталась за остовом печной трубы.

- Ничего, я приведу помощь, и все у нас станет как прежде, - вздохнула Корди, скрещивая пальцы на удачу. - Знать бы только, куда мне идти.

Местные охотницы рассказывали ей о холодных горных реках, запрудах и озерах, спрятанных среди густого соснового леса, но которое из них Грозовое, не уточняли.

Единственная прямая дорога в долину начиналась от ивового холма, и сколько Корди себя помнила, здесь всегда прощались с земляками, провожая их в дальнейшее плавание. В Нордхейме не было храма, и вместо молитв Четверым родные закапывали монетку и помечали место ивовым колышком. Если к возвращению судна он не успевал вцепиться корнями в рыхлую почву, то его оборачивали яркими лентами и вешали над входом в дом, но многим не везло, и с каждым годом деревьев становилось все больше.

Из чахлой рощицы хорошо просматривалась часть бухты. От трактира уцелела лишь передняя часть сруба, но мужики во главе с Ороком уже разбирали сгоревшие доски, расчищая место для новой постройки. Поодаль женщины на костре готовили на всех обед, дети перекидывали мяч через обо-

жженный плетень, а Йона в компании со Стивенем сидели с удочками на берегу, ловя мальков на наживку.

- Быстро же они поладили, - усмехнулась Корди.

Она поискала глазами колышек, который сама поставила в день, когда в последний раз видела отца, но вместо ивового ростка на подсохшей кочке распустились ярко-розовые цветы. То ли ее подношение пришлось Четверым по вкусу, то ли пожар согрел землю, но Корди вдруг подумала, что если уж отправляться в путешествие, то почему бы не спросить у них лично.

Корди сняла сапог и бросила его перед собой, приговаривая: «Тарли-башмачник, отведи мой взгляд от неверных дорог, открой путь истинный».

Сапог лег голенищем от основного тракта, а его носок указывал на неприметную тропинку, ведущую в лес. Корди раздвинула кусты и увидела еще одну купу первоцветов. Они еще не расцвели, и их бутоны напоминали россыпь розовых жемчужинок.

- Благодарю, батюшка Тарли, - поклонилась Корди, еще раз поправляя кожаные тесемки браслета. – Я туда и обратно, никто и не заметит, что меня не было.

Глава 6. Мистер и его миссис

Мистер и миссис Бреккет считали себя образцовыми родителями.

Они жили в идеальном домике с идеальным белым заборчиком и идеально подстриженным газоном. Мистер Бреккет любил иногда столярничать, вырезая из дерева фигурки животных, а миссис Бреккет любила мистера Бреккета и порядок, поэтому все шурупы, гвоздики или сверла в гараже были тщательно разобраны, разложены по аккуратным коробочкам и пронумерованы, чтобы ни один из них не потерялся.

Мистер и миссис Бреккет считали себя образцовыми родителями.

К ужину миссис Бреккет меняла будничный наряд на красивое платье, зажигала свечи и ставила во главе стола вазу с идеальным букетом цветов. После еды она позволяла мистеру Бреккету отдохнуть на диване с газетой, а сама надевала фартук и уходила наводить идеальный порядок на идеально чистой кухне. Прочитав передовицу, мистер Бреккет тушил свет в гостиной и отправлялся на помощь супруге.

Мистер и миссис Бреккет считали себя образцовыми родителями.

Пижама мистера Бреккета всегда была идеально отглажена и пахла лавандой. Перед сном он целовал жену в левую

щеку, благодаря за заботу, а отправляясь утром на службу, получал ответный поцелуй в правую. По меркам Палмс-Хемлет сдержанное выражение чувств являлось признаком зрелости отношений, и за четой Бреккетов давно закрепилось звание идеальной семейной пары города.

Мистер и миссис Бреккет считали себя образцовыми родителями, но детей у них все таки не было.

Памела Бреккет еще в молодости начала слегка подкрашивать волосы, но с возрастом любовь к перекиси переросла в настоящую страсть, и в парикмахерской ей отвели отдельное кресло у окна, по звону колокольчика над дверью сверяя часы.

- Я ведь не сильно постарела? – спросила она как-то Агнешку Шульц, бессменного мастера единственного достойного леди салона красоты в городе. На прошлой неделе Памела в пятнадцатый раз отпраздновала свое тридцатилетие, и с появлением натуральной седины ей приходилось более тщательно маскировать под пышными локонами увядающее личико с кукольными глазками-пуговичками и тонкими бледными губами.

- Ты прекрасно выглядишь, - поклялась Агнешка, взбивая снеговую вершину на голове постоянной клиентки. Ассортимент complements входил в стоимость услуги, и с этой фразы начиналась и заканчивалась любая процедура.

- Что ты, - ответила ей Памела, добавляя доллар к чаевым.

– Годы берут свое, а ведь когда-то я была второй по красоте девушкой в Палмс-Хемлет.

- Только второй? – почтения в голосе Агнешки прибавилось на доллар с четвертью, но она сделала скидку для старшей подруги. - Ты себя недооцениваешь.

- Нет, это правда. Мне было далеко до моей подруги Линдси. Ты же ее помнишь? После выпускного никто не сомневался, что она получит ленту победительницы на ежегодном балу в честь ветеранов.

- Я ее помню, - подключилась к разговору миссис Рита Портер, дородная жена бакалейщика. – Она куда-то исчезла, и никто не знал, что с ней случилось?

- Она пошла по дурной дорожке и разбила сердце родителям.

- Печальная история, - вздохнула женщина в бигудях, занимавшая кресло слева от Памелы. В отличие от Риты она прожила в городе всего пару лет, и Пэм пока не запомнила ее имени.

- Да, никто так и не узнал, кто посеял семена зла в хорошенькой головке Линдси, но за неделю до церемонии она укатила в столицу штата, чтобы стать то ли стюардессой, то ли помощницей зубного врача, и корону в тот год получила я, Памела Андреа Кроухазер, вечный «номер два».

- Это было абсолютно справедливое решение, но распорядитель вроде бы так и не смог выговорить твою фамилию, - Агнешка уже жалела, что слишком расщедрилась и на вся-

кий случай чуть повернула кресло клиентки в сторону выхода.

- Да, вышла небольшая заминка, - Памела не заметила прозрачного намека и приготовилась к подробному рассказу, обращаясь к единственной слушательнице, лично не присутствовавшей на памятном событии. – К счастью, именно в тот вечер я и встретила Джулиуса, будущего мистера Бреккета.

- Вы же вроде бы учились в одном классе, - хозяйка салона жизнерадостно улыбнулась, - но он всегда крутился возле Линдси.

- Линдси? – Памела сверкнула глазами. - Это было несерьезное увлечение. Правда, дорогой! – позвала она мужчину, дремавшего на скамейке у входа.

У мистера Бреккета было худое вытянутое лицо с тяжелым подбородком. Когда-то он носил рваные джинсы и кожаные куртки, подвязывая шнурком длинные волосы. В те времена он откликался на имя Джулс и считался самым отвязным парнем в городе. Семейная жизнь превратила его в Джулиуса, и теперь ему приходилось прятать залысины под шляпой и надевать костюм даже в летнюю жару.

- Что, дорогая? – спросил он, застегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

- Ты помнишь, как мы встретились?

- Конечно. Я ехал на отцовской машине и остановился поболтать с хозяином бензоколонки на окраине.

- Ты все путаешь, дорогой. Это случилось в центре города. Был жаркий день, и тебе перегородил дорогу праздничный кортеж.

- Как скажешь, дорогая. Ты сидела в меховой накидке и короне, махала цветами и улыбалась, хотя вокруг никого не было. Я тогда подумал, что за...

- ...за удивительное создание..., - вовремя поправляла его Пэм, бросив взгляд на Агнешку. - И...

- И что?

- И был очарован, дорогой, - закончила за него супруга, подмигнув безымянной соседке.

- Правильно, - Джулиус коснулся тульи шляпы, извиняясь перед хихикающими дамами.

Глядя на истекающую потом девушку, Джулс сразу понял, что перед ним истинная дочь Палмс-Хемлет. В тот день он как раз получил повестку из военкомата и прощальную записку от Линдси, где она просила его «забыть о ней навсегда». Это было странно, ведь молодые люди еще накануне решили бежать из города вместе, а его подруга писала «навсегда» в два слова.

- Мне так повезло, - продолжил мистер Бреккет. - Памела и в школе отличалась острым умом, но никогда бы не подумала оставить семью. К тому же молодоженам полагалась отсрочка от воинской службы.

- Верно, дорогой. Он посмотрел на меня, я не отвела взгляда, и вот уже почти тридцать лет как мы вместе.

- Да, - миссис Рита Портер вылезла из-под фена. – Я всегда привожу ваши отношения в пример своим оболтусам. Жаль, что вы так и не решились завести ребенка.

- Да уж, - замямлил Джулиус, поглядывая на жену. – Ну, понимаете, сначала хотелось пожить для себя, а потом как-то не сложилось....

Он бы привел с десятков веских причин помимо отглаженной пижамы и раздельных кроватей в разных углах спальни, но в это время в салон ворвались семеро мальчишек в одинаковых клетчатых рубашках. Толстая бакалейщица по очереди поцеловала каждого, вытерла троим носы, заставила сплюнуть жвачку старшего и потрепала по голове Портера-младшего.

- Дорогая? – открыл было рот мистер Бреккет.

- Вот только не начинай этот разговор снова, дорогой. Куда нам спешить, успеется, - бросила напоследок Памела, вскакивая с кресла и выбегая прочь из душной парикмахерской.

«Куда нам спешить, успеется» - стало девизом Памелы и Джулиуса Бреккетов. За годы брака супруги исчерпали все темы для разговора и научились понимать друг друга без слов, но когда «успеется» подступило к пятому десятку, даже им стало очевидно, что необходимо двигаться к «пора бы уже».

На прошлое Рождество у них гостила дальняя родствен-

ница Памелы. Дама с грубо вылепленным лицом и тонкой полоской усов над верхней губой привезла с собой хорошенькую девочку лет шести.

- Я удочерила ее с месяц назад, - объяснила она после третьей рюмки бренди, сажая ребенка себе на колени. - Получилось не так уж и дорого. Хотите, дам телефон своего адвоката?

Наряженная в платье с оборками, кружево и ленты, живая кукла так трогательно пела песенки про Санту и оленей, что мистер Бреккет посмотрел на жену, та, как обычно, не отвела взгляд, и Джулиус покинул застолье, чтобы надлежащим образом и без лишней спешки оформить заявку с просьбой назначить их опекунами для ребенка не старше четырнадцати лет, потерявшего родителей и нуждающегося в новой семье.

Утром все бумаги были составлены, подписаны и заверены у единственного в городе нотариуса. Последнего, правда, пришлось вытаскивать из постели, но мистер Бреккет всегда славился своим терпением. Терпением и любовью к редким сортам виски, чей запах напоминал ему о бурной молодости.

Помимо трех экземпляров заявления мистер Бреккет приложил к письму квитанцию о выплате ссуды за дом, выписку со своего банковского счета и портрет улыбающейся миссис Бреккет в вечернем платье с лентой победительницы конкурса красоты. Позируя фотографу, Памела предусмотрительно прикрыла дату под пышным бантом.

Неудивительно, что заявку сразу одобрили и перемести-

ли бездетную пару, проживающую по адресу: Палмс-Хемлет, Мейн-Стрит, 12/16, в первую очередь ожидания.

Превращая гостевую комнату в детскую, Памела Бреккет всю весну и целое лето чувствовала легкую тошноту по утрам, и когда мистер Бреккет по срочному вызову уехал в столицу штата, возбуждение Пэм достигло такого предела, что она готова была разродиться в любой момент. Каково же было ее разочарование, когда вместо пухленького мальчика из рекламы хлопьев Джулиус выпустил из машины угловатого подростка, слепленного из одних только острых локтей и коленок.

Встав на пороге, Памела впервые ужаснулась, что этот незнакомый ей человек будет жить в одном с ней доме. Он был чересчур взрослым, чтобы похвастаться перед друзьями новым приобретением, но еще слишком молод для самостоятельной жизни без присмотра взрослых.

«Проблема?», - подумала миссис Бреккет, взглянув на супруга.

«Прости, дорогая. Взял, что дают», - послал ей мысленный сигнал Джулиус.

«Неужели у них не было ничего поинтереснее?»

«Только китайская девочка и мальчик на инвалидной коляске».

Молчание затягивалось. Памела поправила складки на занавеске, оттерла платочком несуществующее пятно на двер-

ном молоточке и вдруг поняла, что если этот колючий подросток переступит порог дома, то весь отлаженный механизм ее жизни навсегда изменится. Все, что она долгие годы ломала и складывала, наспех заматывая скотчем, рассыплется, и под слоем ржавчины окажется пустота.

В последние годы она слишком расслабилась. Муж перестал заглядываться на молоденьких девиц, и ей не приходилось каждый день проверять ему карманы. Сменив фамилию, она выбросила из альбома фотографии родителей, ради свадьбы дочери потерявших залог на землю, и вычеркнула из памяти всех прежних знакомых. Всех, кроме Линдси, наивной дурочки, поверившей в поддельное завещание и отправившейся в чужую страну с билетом в один конец на похороны богатого родственника. «Я в какой-то глуши и у меня совсем нет денег на обратную дорогу», - прислала она телеграмму всего через неделю после отъезда. - «Помоги мне». Крики о помощи продолжались целый год, и последним пришло письмо со смазанным штемпелем и одной лишь строчкой: «Теперь я застряла здесь навсегда. Прощай». Пэм, к тому времени ставшая миссис Бреккет, сожгла его вместе с остальными, радуясь, что Линдси наконец-то поняла значение слова «навсегда» и теперь пишет его без ошибок, но испуганное личико подруги изредка все же преследовало ее в кошмарах. У этого мальчика был такой же взгляд, растерянный и незащитный, и Памела еле сдерживалась, чтобы не захлопнуть перед его носом дверь.

«Соседи, дорогая. Мы привлекаем к себе слишком много внимания», - беззвучно произнес мистер Бреккет.

«Хорошо» - ответила ему Памела, а вслух добавила: «Добро пожаловать!»

- Спасибо, миссис Бреккет, - подросток даже не попытался улыбнуться ей при встрече, лишь посмотрел исподлобья и отвернулся.

- Проходи, Кристофер, теперь это твой дом, - Джулиус не слишком сердечно подтолкнул его к калитке, жалея, что припрятанная в гараже бутылка с оторванной этикеткой почти пуста.

- Привет, Кристофер. Если хочешь, то можешь звать меня мамой, - Пэм посторонилась, пропуская гостя внутрь.

- Спасибо, миссис Бреккет.

- Конечно, Кристофер, не все сразу, - тонкие губы Памелы сложились в нервную улыбку. - Пойдем, я покажу твою комнату.

Пройдя через парадную гостиную, она поднялась по лестнице и открыла ключом обновленную спальню. Пэм самостоятельно выкрасила стены в синий цвет, повесила новые занавески в мелкий цветочек и сшила из толстого хлопка покрывало на кровать.

- Ну, как тебе, Кристофер?

- Спасибо, миссис ...

- Если тебе что-то не нравится, то я все уберу, - мелко затряслась от злости Памела.

- Глупости, дорогая, - одышливо отдуваясь, мистер Бреккет втащил на второй этаж громоздкий чемодан. - Комната великолепно. Мальчик в восторге, просто стесняется.

Всю левую стену от угла до угла занимал огромный аквариум. Пока жена подшивала занавески, Джулиус раскладывал на дне камни, подключал сложную систему фильтров и высаживал водоросли. Памела не одобряла его затею, но после просмотра каталога рыб согласилась, что некоторые экземпляры вполне могут украсить ее интерьер.

- Да, уж..., - сквозь толстое стекло на Криса уставились несколько индийских полупрозрачных сомов и стайка жемчужно-серых барбусов, но больше всех его поразила пара толстогубых гурами-альбиносов, застывших в обморочном поцелуе.

- Я так и знал, что он оценит наши старания. Это куда лучше телевизора.

- Конечно, дорогой. Телевидение отупляет. Зачем смотреть глупые телешоу, если есть книги, - Памела подошла к прикроватной тумбочке и выдвинула ящик. На дне лежала новенькая Библия в кожаном переплете.

- Спасибо, миссис Бреккет, - Кристофер с тоской посмотрел на аквариум, а потом на опекунов, - у вас превосходная библиотека.

Почистив зубы и надев пахнущие лавандой пижамы, мистер и миссис Бреккет пожелали друг другу «доброй ночи»

и синхронно выключили ночники.

«Странный он какой-то», - подумала Памела, прижимая одеяло к груди.

«Я проверял его личное дело», - мысленно успокоил ее Джулиус. — «Отец сгорел заживо, подозревают самоубийство, а мать в больнице».

«В больнице?»

«Хроническая депрессия».

«Какой ужас, это всегда сказывается на потомстве».

«Психолог беседовал с ним и не обнаружил никаких отклонений. Мальчик физически здоров, поэтому можно считать, что нам повезло».

«Мне все равно немного жутко в его присутствии».

Джулиус был неплохим коммерсантом и заботливым мужем. Уже засыпая, он смог убедить жену, что если чек на покупку не потерян, то до истечения срока гарантии они всегда смогут обменять бракованный товар.

В туристических брошюрах единственным упоминанием о шахтерском городке Палмс-Хемлет была коротенькая заметка, что лет триста назад отбившейся от основной колонны взвод северян столкнулся здесь с южными повстанцами. Где-то под холмом погибли трое солдат конфедерации, и был ранен в ногу их командир. В память об этом событии благодарные потомки поставили у входа в городской парк пушку времен гражданской войны и раз в год приспускали флаги

над ратушей.

По последней переписи в городе проживало больше шести тысяч человек, но после закрытия угольной шахты населения заметно поубавилось. В окрестностях до сих пор выращивали отменную пшеницу и кукурузу, но центральный банк закрыл здесь свое отделение, приземистое здание мэрии всегда пустовало, а на башне с часами поселились совы. От бывшего величия угольной столицы сохранилась лишь церковь из белого камня и открытая эстрада, где по выходным выступал духовой оркестр ветеранов.

Скоростная автострада, с ее вечным шумом и бесконечной вереницей сигнальных огней, задевала Палмс-Хемлет лишь краем, отсекая старые респектабельные районы от разросшегося трейлерного парка, куда перебирались безработные. Водители едва успевали разглядеть пыльное приглашение посетить «самое тихое место на Среднем Западе», как уже покидали его пределы, так и не попробовав «лучшие пироги с яблочным джемом».

Джулиусу Бреккету повезло, ему от отца достался земельный участок в старой части города. По молодости он пытался заниматься продажей ценных бумаг, разводить породистых собак, дважды баллотировался на пост мэра, но потом выкупил контору по аренде недвижимости и целыми днями болтал с секретаршей, выпивая по три-четыре чашки кофе еще до обеда.

Новость о приемном сыне Бреккетов облетела соседей со

скоростью лесного пожара. Благоухающие духами дамы по очереди угощали Кристофера своими фирменными пирогами, а их мужья хлопали его по плечу, повторяя, какой он счастливчик, раз оказался в Палмс-Хемлет. В первые дни Крису даже понравился небольшой городок, где все друг друга знают с детства и приветствуют знакомых еще издали, но с окончанием каникул до него наконец-то дошло, куда его занесло. В этом провинциальном раю хорошо было расти лет до десяти, катаясь на велосипеде по парковым аллеям, и встретить старость в тени столетних вязов, но в промежутке между первым и последним причастием заняться здесь было попросту нечем. Весь школьный двор был полон веснушчатými малолетками, но до выпуска дотягивали от силы человек двадцать. Большинство кабинетов пустовало, и по вечерам в них устраивались заседания разнообразных клубов и кружков по интересам. Как примерный горожанин мистер Бреккет раз в неделю изучал народные промыслы в компании таких же лысеющих и расползающихся в талии мужчин, а его супруга была бессменным председателем литературного совета и почетным членом кружка по гончарному мастерству.

Памела и Джулиус никому так и не сказали, откуда к ним прибыл Крис, и одноклассники тут же распустили слух, что он вырос в притоне наркоманов, и полиция скрывает его как свидетеля по делу о вооруженном ограблении. На переменах и во время уроков все обсуждали только темное прошлое но-

вичка, и даже мисс Поттс, чье романтическое увлечение мистером Дарси длилось уже более пятидесяти лет, приподняла на мгновение очки, чтобы получше разглядеть малолетнего бунтаря.

- Ну как, Крис, нравится тебе в нашем городе? – ежедневно спрашивал его мистер Фергюсон, директор школы и владелец единственного супермаркета в городе. Он был немолод, но его бритая голова еще отливала синевой на висках, а под белой рубашкой бугрились мощные мышцы.

- Спасибо, люди очень приветливые.

- Да уж, мы здесь все как одна семья. Одного тебя не оставим, но и ты уж нас не подведи.

Криса раздражало такое навязчивое внимание, и он вздохнул с облегчением, когда на День труда Стенли Ковальски, местная бейсбольная звезда, сломал ногу. В преддверии спортивного сезона эта трагическое событие так захватило умы школьников и учителей, что о Крисе все дружно позабыли. Его это вполне устраивало. Он не стремился завести друзей, не вступил ни в один из кружков, не подсматривал за девчонками в раздевалке, не пошел на школьный осенний бал и стал единственным, кто не отравился разбавленным пуншем. Знаний Криса хватало, чтобы получать по всем тестам самые высокие баллы, а в остальное время он сидел на задней парте, с мрачным видом уставившись в учебник.

- Ты снова вернулся пораньше? - удивлялась миссис Бреккет.

- Да, уроки отменили, - отвечал ей Крис.
- Ты мог бы прогуляться. Погода просто чудесная.
- Я лучше почитаю в своей комнате.
- Хорошо, мой мальчик, обед будет через час.
- Спасибо, я не голоден.

Мистер Фергюсон не обманывал. Даже дома Кристофер постоянно чувствовал на себя настороженный взгляд Памелы.

- Нравится тебе в нашем городе? – задавала она традиционный вопрос, отправляя подростка спать не позднее девяти вечера.

- Да. Все ко мне очень внимательны, - отвечал ей Крис, закусывая от злости губы.

На следующий день все повторялось. Подъем, завтрак, поход в школу. «Доброе утро, мистер Фергюсон». Возвращение, молчаливый ужин. «Спокойной ночи, миссис Бреккет».

Занятия казались Крису ужасно унылыми, и единственным предметом, где он не скучал, стало естествознание. Его вел Гарри Абернатти - низкорослый мужчина с черной бородкой и впалой грудью. После развода с женой и раздела имущества ему достались диплом преподавателя и оксфордский пиджак с кожаными вставками на локтях. Скрываясь от адвокатов, он колесил по разным колледжам, пока его машина не сломалась на границе между чем-то и где-то, и это место называлось Палмс-Хемлет. Мистер Абернатти прожил здесь уже семь лет, но до сих пор считался новосе-

лом. Местные не понимали его слишком быстрой речи, и с каждым семестром количество часов, отведенных на слишком сложные для школьников дисциплины, сокращалось в пользу физкультуры и домоводства. Жалование урезали, и рукава на оксфордском пиджаке мистера Абернатти совсем обтрепались.

- Ну как, Крис, нравится тебе в этом городе? - грустно спрашивал он Кристофера, оглядывая пустой класс.

- Есть места и поинтереснее.

- Вот и жена мне так как-то заявила, а потом сбежала с продавцом подержанных автомобилей.

Чтобы немного подбодрить учителя, Крис написал для научной ярмарки работу о получении дымного пороха в домашних условиях. Все составляющие он нашел в гараже Джулиуса, а на недостающие потратил деньги, которые сэконобил, пропуская школьные обеды. Как и ожидалось, первое место заняло общество садоводов, соединивших клубни картофеля медной проволокой и доказавших существование электричества.

«Кто бы сомневался. На будущий год они, наверное, выяснят, что Земля круглая, используя только лопату и пару помидоров», - подумал Крис, глядя на их триумф, но даже почетный диплом участника привел мистера Абернатти в неопишуемый восторг.

- Не падай духом, парень! Мы еще встряхнем эту школу! - сиял он, вручая юному гению ключи от сейфа с реактивами.

- Нет уж, - улыбнулся ему в ответ Крис. - оставим электричество для садоводов.

«Я скоро с ума сойду».

«Что случилось, дорогая?»

«Этот подросток все сильнее беспокоит меня. Если он не в школе, то сидит в своей комнате и читает. Ему скоро четырнадцать, а у него совсем нет приятелей. Вчера я устроила обыск в его спальне, и знаешь что?»

«Что, дорогая?»

«НИЧЕГО. Комната абсолютно пустая. Вещи в шкафу разложены, под кроватью нет даже пыли, а твои бестолковые барбусы так разжирили, что совсем перестали двигаться».

«Так это же хорошо».

«Хорошо? Ты серьезно? Я проверила его телефон. В контактах ни одной записи, кроме номера клиники, где лежит его мать».

«И?»

«У меня от этого ребенка мурашки по коже».

«Дорогая, успокойся!»

«Перестань на меня кричать! Когда ты уехал на прошлой неделе, я проснулась посреди ночи от мысли, что он ходит по дому с ножом в руках. Я так испугалась, что придвинула к двери комод и до утра просидела в кресле. Так больше продолжаться не может».

«Хорошо, дорогая, я поставлю потайную задвижку и про-

веду в спальню отдельную телефонную линию».

Крис чувствовал, что чем-то сильно раздражает чету Бреккетов. Чем лучше он учился, чем чаще его хвалил мистер Абернатти, тем туже поджимала губы Пэм, и молчаливее становился Джулиус.

Холодная война перешла в активную фазу на исходе осени, когда Памела без стука зашла в спальню Криса, дождалась, пока тот отложит книгу, и попросила постричь газон на заднем дворе.

- Он совсем зарос, - первый удар артиллерии оказался пристрелочным. - Если тебе не трудно, конечно.

- Я все сделаю, миссис Памела, - вынужденно согласился Крис, решив выждать пока на поле боя не подтянутся основные войска.

- Ты только не забудь собрать скошенную траву в мешки с зеленой наклейкой. Не перепутаешь?

- Нет, миссис Бреккет.

- Вот и славно, ты ведь еще и плиту для барбекю почищишь, правда? Я так устала, совсем с ног валюсь.

- Отдыхайте, я и сам хотел вам предложить свою помощь.

- Спасибо, ты золото. Только отмой ее хорошенько, а не как в прошлый раз.

- Не волнуйтесь, будет блеснуть лучше новой.

- Мой мальчик, что бы я без тебя делала. Помоги мне потом с пылесосом, он такой тяжелый, - теряла дипломатиче-

ское терпение Памела. - И не ходи с ним по кругу, ворс на ковре должен быть уложен в одну сторону.

- Конечно. Не переживайте, в вашем возрасте это вредно.

Кристофер избегал прямых ударов, но численное преимущество оказалось на стороне противника. День за днем его изводили поручениями, просьбами и замечаниями, и чтобы не запутаться, Крис составлял расписание на неделю вперед и отмечал маркером места следующего артобстрела.

- Мой мальчик...

- Все готово, миссис Бреккет.

- А?

- И это тоже...

- Мой мальчик, ты такой молодец. Когда ты только все успеваешь?

- Дисциплина, - по-армейски коротко рапортовал Крис.

Затянувшаяся блокада изматывала оба фронта, но больше всех от беспорядочной стрельбы пострадал газон. Из-за частой стрижки на нем образовались проплешины, и его пришлось перестилать заново. Подсчитав убытки, Памела сменила тактику.

- Дорогой, - как-то за ужином затеяла она разговор. - Ты не представляешь, как подорожали продукты. У нас совсем пустой холодильник.

- Да, моя дорогая, расходы растут, и следует экономить, - Джулиус незаметно передвинул вазу с цветами, чтобы лучше видеть лицо жены. - «Ты себя хорошо чувствуешь», - кивнул

он ей через стол.

- Приходится отказывать себе в самом необходимом, - настаивала Памела, приподнимая нарисованные брови. – «Не вмешивайся, так надо».

- Мне так жаль, - обычно Крис пропускал мимо ушей колкий обмен любезностями, но он давно разгадал шифр, с помощью которого заклятые союзники обмениваются сообщениями. – Это я во всем виноват.

- Что ты, мой мальчик, мы тебя так любим! / «Дорогой, он нас понимает?»

- Конечно, Кристофер, ни о чем не волнуйся. / «Этого не может быть, дорогая. Даже я тебя с трудом понимаю».

- Завтра же я найду какую-нибудь подработку, - Крис резко встал из-за стола, - раз выплат на мое содержание уже не хватает.

- Это такие крохи, - миссис Бреккет театрально всхлипнула. – Но если ты сам этого хочешь, то попробуй.

Она уже обошла все ближайшие магазины и поделилась с хозяевами печальной новостью, что ее подопечный ворует со стола ложки, а слухи о его криминальном прошлом не лишены правды.

«Я попробую...», - губы противного мальчишки даже не дрогнули, но Памела кожей почувствовала многоточие в конце фразы.

Оценив обстановку, Крис сразу отправился в сувенирную лавку миссис Голдблад. Эта дама хоть и посещала одну с Пэм

парикмахерскую, но ее имени болтливая блондинка так и не запомнила.

- Можно мне у вас поработать? - спросил он пожилую женщину, когда отыскал ее между коробок с ковриками для ванной, махровыми полотенцами и формами для выпечки из тонкой фольги.

- Ты тот самый хулиган, о котором все судачат уже полгода?

- Да. Тот самый.

- Ну и как тебе этот...

- Город? – закончил за нее Крис. – Та еще дыра.

- Согласна, - ухмыльнулась владелица не слишком прибыльного бизнеса. – Ты мог бы помогать мне по вторникам и пятницам, только платить мне тебе нечем.

- Денег мне не нужно. Отдайте мне за работу что-нибудь из этого, - он показал на грудку пластиковых тарелочек с котлетами и щенками.

- Ты серьезно? Это же мусор.

- Самое то. Мои опекуны будут рады любому подарку.

Когда Крис вернулся со своей первой зарплатой, Пэм лишь побледнела, но к концу десятой недели ее руки уже затряслись.

- Как красиво, Кристофер. Ты нас слишком балуешь. / «Выкрутился, негодяй».

- Скоро у вас будет вся коллекция, включая редкий экземпляр чеширского кота без улыбки. - Крис нарочно поста-

вил тарелку на каминной полке, заслонив свадебную фотографию Памелы. / «Ваш ход».

- Это так трогательно, - миссис Бреккет поняла, что удар с флангов грозит обрушением собственного командного пункта. - Но тебе стоит отдохнуть. Скоро праздники, и нам всем нужно хорошенько расслабиться.

До Рождества военные действия прекратились. Вражеский генерал был слишком занят поисками идеального рецепта клюквенного соуса, но в первый же день нового года договор о перемирии был нарушен. Без всяких предупреждений Памела пошла в атаку, спрятав под кроватью Криса непристойный журнал. В качестве свидетельницы она пригласила на чай мисс Стоун из дома напротив, и как раз вела ее на место преступления, когда услышала собачий лай из вестибюля.

- Это мой Чарли, - заволновалась мисс Стоун. - Он всегда беспокоится, когда я оставляю его одного.

Чарли был всего лишь карликовым шпицем, самым жалким и беспомощным существом на свете, но он был единственным, кто разделял любовь старухи к дневным сериалам и мог вытерпеть ее присутствие больше пятнадцати минут.

- У него такие плохие зубы, - зашепила вниз соседка, так и не заглянув под кровать. - Он может подавиться слюной.

Увидев, как кривоногий песик облизывает канцелярский клей с заляпанных страниц журнала, женщина совсем пала духом.

- Чарли, - залилась она слезами, - как ты можешь брать в рот такую гадость.

- Это не наше, - каменным голосом произнесла Памела у нее за спиной. – Почтальон что-то перепутал.

- Но здесь же ваша фотография, – на обложке к телу девицы в легкомысленном наряде была довольно грубо прилеплена голова Памелы со свадебного портрета, но подслеповатая мисс Стоун не разглядела подделки и еле держалась на ногах от возмущения. - Теперь я понимаю, почему вы так ярко краситесь, и всем расскажу, - погрозила она крючковатым пальцем, – на что вы с мужем живете. И это в вашем-то возрасте...,

Поражение оказалось не только полным, но и крайне позорным. В супермаркете над Памелой теперь откровенно посмеивались. Большинством голосом ее сместили с должности председателя литературного клуба, и даже Агнешка Шульц перестала ей делать комплименты, намекая, что больше не считает ее настоящей леди. Миссис Бреккет пришлось смириться с унижением и самой красить волосы в ванной, смешивая перекись со слезами.

«Дорогой...»

«Молчи, дорогая, я хочу спать», - мистер Бреккет повернулся на другой бок и уставился в стену.

«Я ...только хотела...», - даже молчание Памела умудрялась разбавлять вздохами и всхлипами.

«Я знаю, чего ты хотела. Над нами теперь вся улица насмеяется. Моя секретарша уволилась, заявила, что я ее компрометирую».

«Бедный, как же ты теперь один. Я могу ее заменить...»

«Не стоит. Я уже нанял новую».

«Ту рыжую, с большой грудью. Про нее же все говорят...»

«Да. Я лично проверил ее. Она оказалась очень сообразительной и трудолюбивой».

«Но я не одобряю...»

«Мне наплевать. Она мне обходится гораздо дешевле, чем ты, моя дорогая».

- Я хотела сказать, - от обиды Памела перешла на громкую связь, - что сегодня мне позвонили из лечебницы, где лежит эта сумасшедшая!

- Какая еще сумасшедшая? – Джулиус оторвал голову от подушки.

- ЕГО МАТЬ!

Элис поместили в дорогую частную клинику далеко за городом. Когда-то это было ранчо, где разводили лошадей, но потом его перестроили в комфортабельный санаторий. Пациенты свободно гуляли по огороженному высоким забором участку леса, играли в шары на спортивной площадке и купались в открытом бассейне, но родственников пускали строго по приглашениям и с письменного согласия администрации.

В официальном письме Криса заверили, что лечение пол-

ностью оплачивается из медицинского фонда фирмы Алана, и за Элис присматривают самые опытные специалисты. Первые две недели были самыми трудными, ему запрещали общаться с матерью даже по телефону, но перед отъездом к опекунам Крис устроил скандал, и ему позволили навестить Элис с условием, что встреча будет короткой.

Его долго везли на машине с затемненными стеклами, потом обыскали на входе и через двойные железные двери отвели на сестринский пост к светловолосой девушке в персиковой униформе.

- Меня зовут Гретчен, - представилась она, отпуская охрану. – К сожалению, у твоей матери на сегодня назначен сеанс интенсивной терапии, и она под действием сильных препаратов.

- Она меня не узнает?

- Вряд ли, - девушка посмотрела на монитор. – Но ты можешь оставить для нее записку. Я передам ее, когда будет можно.

- Я не хочу ничего писать, мне нужно просто ее увидеть.

- Хорошо, но только на пять минут.

Стены палаты Элис были выкрашены в песочные и бежевые цвета, на полу лежал дорогой пушистый ковер, а за окном открывался чудесный вид на озеро, но вряд ли она замечала всю эту роскошь. Капельница с бледно-голубым раствором торчала у нее из руки, и Элис крепко спала под мерный писк аппарата, измеряющего сердечный ритм и давление.

Крис не знал, что ему нужно делать. Поправив одеяло, он присел на стул для посетителей, попытался о чем-то говорить, но выходила какая-то бессвязная чушь.

- Ты меня слышишь? – наконец спросил он, стараясь не замечать, как под закрытыми веками матери дергаются глазные яблоки.

- Она все слышит, - раздался голос медсестры из датчика в изголовье, - только сказать ничего не может.

- Это нормально?

- Да. Не сомневайся. Скоро она поправится.

Кристофер нарисовал подушечкой указательного пальца знак бесконечности на запястье Элис и сжал ее тонкую руку в своей ладони. Она так и не очнулась, но Крис почувствовал, как волна тепла трепещет и перетекает от матери к сыну.

- Я знаю, - он наклонился и поцеловал ее в щеку. - Она сильная.

С середины осени, когда Крис уже поселился у Бреккетов, ему разрешили звонить в клинику раз в неделю, а после Рождества - через день.

- Привет, - брала трубку Элис.

- Привет, ты как?

В самом начале они оба боялись спросить лишнего, и их разговор состоял из длинных пауз.

- Все хорошо. А у тебя?

- Она улыбается, - кричала в трубку Гретчен. - Она теперь улыбается. С ней все будет в порядке.

Через полгода и Крис поверил, что все можно исправить. Элис хвалилась своими успехами, рассказывала, что много гуляет, отлично питается, снова набирает вес и у нее замечательный врач.

- Он тебе нравится? – дразнил ее сын.

- Ты это о чем?

- Как мужчина.

- Ты не должен задавать матери такие вопросы. Это неприлично.

- У меня теперь опекуны, официально ты не отвечаешь за мое воспитание. Так как?

- Он немного напоминает Алана...

- Он красавец! – снова вмешалась Гретчен, отбирая трубку.

- Прошло слишком мало времени, чтобы об этом думать, – поменяла тему разговора Элис. – Он назначил мне в качестве терапии вышивание, говорит, что это очень успокаивает нервы и пойдет мне на пользу.

- Вышивание? Тебе? У вас точно ничего не получится. Твой врач совсем тебя не понимает, иначе бы выдал не иголку, а молоток.

- Молоток бы не помешал. Тут в лесу я нашла интересный камень, белый с бледно-зелеными прожилками. Такая глыба, что она выросла в землю, и стоило бы взять пробы, но... но с иголкой я тоже справляюсь, и у меня неплохо получается. Ты получил мой подарок?

- Да, - перед Крисом лежал пластиковый пакет, а в нем носовой платок, на котором мама вышила монограмму «Кристофер Дэмиан Гринн».

- Тебе понравилось?

- Очень полезное напоминание, что я нелюбимый сын.

- С чего ты взял?

- Какие еще родители наградили бы ребенка таким кошмарным вторым именем?

- Алан тут не причем. Это все я. Ты же помнишь... ЭИАН

- Помню, - похолодел Крис, вспоминая крики Элис, когда ее увозила скорая.

- Я хотела, чтобы мы всегда были вместе. Ты, я и... И все, хватит об этом.

- Так и будет, когда ты поправишься.

- Надеюсь, - голос Элис теплел, и она принималась строить планы, как они возьмут напрокат машину с открытым верхом и поедут вдоль побережья. - Это будет отличная поездка. Кругом леса, горы и море до самого горизонта.

- И чем же ты будешь заниматься в такой-то глуши? Вряд ли там есть нефтяные месторождения, и им понадобится профессор по геологии.

- Буду преподавать географию или... кулинарию, или мы будем собирать и продавать песок на пляже. Самое бесполезное дело на свете, но мне теперь ничего не страшно.

- Совсем?

- Иногда, - они обещали, что впредь никогда не будут друг

другу врать. — Когда меня накачивали лекарствами, мне мерещилось, что ты уходишь от меня. Я бегу, зову тебя, но ты становишься тонким и прозрачным, а потом «пуф», и я остаюсь совсем одна.

- Глупые сны...., - Крис старался, чтобы его голос не задрожал, но после слов матери у него сдавило в груди. - Я очень соскучился.

- Ничего, сынок, потерпи еще немного, скоро все наладится.

Пришел май. Палмс-Хемлет особенно хорош весной, и, набирая привычный номер, Крис представлял, как ветер будет трепать волосы Элис, когда машина понесется по горной дороге вдоль линии морского прибоя.

- Ты уже собралась? - крикнул он, как только сняли трубку. — У меня сегодня начинаются экзамены, а потом я свободен на целое лето!

- Кто это? — ответил незнакомый женский голос с сильным южным акцентом.

- Это Крис.

- Какой Крис?

- ...а можно миссис Гринн к телефону? — вежливо спросил он, все еще надеясь, что у Гретчен поменяли смены, но где-то внутри раздалось первое «пуф», и по спине скатилась капля ледяного пота.

- Кто ее спрашивает?

- Я уже говорил, меня зовут Кристофер. Я ее сын.

- Минуточку, - на другом конце провода что-то завозилось, заскрипело стулом, зашуршало бумагами. – Ночью у миссис Гринн случился нервный приступ. С ней запрещено разговаривать.

- Можно мне связаться с ее лечащим врачом?

- Он занят, - безразличным тоном сообщила сиделка.

- А с Гретчен?

- Она здесь больше не работает.

Телефонную трубку повесили слишком поспешно, и сквозь короткие гудки Кристофер слышал только «пuff-пuff-пuff».

Он оцепенел, а когда очнулся, то понял, что горная дорога никогда не приведет его к песчаному пляжу, а вместо поездки на побережье он получил опутанную проводами механическую куклу с исколотыми венами.

- Море? - Крис раскрыл чемодан и вытащил оттуда приготовленные в подарок Элис песочные часы. Он купил их две недели назад, и с тех пор каждый вечер переворачивал и следил, как из колбы в колбу перетекает песок, сокращая время до встречи с мамой.

- Море?! Ты, верно, уже там, и тебе хорошо без меня! – Крис запустил часы в стену с такой силой, что грохот был слышен по всему дому, и не успел он убрать осколки, как на пороге возникла Памела Бреккет. Сегодня на ней был кислотно-желтый брючный костюм, и выглядела она как никогда энергичной и даже слегка посвежевшей.

- Что-то разбилось? – Пэм бегло осмотрела комнату, убедилась, что аквариум не пострадал, и потоп им не грозит.

- Доброе утро, миссис Бреккет, - буркнул Крис. – Нет, я лишь складывал свои вещи.

- Вещи? – Памела взглянула на открытый чемодан, и ее безгубый рот растянулся в широкой улыбке. - У тебя же скоро каникулы, и мне бы хотелось тебе кое-что подарить, - она вытащила из-за спины прозрачный кофр на молнии и показала на синий двубортный пиджак с выгоревшей на солнце кружевной манишкой. - Это цвет – электрик, - произнесла она с ударением на последнем слоге. - В этом костюме Джулиус был таким красивым в день нашей помолвки. Вы с ним примерно одного роста, и он будет тебе в пору.

- Спасибо, миссис Памела, но для этого нужен более значительный повод. Чья-нибудь свадьба, например.../ «...или похороны».

Крису не хотелось больше воевать с этой женщиной, ни сегодня, ни вообще никогда, но она перегородила ему дорогу и взмахнула костюмом, словно его подкладка была ее боевым знаменем.

- Какие глупости, ты наденешь его сегодня же на экзамены. / «Ну, и как ты теперь выкрутишься?»

- Конечно. / «Придется взять с собой футболку и джинсы, чтобы переодеться за сараем мистера Фергюсона».

- Вот и отлично, мой мальчик, - искорки истинного счастья заплескали в глазах Памелы. - Я тебя подвезу до школы,

мне все равно нужно кое-что купить по дороге.

- Какая жалость, что Джулиус не увидит тебя в этом костюме. Он был бы так рад, но его почти не застать дома. Новая секретарша позвонила мне и сказала, чтобы сегодня вечером я его снова не ждала, - Памела прижала платочек к углу глаза, вытирая притворную слезу. - Иди, детка, желаю тебе удачно сдать экзамены.

Крис вытянулся за последний год, но все же мистер Бреккет в дни своей молодости был значительно выше. Рукава пиджака закрывали пальцы, брюки волочились по земле, к тому же миссис Бреккет слегка перестаралась, завязывая бабочку. Воротник манишки глубоко впился Крису в шею, и он дышал, как престарелый астматик после долгой пробежки.

День выдался жаркий, и школьники коротали время до звонка во дворе. Кто-то уткнулся носом в учебник, кто-то переписывал формулы на ладони, но в основном подростки без устали галдели на одном им понятном языке, радуясь окончанию учебного года. По мере того, как Крис приближался к месту казни, разговоры стихали. Затаив дыхание, все вытаскивали припрятанные телефоны, чтобы успеть сделать фото главного неудачника года. Провал на экзамене или дополнительные летние занятия казались им сущим пустяком по сравнению с катастрофой, достойной украсить выпускной альбом. Памела все рассчитала верно, вместо одной испорченной фотографии, сотни снимков Криса готовы были от-

правиться в сеть, чтобы навсегда войти в историю школы.

#просто кошмар #убейся выскочка

- Кристофер, куда это ты так вырядился? - не выдержал Кайл Дурбан, прыщавый верзила с выпученными глазами. - Совет ветеранов только на следующей неделе!

- Он заранее приготовился. Торопится, пока у них освободилось место председателя! - зашумели братья МакЛагены.

Джордж, Джексон и Донован были погодками, но учились в одном классе и вместе со Стенли Ковальски составляли четверку самых известных задира города. Похожие, как молодые бычки, с литыми подбородками и румянцем во всю щеку, через десяток лет братья наверняка обрастут жирком и переругаются из-за фермы родителей, но пока они всю пользувались своей популярностью, и многие девушки находили их привлекательными.

- Да уж, полковник Купер умер только в прошлый четверг, - Донован был младшим из троицы и самым бойким на язык.

- У него была такая же бабочка, - нахмурил лоб тугодум Джексон.

- Ага, в ней его и похоронили, - просиял Джордж.

Экзамен Криса начался чуть раньше, и готовых ответов на вопросы жадных до развлечений одноклассников у него не было. Оставалось либо бежать и выставить себя тряпкой перед всей школой, либо идти вперед, без единой мысли в голове, но с широкой улыбкой уверенного в себе идиота, чтобы никто не догадался, как он влип.

«Вперед!» - решил Крис, хотя его спина под рубашкой из натуральной синтетики и покрылась потом.

- Да, семидесятые снова в моде, - он подтянул брюки, ссутулился и поднял с земли обломок швабры. - Передавайте приветы своим бабушкам. Хищник на свободе, - Крис ударил себя в грудь, закашлялся и зашаркал к школе, не забывая позировать на камеры и размахивать тростью, словно какая-нибудь престарелая знаменитость.

#зациени #пенсионеры отжигают

Третью пути была пройдена, и финальный акт представления неумолимо приближался. Крис театрально раскланивался направо и налево, то и дело бросая в толпу: «Автографы! Ограниченный тираж! Только первым десяти счастливицам бесплатно!» Одноклассники замерли в оцепенении, не понимая, то ли это спонтанное безумие, то ли тщательно спланированная провокация со срывом экзаменов. Фотографы разделились на два лагеря: одни с досадой убирали телефоны, другие, напротив, с азартом ловили каждый жест Кристофера, на ходу придумывая новые заголовки.

#отстой #конец света близок

- Совет ветеранов? - Крис замер на середине лестницы перед главным входом, достал из кармана платок с монограммой и стряхнул им воображаемую пыль с лацканов пиджака. - Я удостоен чести? Что ж..., - ловким движением он превратил сломанную швабру в импровизированный микрофон. - Прежде всего, хочу поблагодарить моих наставников, мисте-

ра и миссис Бреккет, за неоценимую поддержку, - скороговоркой выпалил он. - Особая признательность попечительскому совету школы и лично мистеру Фергюсону за спонсорство этого... ммм... памятного мероприятия.

Крис сделал драматическую паузу, а затем с ухмылкой добавил: «Надеюсь в следующем году превзойти эти скромные достижения. А теперь слово передается...». Его взгляд скользнул по рядам школьников и остановился на Сьюзен Хоуп, бесспорной победительнице в категории «Монобровь года».

#провокация #день пожилых но не старых

Крис пожал руку польщенной Сьюзен, предлагая ей сделать совместное сэлфи, но ее опередила семиклассница Кармен. Ей нетерпелось передать привет всем ее подписчикам, а заодно продемонстрировать актуальную в этом сезоне подводку для глаз. Камеры всех телефонов перешли во фронтальный режим, и за Кармен потянулась стайка ее подруг, пожелавших раскрыть все секреты модельного макияжа за оставшиеся несколько минут до экзамена. Расталкивая друг друга, девушки складывали сердечки из пальцев, вытягивали губы трубочкой и посылали привлекательным мальчикам воздушные поцелуи.

праздник вместо экзаменов #завидуйте молча

Воспользовавшись суматохой, Кристофер протиснулся к шкафчику, где лежала его спортивная форма. Оставалось потихоньку переодеться и прошмыгнуть в класс, но тут на

него накиннулась Петти Салливан, первая красавица школы.

- Говорят, наша учительница по домоводству когда-то была весьма пылкой особой, - она поправила волнистые локоны, и ее поклонники восхищенно вздохнули. — Твой наряд вполне в ее вкусе. Не хочешь пригласить ее на свидание?

- А..., - начал Крис, перебирая в уме старые остроты про темпераментных бабушек.

- Свидание? Кто говорит про свидание? - оттесняя друзей, в круг вышел Стенли Ковальски. Он опоздал и пропустил начало этого цирка.

- Стенли... Вот только его мне и не хватало, - сквозь зубы процедил Крис. Он сделал вид, что копается в своем шкафчике, хотя, признаться, готов был влезть в него целиком.

- Малышка Криссси ...

Стенли Ковальски считался лучшим питчером средней школы Палмс-Хемлет за последние двадцать лет. В прошлом году их бейсбольная команда выиграла в четвертьфинале региональных отборочных соревнований, и маленький бронзовый кубок стал едва ли не единственным украшением стенда славы школы. Стенли буквально носили на руках, пока он не угодил в больницу с травмой ноги. Официально считалось, что он повредил сухожилие, помогая в поле отцу, но все знали, что Ковальски-младший на спор решил срыгнуть с дровяного сарая и сломал ногу в лодыжке. Когда до Стенли дошло, что из-за глупой выходки с надеждой на спортивную карьеру ему придется проститься и после выпускных тестов

пополнить штат местного супермаркета, то пришел в ярость, срывая злость на учениках младших классов.

- Послушай, Стенли, мне некогда, скоро звонок...

- Крисси, Крисси, Крисси, - кривлялся Ковальски, оттягивая майку с эмблемой школы почти до колен, - ты разбиваешь мне сердце. Пригласи и меня на свидание.

- Ты перепутал...

- Что ты там мямлишь?

- Ты, наверное, перепутал меня со своими друзьями.

- С кем это?

- С МакЛагенами. Вы постоянно запираетесь в душевой вместо тренировок, - Крис развернулся и в упор посмотрел в глаза бывшего спортсмена.

- Не понял, - Стенли оторопел от такой наглости. Донован, Джордж и Джексон переглянулись и попытались тихо раствориться в толпе, но Крис был быстрее и успел сделать фото убегающих братьев.

- Интересно, как ты их различаешь? – Кристофер на всех порах пересек точку невозврата и не собирался останавливаться. - Со спины они совершенно одинаковые.

#маклаген в кубе # три по цене одного

- Тощий уродец, - побагровел Ковальски, лишившись поддержки. - Надо было врезать тебе еще при первой встрече.

Кулак Стенли столкнулся с подбородком Криса, и тот повалился на спину, угодив затылком на ребро открытой двери шкафчика. Боли не было, но все вокруг него стало зыб-

ким, словно он смотрел на мир сквозь черные линзы. Разочарование, злость, страх и стыд - все то, что случилось с ним прежде, показались ему лишь жалкой прелюдией, а теперь настал черед ярости. Настоящей звериной ярости, заставляющей кровь кипеть в венах, жидким огнем растекаясь по телу. Крис больше не мог ни говорить, ни кричать, он просто забыл, как это делается. Язык прилип к гортани, мозг спекался внутри черепа, кости размягчались и плавились, а в груди пульсировал сгусток пламени. Он давился от распирающей его мощи и когда почти потерял себя в багряном кошмаре, чья-то рука опустилась ему на плечо и вытолкнула из сердцевины горнила обратно в реальность.

- Что случилось? - Крис растерянно обвел глазами притихшую толпу.- Что здесь произошло?

Он сделал шаг к одноклассникам, но Сюзен Хоуп взвизгнула, будто ей под ноги бросили живую змею. Побледневший Карл Дурбан издал звук по тональности близкий к скрипу мокрого пальца по ободку бокала, и лишь Петти Салливан сохраняла видимость спокойствия.

- Как ты это сделал? – спросила она Криса, возбужденно облизывая губы.

- Что сделал?

- Не оправдывайся, мы все видели яркую вспышку.

- Я ничего не понимаю, - Кристофера подташнивало от привкуса кислой меди во рту. – Он меня первым ударил, я

даже не защищался.

- Кто?

- Стенли. Он стоял вот здесь, - Крис огляделся и увидел, что паркет под ним почернел и растрескался, в стену глубоко вонзился оплавленный кусок дверцы от шкафчика, а из стеклянной витрины со школьными наградами торчат ноги в спортивных туфлях.

- Вы доверили психически неуравновешенному ребенку ключи от сейфа с реактивами. Он собрал из этих ваших мерзостей бомбу и разнес полшколы! – тонкая перегородка сотрясалась от мощного баса мистера Фергюсона.

- У меня там нет никаких взрывчатых..., - пытался вставить хоть слово учитель естествознания.

- Вы уволены.

Мистер Абернатти боком вышел из кабинета директора. Скрючившись и втянув шею, он стал похож на старую черепаху с разбитым панцирем.

- Вот мы и встряхнули с тобой школу, поздравляю, - сказал он, не глядя на своего лучшего ученика.

- Я не хотел, - оправдывался Крис. – Я не знаю, как это получилось. Коробка с дымным порохом осталась у меня дома, но мне никто не верит.

- Жена мне тоже так говорила, а потом... Может быть это и к лучшему. Мисс Пилл, - обратился он к секретарше, - вы не знаете, сколько стоит билет на автобус?

- Никогда не интересовалась, - ответила ему женщина, не отрываясь от компьютера. Все утро у нее звонил телефон, и она еще ни разу не отлучилась выпить кофе с подругами и обсудить подробности происшествия.

- Спасибо и на этом. Я пойду?

- Идите. Расчет мы вышлем вам завтра.

- Завтра меня уже здесь не будет.

- Доволен? - мисс Пилл взглянула на Криса, как только мистер Абернатти вышел, громко хлопнув дверью на прощанье. - Теперь его не возьмут ни в одну школу.

- Я ничего не сделал...

- Это ты в полиции объяснишь. Проходи, - она погасила красную лампочку на коммутаторе, сбрасывая еще один звонок. - Твоя очередь.

В кабинете директора Криса уже дожидались опекуны. Памела что-то правила в записной книжке, а Джулиус застыл у окна, нервно теребя в руках шляпу.

- Садись, - мистер Фергюсон указал Кристоферу на продавленный стул с кожаной обивкой. - По твоей вине мне предстоит разбираться с попечительским советом и успокаивать Ковальски-старшего. Он грозит подать на школу в суд и выиграет дело, если мы не умаслим его как следует, поэтому я и вызвал твоих родителей, чтобы не поднимать лишнего шума.

- Кристофер, мы для тебя так много сделали..., - начала Памела заранее приготовленную речь. Теперь, когда ее худ-

шие опасения сбылись, бедная женщина наконец-то успокоилась, ведь сегодня же люди узнают, какое тяжкое испытание выпало на ее долю, и скольким она еще готова пожертвовать, чтобы превратить испорченное дитя в достойного члена общества.

- На твоём месте любой сирота..., - миссис Бреккет подняла полные слез глаза к потолку, но Крис заерзал на скрипучем стуле и презрительно фыркнул.

- Это неправда, - пробормотал он. - Я не сирота, у меня есть мама, просто она сейчас нездорова.

На висках Памелы вздулись вены. Она хотела разыграть последний акт драмы дома, но не вытерпела и проговорила.

- Вчера нам звонили из клиники. Они ошибались, у нее не хроническая депрессия, а все признаки буйного помешательства.

- Что? Я разговаривал с ней на прошлой неделе, ее должны были выписать сегодня.

- Главный врач лично провел обследование и велел перевести ее на более сильные лекарства. Утром она поменялась одеждой с сиделкой и попыталась сбежать, – смаковала подробности Памела. – Ее задержали на выходе, и она ранила двоих охранников, пока на нее не надели смирительную рубашку.

- Мама не могла. Это какая-то ошибка.

- Она никогда, слышишь, никогда не выйдет из больницы!

- миссис Бреккет брызгала слюной. - Ты стал нашим ярмом до совершеннолетия!

- Успокойся, дорогая, - Джулиус наконец-то обнял супругу за плечи. - За ним теперь будут хорошенько присматривать.

- Безусловно, - мистер Фергюсон с укоризной взглянул на Криса, смотри, мол, до чего ты довел почтенную женщину.

- Мы же все здесь одна семья.

Глава 7. Испытание

Оскальзываясь на уступах глинистого сланца, Корди спустилась в неглубокое ущелье. После недавнего ливня по порожистому дну, ворочая камни и подмывая корни деревьев, грохотал поток. Узкая тропа то уходила под воду, то петляла вдоль склона, огибая запруды из слипшейся хвои.

Выбравшись на узкую полоску пляжа, Корделия заметила, что нижний край солнца уже коснулся горизонта. Перескакивая через полосы мокрого песка, она снова нырнула в одну из узких борозд, прорытых морем в почти отвесной стене, и взобралась по осыпи до ровного плато. Прямо перед ней ребристый клиф поднимался вверх еще на добрую сотню футов, теряясь в сосновом бору, но эту часть пути Корди оставила на утро.

- Скоро прилив, - она закрыла глаза и улыбнулась.

Монотонный гул моря всегда успокаивал Корди. В дни, когда отец возвращался из плавания, она убегала из дома, пробиралась к лодкам, приготовленным для разгрузки, и всю ночь слушала бормотание волн, мечтая о дальних странствиях.

Соорудив из веток шалаш, Корделия укрылась плащом и долго лежала без сна. К утру влажные камни заблестели под пленкой инея, но больше холода и простуды Корди пугало, что в сумерках она сбилась с пути или спутала тропинку с

цепочкой следов диких коз, в изобилии живущих среди прибрежных ступенчатых склонов.

Едва забрезжил рассвет, как Корди уже была на ногах. За ее спиной вечно голодное море точило зубы о скалы, а перед ней лежала бескрайняя долина Эбрук, подарившая название всему герцогству. Если идти напрямик, то можно было еще до полудня добраться до ближайшего села, но тропа стеснялась простора, поворачивая в сторону леса.

- Ну, в дорогу, - Корди с завистью посмотрела на покрывающую дымкой свежей зелени долину. – Няня сказала сначала собрать деревенских мужиков на подмогу, а только потом идти к озеру, но если я найду мать, то, может, вместе мы и без них как-нибудь справимся.

Корди миновала с десятков ручейков и мелких речушек, спускалась в овражки и переходила вброд небольшие болотца, но ничего похожего на озеро ей на глаза не попадалось. Пока в просветах между деревьями мелькало солнце, она слышала барабанную дробь дятла, замечала беличьи дупла и мышиные норы, но чем дальше углублялась в чащу, тем молчаливее и неприветливее становился лес. Кроны сосен срослись в многоярусный полог, бороды лишайников спускались до самой земли, и ей все чаще приходилось возвращаться, чтобы обойти ошестинившиеся сучьями завалы или найти тропинку под толстым слоем опавшей хвои.

- Хватит. Нет здесь никого Грозного озера. Должно быть,

я что-то напутала с направлением, и от кряжа следовало повернуть в другую сторону, - решила она.

Тишина вокруг была настолько густой, что звенело в ушах, и Корди не видела смысла сдерживаться, разговаривая сама с собой. После длинного перехода скатка с припасами словно прибавила в весе, тело сопрело под плотной одеждой, а колени сгибались с трудом. Чтобы взбодриться, она отпила немного из воды из фляги, вылила остатки себе на руки и плеснула за шиворот. Неподалеку из земли торчал обломанный сосновый комель, его вывернутые корни вполне сгодились бы для костра, но подойдя ближе, Корди тут же передумала делать привал. Трава вокруг была вытоптана, к смоле прилипли клочки белой шерсти, а длинные борозды от когтей указывали на крупного медведя.

- Весной они опаснее всего, - попятилась Корди, - где-то неподалеку должна быть берлога.

Только она подумала дать деру, как раздался треск, и одинокая сосна на ближайшей прогалине наклонилась, а затем рухнула, едва не примяв Корди верхушкой. Девушка распласталась на земле, прикрыв ладонью рот и нос, и увидела, как нарастающая глыба снега с черными блюдцами глаз неспешно передвигается между деревьями, изредка поднимаясь на задние лапы, чтобы почесать себе спину. Даже на четвереньках медведица был выше самого рослого человека, и ее силы запросто хватило бы, чтобы одним ударом сломать хребет крупному лосю.

Раздувая широкие ноздри, зверь искал, чем бы набить брюхо, и влажное безветрие, сыграло Корди на руку. Медведица отвлеклась на муравейник, длинным когтем срезав с него верхушку, и пока она лакомилась кислыми личинками, Корделия проворно отползла в сторону и соскользнула в узкую расщелину.

- Не заметила, - с облегчением вздохнула она. Перепрыгивая с кочки на кочку, Корди неслась по руслу ручья, но когда останавливалась перевести дыхание, то ей мерещился хруст поломанных сучьев, и она забывала про отдых.

Оползень прорезал седловину горы, открывая путь в самые неприступные уголки леса, и гонка без преследователя длилась уже больше часа, когда Корди добралась до развилки. С одной стороны ручей сильно мелел. По широким меловым наносам легко можно было подняться наверх и спрятаться среди молодого осинника, но подоспевшая ночь разлила по небу крынку молока, и млечный путь уводил Корди в противоположную сторону, туда, где поток становился шире и бурливей, спускаясь уступами в самую глубь ущелья.

- Куда мне теперь? - Корделия по пояс зашла в воду, и ее подхватило упругое течение.

Угольный ручей тек между агатовых берегов. Все травы и камни стали чернее печной сажи, а мокрые валуны будто вымазали смолой, но Корди еще в детстве поладила с темнотой.

- "Венец из звезд пылает...", - промурлыкала она себе под нос. Все ее страхи отступили, и она закрыла глаза, позволяя

стремнине все решить за нее.

Давным-давно, когда Корди было лет пять или шесть, ее в очередной раз разбудил стук в дверь. Она хотела жалобно захныкать, но в это мгновение из-за туч выглянула полная, умытая ночным дождем луна, и в ее белесом сиянии все знакомые предметы запорошило серебряной пылью.

Сквозь смеженные ресницы Корди рассматривала, как крошечный паучок ткёт паутину между ножек кресла, и когда тот застыл в самом центре, решила, что пора бы покончить с ночными страхами и выяснить, что случится, если она сама выйдет к Крейддилэд и спросит, что же та от нее хочет.

- Эй, есть здесь кто-нибудь, - Корди выглянула в коридор, но там никого не было, лишь из спальни этажом ниже раздавался раскатистый храп Ольгерда.

Она оставила дверь открытой, чтобы таинственная гостья больше не будила ее стуком, и вернулась в кровать.

- Жаль, - Корди потянулась к оставленной на утро кружке с молоком. - И почему некоторые люди...

К «некоторым» она теперь относилась всех домочадцев башни, включая отца, няню и Йону, которые оставались с ней на ночь и мешали спать. Впрочем, поразмыслив немного, Корди решила быть справедливой и вычеркнула Йону из позорного списка. Будущий хозяин меньшей половины земли засыпал прежде, чем его голова касалась подушки.

- ...некоторые люди так боятся темноты. Я всегда говори-

ла, что ночью так...

Медленно тлевший в камине кусок плавника затрещал и осыпался серой пылью. Раздался хлопок, и янтарный уголь покатился по полу, прямо под ноги девочки.

– ...страшно!

Не успело молочное море с острыми рифами из глиняных черепков растечься по полу, как Корди уже накрывалась одеялом с головой.

«Няня!», - тихонько подвывала она, зажимая рот рукой. Ее воображение уже нарисовало ей фигуру Крейддилэд, ее сгнившие щеки, провалившийся рот. Корди слышала шелест подбитого грязью шлейфа по полу, чувствовала, как призрак теревит край ее покрывала, понимала, что еще пара секунд, и он разрушит ее ненадежное укрытие.

«Если я закричу, то даже папа прибежит мне на помощь», - вытирая потные ладони о подушку, шептала она. – «... А вдруг он не успеет... А вдруг там никого нет... А вдруг...»

Она уже готова была забыть про все «а вдруг» и дать реву, перебудив всех в доме, но тут она впервые услышала тихий шепот: «Венец из звезд пылает..»

Любопытство побороло страх, и Корди отогнула краешек одеяла, чтобы взглянуть на странного певца. Паук все также сторожил тенета между ножек кресла, но в свете луны она увидела размытый женский силуэт в свадебном платье.

- Не бойся меня, - сказала Белая Дама, и ее голос был похож на шелест песка, стекающего в стеклянный сосуд. -

Крейддилэд тебя больше не найдет.

- Ты ее прогнала? - пискнула девочка.

- Да, и пока я здесь, никто тебя не обидит.

Дождавшись утра, Корди рассказала няне о странной посетительнице, но та ей не поверила и здорово отругала за разбитую кружку. Отец тоже уверял, что если бы в башню пробрался грабитель, то должны были остаться следы, да и зачем было бы взломщику петь. Корди кивала и соглашалась с ними, но когда ей становилось особенно грустно, она напевала перед сном детскую песенку, и ее навещала бесплотная ночная гостья.

- Венец из звезд пылает, указывая путь...

- Ты уже слишком взрослая для колыбельной, - Белая Дама всегда начинала с упрека, словно ее из-за ерунды отвлекают от важного дела, но потом смягчалась и из строгой учительницы превращалась в соседку по парте, - к тому же ты забыла оставить для меня гостинец.

В воздухе запахло морозцем и еще чем-то древним, то ли страницами старых книг, то ли пылью с заброшенного чердака.

- Где же я тут найду молоко? - уголки губ Корди сами собой потянулись вверх, складываясь в улыбку.

- А где, по-твоему, ты находишься? - Белая Дама вздохнула, и ее вздох был похож на шелест замерзших листьев.

- Сама не видишь? Я заблудилась в лесу, встретила мед-

ведя и теперь плыву неизвестно куда, да еще и с закрытыми глазами.

- А почему бы тебе их не открыть?

- Тогда ты исчезнешь, - Корди сжала веки еще плотнее. -

И я останусь без защиты.

- Ты стала заметно сильнее, и мне уже не нужно тебя охранять.

- Шутишь?

- Мне сегодня не до шуток. Говори скорее, зачем звала.

- Я... - Корди заколебалась, внезапно осознав всю глупость своего поступка. - Я всего лишь хотела спросить, правильно ли поступила, сбежав из башни. Может, зря я не сказала никому в бухте, куда отправляюсь...

Вода мягко вытолкнула ее на берег, и Корди почувствовала под спиной твердую землю.

- О-о! Сомнения? Прекрасно. Значит, ты взрослеешь. Это хороший знак, - в голосе Белой Дамы снова появились ехидные нотки. - Не волнуйся. Все, что должно случиться - случится, а о том, чему не бывать, незачем и печалиться.

- Ты, как обычно, отвечаешь загадками.

- А ты умная и сама во всем разберешься, - голос стал удаляться, и его заглушали шипение и клекот, словно в кастрюле выкипала вода. - И еще.... Слова, которыми ты меня призываешь...

- Про башню и звезды?

- Будь с ними аккуратнее. Любое желание имеет свою це-

ну, а здесь она особенно высока. Если ошибешься, то расплата ждет не только тебя...

Сквозь нарастающий шум Корди слышала чей-то стон, но не смогла разобрать, человеческий он или звериный.

- Что?! - прокричала она в пустоту, и сама удивилась, каким резким и чужим стал ее голос. - Что ты сказала?!

- Не доверяй никому, - прозвучал ответ, будто сквозь толщу воды. - Не раздавай обещаний, которые не в силах сдержать, иначе пострадают невинные, но если уж решилась действовать - не сворачивай и не отступай. Иди до конца, что бы ни встало у тебя на пути.

- А сейчас... Куда мне? К озеру? Или в долину?

- Открывай глаза, дитя. Сама все увидишь.

Корди разлепила веки и успела заметить мелькнувший край белого платья, исчезающего между деревьев. И тихий шепот: «В следующий раз не забудь про молоко...»

Корделия лежала на краю небольшой лощины, а перед ней раскинулось озеро в форме чаши. Тусклые искорки плескались вдоль его берегов, охраняя отражение круглобокой луны. Резвясь и играя, они то бежали по кругу, то разлетались и кружились парами, перепрыгивая с волны на волну. Крупный ворон руководил представлением у кромки воды. Он полоскал клюв и важно вышагивал по песку, отбивая такт охвостом.

- Это и есть Грозное озеро? - спросила Корди птицу.

Ворон посмотрел на нее одним глазом, взмахнул крыльями и бесшумно растворился в ночном небе. Перепуганные светлячки попрятались в зарослях камыша, и лишь луна продолжала сиять белым светом до самого рассвета.

Корди сидела на пригорке, обхватив колени руками. Она уже обошла озеро по кругу и не нашла следов кострища, о котором упоминала няня. Если сюда кто-то и заглядывал до нее, то это было очень давно, и Корди напрасно потратила время на пустую затею.

- Мама, - прошептала она, закусывая губы от разочарования. Пожалуй, впервые в жизни Корделия так отчаянно нуждалась в чьей-то помощи, и она почему-то верила, что стоит ей попросить, и сгустятся тучи или поднимется ветер. Ждала, что вода закипит и отступит. Надеялась увидеть хоть какое-нибудь чудо, но...

- Мама? – еще раз попробовала Корди. – Я твоя дочь, вот доказательство, - она сняла с запястья браслет. - Ты оставила его мне..., когда уходила.

Обсидиан, бирюза, лазурит и кварц разноцветными каплями заиграли на ее ладони, а горошина розового жемчуга напоминала нераскрывшийся бутон с плотно прижатыми друг к другу перламутровыми лепестками.

- Почему ты не отвечаешь? Разве я тебе не нужна? - Корделия подняла руку над головой, чтобы ее сокровище было видно издали, и следивший за ней ворон громко каркнул,

приметив яркую вещьцу. Он спикировал вниз с сосны, где прятался все утро, подхватил браслет, но далеко улетать с добычей не стал, обосновался у песчаной отмели, переминаясь с ноги на ногу и хитро поглядывая на Корди.

- Отдай, - она бросилась за воришкой, но тот перепрыгнул чуть дальше и без всплеска опустился на воду.

Солнце пока дремало, укутавшись в плед из плотных облаков, на траве проступила роса, а легкий туман не предвещал никаких заморозков, но вопреки здравому смыслу, чем ближе приближалась Корди к берегу, тем выше росли на кустиках толокнянки белоснежные воротнички инея.

- Так не бывает, - Корди опустила взгляд, и увидела, как пузыри воздуха поднимаются со дна озера и попадают в плен ледяного панциря, издавая еле слышное шипение и цокот.

Ворон обходил полыньи, виляя хвостом и указывая Корди безопасную дорогу, а вокруг них все гуще курился туман. Вскоре в ватном облаке потонули силуэты деревьев и остались лишь едва заметный частокол камыша да несколько приметных коряг, украшенных зубчатыми рядами сосулек.

- Куда ты меня ведешь? – спросила Корди ворона.

Ее проводник в нетерпении захлопал крыльями, подгоняя Корделию. Снова взлетел, покружил над ее головой и громко каркнул, отыскав нужное место. Недовольно ероша перья, он долго вглядывался во что-то в глубине, а затем ударил клювом по ледяной корке и бросил браслет в трещину. Звук вышел таким звонким, что даже Корди почувствовала

дрожь под ногами. Это не был размашистый удар кулаком о запертую дверь, а скорее дробь пальцев по стеклу, тревожная и настойчивая. Так в некоторых селах до сих пор вызывают на поединок или свидание, но не успела Корди как следует испугаться, а звук уже повторился, и широкая расщелина вскрыла застывшее озеро, окатив ее фонтаном брызг. В разломе показалось и тут же исчезло испуганное лицо, бледный кисти рук ухватились за кромку льдины, но та осыпалась острыми иглами, и утопленник снова ушел под воду.

Проваливаясь и выбираясь из водяных ям, Корди бросилась в сторону камышовых зарослей и остановилась, лишь когда под ногами закрипел мокрый песок. За ее спиной глыбы льда трескали и ломались, бурлящая вода гнала осколки к берегу и с шелестом вытесняла их на отмель. Все то, о чем мечтала Корди этим утром, наконец-то сбылось. Неподвижное озеро превратилось в котел с бурлящей похлебкой, а оседающие под собственным весом куски льда - в слой жира, стекающего по краям круглой тарелки.

- Котел? – Корди задумалась, припоминая недавний разговор с Белой дамой. – Ну конечно, я уже слышала эти звуки.

Корди мысленно перебирала фразу за фразой, словно пересчитывала монеты перед рискованной сделкой. «Будь осторожнее», - предостерегла ее ночная приятельница, и она явно знала об этом месте больше, чем говорила.

«Пусть любое желание требует платы», - размышляла Корди: «Но сколько силы может быть в глухой детской пе-

сенке?» Она сотни раз напевала ее за шитьем, когда мыла посуду или просто так, от скуки. Слова лились легко, будто сами по себе, и ничего не случалось, но теперь ее грызли сомнения: «А вдруг я не смогу остановиться, когда понадобится?» - Корди ощутила на языке металлический привкус страха: «Что если дело не в песне, а в самом озере?»

- Венец из звезд сияет, - неуверенно начала она, не отрывая взгляда от колдовского варева, - указывая путь, и ветер тихо стонет: «Меня не позабудь!»

В конце первого куплета лес зазвенел от птичьего крика, но это не было хриплое карканье, а победный клич, раскатистый и протяжный.

- Едва засеребрится ущербная луна, стон криком обернется: «Храбрец...».

«Храбрец или беглец?» Корди всего лишь на миг запнулась, и не успела исправиться, как взъерошенный ворон камнем упал к ее ногам. Раненая птица все еще шевелила поломанными крыльями, но из разбитого клюва уже сочилась кровь, собираясь лужицей вокруг головы.

Корди похоронила ворона неподалеку от озера, укрепив холмик над могилой камнями и кусочками мха. Она не знала, куда попадают птицы после смерти, и ограничилась лишь короткой молитвой, но когда поднялась с колен, то на каждой травинке вокруг нее сидели светлячки-водомерки. Сегодня им было не до танцев, их вытянутые брюшки загорались

и тухли невпопад, и некому больше было подать сигнал для начала концерта.

- Я не виновата, - прошептала Корделия, оправдываясь перед странными светящимися созданиями. - Я ведь просто забыла слова, что в этом такого? С каждым может случиться.

Порыв ветра сбил выступившую влагу с кустов, прохладной ладонью провел по вспотевшему лбу и запутался в волосах Корди. Сквозь редеющий туман она увидела яркие изгибы молний. С юга надвигалась гроза, и самый храбрый из светлячков, мигнув на прощание, расправил прозрачные крылышки и закружил над озером. Его братья полетели следом. Вскоре над водой рассыпался рой мерцающих насекомых, и Корди показалось, что небо опрокинулось, и звезды просыпаются и всплывают со дна, оседлав гребни волн.

- Море солонее слез, и пара капель камень не сдвинет, - Корди шмыгала носом, хотя ее глаза оставались сухими. - Теперь я знаю, что нужно делать.

Она подошла к берегу, сложила ладони рупором и закричала: «...я жду тебя!»

После короткого весеннего ливня рваные клочья тумана растворялись в легкой дымке. Возвращая лесу украденные краски, они уползали под деревья, белесыми хвостами заметая следы неожиданного колдовства.

Корди промокла до нитки, спину свело от усталости, и она даже не заметила, когда солнце золотым кантом обрами-

ло верхушки деревьев, рассыпалось в небе радугой, щедро украсив каждую каплю росы своей точной копией. Рядом с ней ничком лежала незнакомая ей женщина, и ради нее она готова была снова броситься в ледяную воду, до изнеможения нырять за тусклой тенью и вновь захлебываться взбитым илом под грузом неподвижного тела.

Пока Корделия волокла незнакомку из озера, та не дышала, но когда ее ноги коснулись песка, вдруг дернулась, мелко задрожала и принялась кашлять, выталкивая воду из легких. Жидкая грязь потекла сквозь смерзшиеся посиневшие губы, но закрученная вокруг горла цепочка стесняла дыхание, и Корди пришлось ее разорвать, чтобы женщина смогла вздохнуть полной грудью.

- Ничего-ничего, - Корделия уселась рядом, подложив одеяло под голову незнакомки. - Ты отдыхай. Мы сейчас разожжем костер, и сразу станет теплее.

- Кор..де..лия, - наконец прохрипела женщина, приподнимаясь на локтях. - Прости...меня.

После рассказа Греты, Корди представляла Елену совершенно иначе, холодной и прекрасной, как принцесса из книжки. Теперь, разглядывая лицо матери, она поняла, что ее подбородок слишком острый, лоб высоковат, а рот чересчур широк. Но этот подбородок, лоб и рот так идеально подходили друг к другу, словно кто-то специально отбрасывал все красивое и правильное, чтобы найти формулу совершенной гармонии. Няня не врала, ее бывшая хозяйка относилась

к той редкой породе женщин, черты которых намертво врезаются в память, и чьи изъяны потом ищешь в портретах самых известных красавиц.

- Прости, Корде..лия, - голос Елены звучал все еще глухо, и она запинаясь на каждом слове. - Это озеро отняло у меня слишком много сил, и я не смогла откликнуться на твой первый призыв.

- А? – не поняла Корди. Ее сердце колотилось так часто и громко, что она ничего не слышала кроме шума в ушах, но по движению губ она поняла, что мама обращается к ней по имени.

- Я говорю, что ты очень выросла.

- Разве? – Корделия покраснела до корней волос. – Ты же ушла, когда мне было всего два дня, с тех пор я немного подросла.

- Глупенькая, мое время течет по другому. Я помню Ольгерда еще молодым. Он был очень хорош собой, и встретились мы с ним как раз на этом самом месте. Ты знаешь, Корделия...

Елена снова произнесла ее полное имя, теперь еще более медленно, пробуя каждый слог на вкус, но Корди так долго его ненавидела, что не смогла сдержаться и по привычке закатила глаза.

- Тебе не нравится имя Корделия? – удивилась женщина.

- Не особо.

- Это ведь я его выбрала. До твоего рождения я лет сто

прожила на острове Мио Корделло.

- Острова? - Корди придвинулась к матери поближе. – Сто лет? Разве так можно?

- Все возможно. Это было хорошее место, там жили веселые люди. На местном наречии «Cordello» означает сердце.

- А няня рассказывала, меня назвали в честь покровительницы нашего края. В ее имени тоже прячется «Cordis».

- Так получилось, что тебе в подарок достались два сердца. От Ольгерда, и от меня. Впрочем, - Елена усмехнулась, и на ее щеках появились ямочки, как у задумавшего шалость ребенка, - имя ничего не значит. Когда-то я откликалась на Пиа. Кто-то еще помнит меня как Кору или Урсулу, но дольше всего я была Сциллой. Я ведь древняя, старше, чем ты можешь себе представить.

Женщины в Нордхейме быстро старели, после замужества превращаясь в своих матерей, а те – в старух. В покосившейся избушке у самого края бухты жили две Клары: старая и молодая. Обе рано овдовели, но каждое утро приходили к пристани, чтобы чинить чужие сети. Приезжие купцы часто принимали их за сестер и спрашивали, куда исчезла та озорная девица, что вечно крутилась возле лодок и предлагала поцелуй в обмен на отрез яркой ткани. «Жениха искала, да с морем повенчалась», - отвечала им чуть менее седая и морщинистая, указывая на пятилетнюю дочку, купающуюся на мелководе: «Скоро новая подрастет, тогда и готовьте свои подарки. Может хоть ей повезет их примерить».

Разглядывая гладкую блестящую кожу Елены, Корди никак не могла понять, как «древней» может быть девушка, которой на вид не исполнилось и восемнадцати. Тысячи «как» и «почему» вертелись у нее в голове, сотни «да ты что» и десятки «врешь, так не бывает» готовы были сорваться с языка, но мама молчала, уставившись на озеро, и Корди терпела и ерзала, не зная с чего начать.

- Ты фея? – наконец не выдержала она.

- Фея? Да, - без тени удивления согласилась с ней Елена. Она приподняла волосы и показала на заостренные уши. – Нравится?

- Здорово, - энергично закивала ей Корди, хотя она явно желала большего.

- Ты мне не веришь, - усмехнулась Елена, – а если так, - она распустила шнуровку на груди, стянула платье с плеч, и за ее спиной начал раздуваться кожаный мешок. Что-то живое билось внутри, растягивая плоть изнутри. С легким треском пузырь лопнул, и над лопатками замерцала пара радужных крыльев.

- Надо чаще практиковаться, - с облегчением выдохнула Елена, - иначе совсем потеряю навык.

- Это больно? - Корделия погладила мягкое крыло, и во все стороны полетела разноцветная пыльца.

- Нет, щекотно, - захихикала Елена. - А еще я могу так, - она провела рукой по лицу, и оно вытянулось, превращаясь в звериную морду. Открыв рот, она гордо продемонстриро-

вала мощные челюсти и острые клыки.

- Ничего себе, а можно...

- Конечно, можно, - Елена коснулась бедра, и ее ноги срослись, обрастая чешуей, за ушами открылись розовые жабры, а над верхней губой появились роскошные усы.

- Еще, еще! - заливаясь смехом, Корди бегала вокруг матери, а Елена, хохоча громче дочери, покрывалась то перьями, то шерстью или иглами. Черты ее лица плавились и менялись, кожа становилась то угольно-черной, то мерцала золотом, но цвет глаз оставался неизменным – кобальтово-синий, глубокий, как полночь.

- Как это у тебя получается. Ты и фея, и оборотень, и....

- Это всего лишь маски. Создания, подобные мне, стараются редко попадаться вам на глаза. Приходится постоянно прятаться, а ведь на самом деле мы стражи. Нас создали, чтобы охранять башни.

- А много таких, как ты? - глаза Корди округлились от удивления.

- Когда-то было много, но большинство башен теперь лежит в руинах. Остались лишь «Молчаливая смотрительница» в столице, Безымянная – на западе и ваша...

- Каменная игла.

- Что?

- Один купец назвал ее Каменной иглой, проколовшей небо.

- Интересно..., - усмехнулась Елена. - Была еще одна, но

она исчезла вместе со своим хранителем.

- Значит вас только четверо?

- Давным-давно мы были друзьями, но теперь избегаем друг друга. Хранительница Запада всегда была затворницей, ее башня лишена даже входа. Второй... второго я прогнала. Его след обрывается на границе нашего мира, но я все еще чувствую связь с ним. Третий... Ну, от третьего я бы и сама сбежала на край света. Как же нестерпимо скучно слушать одни и те же истории о проклятых городах и воспоминания о девушке с родинкой над губой, чьи кости давно истлели в песках.

- А башни. Для чего они, в чем их секрет?

Елена посмотрела на дочь и пожала плечами.

- Это может знать только ее хозяин. Стражам, вроде меня, запрещено без приглашения даже приближаться к ним. Когда я приволокла Ольгерда в Нордхейм, то он был без сознания, и если бы Грета не позвала меня в дом, то я так и осталась бы стоять за порогом.

- Няня? Она ведь..., - Корди вспомнила их последнюю встречу, худенькое сморщенное личико, птичьи руки на цветастом одеяле, - ...была обыкновенная.

- Ошибаешься, Корделия. Грета хоть и не прямой, но все же потомок Ульриха, первого хозяина башни, а такая кровь со временем жиге не становится. Она ведь единственная, кто сразу угадал, что я не человек.

- Не сразу, а только когда ты ушла.

- Правда? - Елена вскинула брови. - Может и так, но что-то она все же подозревала. Среди людей чародеи встречаются редко. Вы можете прожить целую жизнь и не догадаться о своем призвании, а те немногие, кто пробудили в себе скрытые силы, все равно пользуются ими неправильно. Этот край полон магии, мы умеем черпать ее, наслаждаться и отдавать назад, а люди ничего не возвращают обратно. От такого вероломства земля горит под их ногами, деревья сохнут, и вода в колодцах тухнет. Лет двадцать тому назад один из таких фокусников жил на этом озере, - Елена показала на полуразрушенную хижину, так искусно скрытую в тени молодой поросли, что Корди приняла ее за естественный грот. - Что он здесь искал, мне неизвестно, да только с тех пор это место животные стороной обходят. Мертвый лес вокруг, приглядишься, словно выгоревший, стволы язвами покрыты, а мох до сих пор по ночам светится.

Корди поежилась, разглядывая скрученные стволы сосен. Елена обняла дочь за плечи и прошептала в самое ухо: «Давно это было. Скоро все изменится, смотри», - она растерла между пальцев несколько молодых сосновых иголок: «Все в этом мире имеет значение. Если бы эти деревья не пожертвовали собой, ты бы никогда не появилась на свет».

- Куда же ты так спешишь? Постой! – со всех сторон преследовал Ольгерда переливчатый женский смех.

- Нет уж, - парень видел тело брата, пятна замерзающей

крови и догадывался, что если замешкается, поддастся на колдовской зов и остановится, то и его ждет похожая участь. - Так легко я не сдамся! Быстрее! - подгонял он сам себя.

Наст ломался под ним, но Ольгерд продолжал упорно двигаться вперед, а когда становилось невозможно, то хлестал себя по щекам и отправлял пригоршню снега в рот.

К рассвету метель немного утихла, но стало заметно холоднее. Цепляясь за корни трухлявого пня и пучки сухостоя, Ольгерд вылез из очередной ямины, перескочил груду бурелома и нырнул в пологий овраг. Где-то наверху выюга сметала кромку с огромных сугробов, но на самом дне было почти тихо. Оставляя за собой приметные борозды, Ольгерд на четвереньках добрался до корневища вывернутой сосны. По весне лесной ручей наверняка разливался здесь запрудой, и под слоем снега поблескивал гладкий лед.

- Неужели я оторвался? - парень с тоской посмотрел на посеревшее небо. Звуков погони слышно не было, и он надеялся выгадать минуту-другую, чтобы отлежаться и набраться сил для следующего рывка, но усталость опутала его, сковывая каждую мышцу. Глаза сами собой закрывались, дыхание становилось все глубже, и Ольгерд даже не заметил, как задремал. В забытие он снова оказался в избушке у проклятого озера. Михеля уже не было в живых, Ульф забился под лавку от страха и тихонько скулил, но ему не было дела до братьев. Все, что его занимало – бледный призрак девушки за окном. Ольгерд никогда не видел никого более красивого

и вместе с тем настолько страшного. Его сердце билось через раз, и, кажется, он забывал, как дышать, но все равно не мог отвести взгляда от ее лица.

«Зачем ты пришла за мной?» - шептал Ольгерд, все глубже погружаясь в смертельный сон: «Что тебе от меня нужно?»

Мороз крепчал, кора на деревьях трескала и лопалась от стужи, и парень наверняка бы замерз с мыслями о черноволосой красавице, если бы его не разбудили ударом снежка в лоб.

- Что же ты, храбрый воин, бежишь от меня? - призрак стоял в нескольких футах от Ольгерда, приготовившись метнуть еще пару снарядов, если тот не проснется.- Или ты испугался?

- Предупреждала меня Грета, чтобы я не заглядывался на девок, - в горле парня пересохло, и он сунул в рот очередную пригоршню снега, чтобы талой водой смыть едкий привкус страха. - Вот, видно, и наказание за мою глупость.

- Наказание, говоришь, - девушка закинула голову и звонко засмеялась. – Мне давно надоело бегать за тобой по лесу, но мои щенки, раз уж взяли след, то не отпустят добычу.

Из-за ее спины бесшумно вышло трое волков. Самый крупный из них, скаля зубы, месил от нетерпения лапами снег.

- Щенки, значит, - Ольгерд слегка согнул ноги в коленях и прижал кулаки к подбородку, защищая лицо и шею, - ну-

ну, посмотрим.

Краем глаза он видел, что стая разделилась, чувствовал, что смерть с тихим рыком подкрадывается к нему со всех сторон. Впившись взглядом в ярко-оранжевые глаза вожака, Ольгерд сделал шаг вправо, тот, тряхнув седыми бакенбардами, также пошел боком. Танцуя по кругу, они постепенно сближались.

Драки в поселке случались нередко. Местные рыбаки против заезжих матросов, подвыпившие мужики ради последнего глотка эля в бочке, подростки между собой, стенка на стенку, чтобы померяться силами и показать, кто из них старше. Ольгерд не был задирой и любил улаживать дела миром, но теперь все было иначе. Волки охотятся стаей, набрасываясь на жертву разом. Сразу троих парню было не одолеть, оставалось только злить матерого самца и ждать, что тот решит проучить зарвавшегося наглеца на глазах у молодняка.

- Ну же, смелей, пададь седая! – Ольгерд стянул с ноги сапог и сунул его под нос вожаку. – Чего ждешь!

Волк взвился, оскалив пасть. В прыжке он был страшен – полторы сотни фунтов ярости и мышц, но Ольгерд тоже рванул вперед, почувствовав под ногами упругость снега. Еще миг и они бы столкнулись лоб в лоб, но парень резко развернулся, пропуская зверя под левой рукой, а ребром ладони правой со всей силы рубанул по его загривку. Удар пришелся в ложбину между выпуклым черепом и первым позвонком,

где спрятан нервный узел. Хищник всем весом рухнул в сугроб и взвыл так, что эхо покатилося по лесу, подавая сигнал к общей сваре.

Молодой серо-бурый волк впился клыками в плечо Ольгерда. Боль пронзила руку до кончиков пальцев, но прежде, чем сознание смогло оценить урон, локоть с размаху врезался в мягкое подреберье зверя. Раздался хлопок, будто лопнул мешок с зерном, и волк с хриплым лаем отлетел в сторону, но не успел Ольгерд проверить рану, как поджарая самка тугой пружиной сбила его с ног. Безжалостные челюсти клацнули возле горла, оставляя на шее горячие потеки слюны, но волчица промахнулась и вцепилась ему в ключицу. Ольгерд бил ее по хребту, выдирая клочья шерсти вместе с кожей, но она все сильнее сжимала зубы. Перекатываясь и истошно вопя от боли, Ольгерд смог рывком подмять ее под себя, запустить руку ей в пасть и ухватиться за корень языка. В агонии волчица стонала как человек, но он держал ее мертвой хваткой, пока плоть не перестала пульсировать под его пальцами, и зверь не захлебнулся собственной кровью.

- Отец никогда не говорил, откуда у него шрамы на груди, да я и не спрашивала, - Корделия сложила ветки возле остатков хижины, настрогала щепок и достала из поклажи огниво и кремень. — Он почти ослеп на правый глаз, и в этот год даже не хотел выходить в море. Говорил, что от него мало пользы, но я все равно настояла, чтобы он отправился в плавание.

Пока Корди возилась с растопкой, Елена вытащила из песка обрывок серебряной цепочки и сняла с него кожаный мешочек. Корделия не заметила его раньше, а если бы даже и обратила внимание, то приняла бы за обычный оберег. В деревне такие мешочки были в каждом доме: старушки хранили в них ладан, странники - щепоть родной земли, а вдовы - обручальные кольца, если не хотели вновь вступать в брак.

- А Ольгерд так и не женился снова? – спросила Елена, развязывая тесемки.

- Какое там. Уж как няня уговаривала его, каких только невест за него не сватали, а он все ни в какую..., - Корди подняла голову и увидела в руках матери кольцо с сине-зеленым камнем. - Нет, - покраснела она, понимая, о чем ее спрашивала Елена на самом деле. - Не женился. И свое кольцо никогда не снимает, хоть и носит его на левой руке.

- А он не рассказывал, откуда эти кольца появились?

- Нет, - снова покачала головой Корди.

- У меня было достаточно времени, чтобы изучить твою родословную, и я выяснила, что Андагарды входили в число самых знатных семей Ольвии, но при побеге с острова не успели взять с собой ничего из своих сокровищ, лишь крупный сапфир редкого цвета. На свету он был синим, а в тени – отливал зеленью. - Елена надела кольцо на палец и поднесла руку к солнцу. Камень заиграл всеми оттенками синего, но на просвет были видны серебряные нити трещинок.

- Он с изъязном, - Корди тоже загляделась на игру света, -

и кольцо почти ничего не стоит.

- Так было не всегда. Когда-то камень был такой чистый, что его называли Портаре Ла Виттория – «приносящий победу», и Андагарды надеялись его продать, обеспечив достойную жизнь себе и своим потомкам, но во время пути камень треснул. Никто из ювелиров не взялся его гранить, и если предлагали цену, то самую бросовую. Твои предки были очень гордые и решили сохранить сапфир, передавая его от отца к первому сыну, как воспоминание о прежнем богатстве, - Елена еще секунду полюбовалась на кольцо, а затем сняла его и спрятала обратно в мешочек. - После смерти Михеля Ольгерд стал старшим в семье. Не знаю уж где, но он смог найти мастера, который не побоялся сделать пару одинаковых колец. В день нашей свадьбы твой отец надел одно из них мне на палец и сказал, что я его единственная победа, и пообещал, что вместе мы целое, а порознь - осколки.

- Жаль, что вы расстались..., - тяжело вздохнула Корделия.

После дождя дрова отсырели, и растопка никак не хотела загораться, только дымила и тут же гасла.

- Давай я, а то ты совсем окоченела, - Елена щелкнула пальцами, и над костром заплясал огонек. – Не переживай о том, чего не можешь изменить. Все, что должно случиться – уже случилось, а о том, чему не бывать, незачем и печалиться.

- Как ты сказала? «Незачем и печалиться...», - Корди уди-

вилась странному совпадению, но не подала виду, что уже слышала эти слова от своей полуночной советчицы. - Ты говоришь загадками. Точно также, как ...

- Я говорю как мать, - неожиданно резко прервала ее Елена, - которая знает, что некоторые дороги мы выбираем сами, а некоторые... выбирают нас.

- Здесь я с тобой согласна, - Корди прикусила губу, не понимая, чем могла так разозлить мать. - Ты промокла до нитки. Грейся, а я подожду, пока огонь разгорится.

Она отошла на несколько шагов от Елены и раскинула на траве одеяло.

- Не волнуйся обо мне. Я взрослая и сама могу о себе позаботиться, - Елена провела руками по груди и бокам, и ее одежда мигом высохла. На ней было шерстяное платье и потертая накидка с прорезью для головы. Так одевались только странствующие монахини, которые искали в лесах Омбра, своего сбежавшего бога. В долине их называли Дочерьями Медведицы и относились с опаской, а в бухте и вовсе не пускали на порог, считая, что их поиски приносят лишь несчастья.

Корди собиралась расспросить мать о ее странном наряде, но потом решила, что та может снова обидеться и тогда уж точно не захочет продолжить прерванный рассказ.

- А шрамы на лице отца? Это тоже волки виноваты? - заторопилась Корделия, усаживаясь у костра.

- Нет, - вздохнула Елена, - это уж я постаралась.

- Хочешь ли ты умереть быстро, молодой воин?

Ольгерд сидел на коленях, прижимая к себе остывающее тело молодой волчицы. Ее кровь, словно ржавчина, разъедала гладкую поверхность застывшей запруды, а где-то рядом визжал, околевая, ее старший брат. При падении он сломал себе спину и теперь беспомощно перебирал снег передними лапами. Старый вожак тихонько выл, отпевая мертвую стаю, но девушка-призрак цыкнула на него, и он замолчал, вино-вато прижав уши к широколобой голове.

- Нет, не хочу, - Ольгерд тяжело поднялся с колен.- Мне еще рано умирать.

- Ты храбрый, но мне стало скучно, - девушка отогнала волка прочь и вышла вперед. - Давай теперь и мы поиграем.

- Самое время, - кивнул ей Ольгерд. Его левая рука висела плетью, сквозь разорванную кожу торчала вывернутая ключица, а рана на лбу кровоточила, заливая глаза.

- Если ты сможешь хотя бы поцарапать меня, - продолжила девушка, поглядывая на парня из-под густых ресниц, - то я пойду за тобой следом, стану верным псом, ночным кошмаром твоих врагов. Если нет, то разорву и скормлю волку. Идет?

- Идет. Только ты уж больно торопишься. Погоди немного, мне нужно кое-что отыскать.

Покачиваясь, Ольгерд подошел к склону оврага и отломил длинный сук от застывшего дерева.

Девушка, пританцовывая от нетерпения, закатила глаза, увидев его оружие.

- И это твой славный меч, воин?

- Я не воин, - вполголоса ответил ей парень, - а рыбак.

Он вытащил из сугроба сапог, вытряхнул из него снег, но надевать не стал, а поклонился и бросил перед собой.

- Это еще зачем? – опешила девушка.

- У нас в деревне говорят, что если не знаешь, куда идти, то нужно спросить совета у Тарли-Башмачника. Он каждую подметку помнит и судьбу по следам читает. Куда укажет, туда и следует поворачивать, а если сапог пяткой ляжет, то нужно домой возвращаться. Мне Тарли указал на тебя, поэтому мы с тобой теперь связаны.

- Я не верю в глупые приметы, а уж твоему Тарли я бы и подавно не доверяла, мало ли куда он совал свой башмак, - девушка скинула тяжелый плащ, и Ольгерд чуть не выронил палку от удивления. Ее тело от ступней до шеи было затянуто светло-серой тканью с металлическим блеском на сгибах. Она так плотно прилегала к коже, словно весь странный наряд сшивали прямо на фигуре, но никаких застежек или шнуровки заметно не было, лишь тонкий ошейник вокруг горла и темные полосы вышивки под грудью.

- Веришь или нет – дело твое, но ты хоть имя свое назови, – покраснел парень, не зная, куда спрятать глаза.

- А тебе зачем?

- Хочу знать, как зовут мою будущую невесту.

- Невесту? Это ты тоже у сапога спросил? - засмеялась девушка. – Пусть будет так, выйду за тебя замуж, если выживешь. А имя? – она немного задумалась. - Елена. Годится?

- Годится.

- Тогда поторопись, пока я не передумала.

- Уж я не оплошаю, - ответил ей жених, заливаясь краской сильнее прежнего.

Ольгерд хоть и считался лэрдом целой деревни, но все еще робел в присутствии женщин, а если няня за ужином начинала разговор о женитьбе, то давился хлебом и под общий хохот убегал в свою комнату. В их семье Михель считался первым красавцем Нордхейма, ему достался широкий подбородок отца и ясные глаза матери. Ульф проигрывал старшему брату в росте, но речь у него была складная и голос звучный. Ходили слухи, что дочери Руфи-кожевницы выплакали глаза, когда он пришел на танцы с девицей из долины. Ольгерд же к своим двадцати годам так и остался нескладным, и все старухи в округе шептались, что он помрет бобылем, и прикидывали, чей сын станет следующим хозяином башни.

- Готов? - девушка пару раз подпрыгнула, разогреваясь.

- Подойди поближе и узнаешь, - Ольгерд залепил снегом рану на плече и сунул пригоршню под рубашку, чтобы боль от поломанных ребер немного утихла. – Теперь можно.

Елена оттолкнулась одной ногой, прогнулась в спине и прошла колесом вдоль вытоптанной площадки. Растягива-

ясь и сминаясь, серая ткань мерцала как чешуя речной форели, и Ольгерд так засмотрелся на ее изящные кульбиты, что не заметил, когда девушка успела оказаться рядом.

- Так достаточно близко! – крикнула она, отвешивая ему пощечину.

- Первый удар за тобой, но до победы еще далеко, - Ольгерд поздно выставил вперед удилище, и Елена проскользнула под его локтем, обошла сзади и вывернула больную руку.

- А так? - зашипела она парню в ухо. - Или еще ближе?

- Ты разве уже сдаешься? – Ольгерд дернулся, чуть ослабив захват, но Елена не дала ему освободиться, махом ноги подрубив правое колено. Он рухнул в снег лицом, едва не напоровшись на собственную палку, и невеста оседлала его сверху.

- Ближе уже некуда, - она надела коленом на позвоночник, но лед немного подтаял, и Ольгерд смог выскользнуть из-под нее, перехватить кулак и дернуть на себя. Елена потеряла равновесие и упала на него сверху.

- Ты сильная, - охнул парень. Лоскут кожи, прикрывавший поломанную ключицу, отогнулся, и теплая кровь парила на морозе, стекая по предплечью в снег, - но кольцо моей матери тебе великовато будет, придется новое заказывать.

- Кольцо?

- К свадьбе. Весной тебя устроит? – он говорил так уверенно, словно дело было давно решенное и осталось лишь договориться с чьей стороны родственников будет больше. -

Спешить не будем, тебе же еще платье придется шить. Грета только с виду строгая, но когда увидит тебя в этом наряде, то, верно, на месяц лишится дара речи.

- Ты, правда, решил привести меня в свой дом? - Елена полоснула его ногтями по лицу, рассекая щеку от подбородка до глаза. - Разве ты забыл, как я поступила с твоим братом?

- Это были волки.

- Это я им приказала!

- Не верю! - получая удар за ударом, Ольгерд сгорбился, защищая голову, но стоило девушке остановиться, как он начал бормотать что-то про свадьбу, подарки и покладистый нрав невесты.

- Замолчи! - Елена заглянула в помутневшие от боли глаза парня. - Почему ты не сопротивляешься?

- Только глупец подсекает рыбку так рано. Тут аккуратность нужна, терпение. Пусть себе дразнится, все равно ведь будет моей, - он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и жалкой.

- Какое разочарование, - Елена повернулась к нему спиной и зашагала к замершему в ожидании волку. - Он оказался совсем бесхребетным. Зря я тебя не послушалась.

- Эй, с кем ты там разговариваешь, - Ольгерд попытался сфокусировать взгляд на девушке, но перед глазами всё расплывалось, и ему почудилось, что вместо волка рядом с ней идет горбатая старушка в длиннополой шубе. - Сдаешься? Я

уже придумал имя нашему первенцу, – крикнул он вдогонку удаляющейся парочке. – Это будет девочка. Как тебе...

- Он еще и идиот, - прервал его чей-то тонкий, почти детский голосок. – Прикончи его.

- Нет, - отрезала Елена, поднимая и отряхивая плащ.

- А как же уговор? – старушка скривила и без того сморщенное личико и погрозила ей пальцем.

- Ты права, он все равно замерзнет в лесу, – Елена посмотрела на цепляющегося за палку парня. – Послушай, Ольгерд, испытание ты провалил, а я дала слово и обязана его сдержать.

Девушка скатала снежок, сжала его ладонями, и в ее руках оказался тонкая льдинка с острыми как бритва краями. Ускоряя шаг, она двинулась на парня, держа стеклянный нож на уровне его горла.

- Погоди-погоди, - заволновался Ольгерд, - ты ведь не серьезно. У нас ведь так все хорошо складывалось.

- Игры кончились, - Елена прищурилась, а когда открыла глаза, ее зрачки сузились в едва заметные черные точки. - Я сделаю все быстро, ты ничего не почувствуешь.

- Тогда и я медлить не стану, - спокойно ответил парень.

Ветер уже вторые сутки дул с севера, и с одной стороны оврага снег просел и скатился вниз по склону, а с подветренной стороны вырос хрупкий ледяной карниз с бахромой сосулек.

- Скоро взойдет солнце, – сквозь прозрачную корку Оль-

герд разглядел полоску порозовевшего неба. - Поутру всегда клюет лучше всего.

Он перехватил верхнюю часть палки здоровой рукой, прижал ее тупой конец к корпусу и развернулся в широком замахе. Девушка уклонилась от ложного выпада, пригибаясь почти до земли, и удилище с хрустом переломилось о стоявшую за ее спиной злобную карлицу.

- Убей его – вскрикнула старуха так громко, что по дну оврага прокатилась волна визгливого эха.

- Не мешай! – Елена метнула нож, но промахнулась на два пальца, и лезвие лишь срезало прядь волос с макушки парня.

- Не торопись! Целься лучше, - Ольгерд ударил короткой палкой по ближайшему сугробу и резко вскинул ее верх, поднимая в воздух снежную взвесь.

- Тебе совсем жить расхотелось? – девушка успела сократить расстояние и сотворить еще один стеклянный нож, но он оказался слишком легким и рассыпался в полете.

- Говорю же, торопишься, - не давая ей опомниться, Ольгерд снова крутанулся на месте, нахлестом срубая сосульки с карниза. На Елену обрушился град ледяных осколков. Она поскользнулась, на миг потеряв ориентир в облаке снежной пыли, и острый край палки, прочертив в воздухе короткую дугу, застыл в дюйме от её горла.

- Попалась, - Ольгерд грубо схватил ее за волосы и притянул к себе. – Вот теперь достаточно близко...

- «Вот теперь достаточно близко...» - Елена слегка покраснела от смущения. - Он поцеловал меня и прокусил губу, а я ведь дала клятву, что если дойдет до крови, то я пойду за ним следом....

- Только поэтому? Из-за капельки крови?

- Не только... Понимаешь, за сотни лет я отыскала лишь несколько человек, которые смогли меня удивить. Ольгерд? Ольгерд стал одним из них. Не каждый день встретишь парня, который на первом свидании машет сапогами и клянется в любви на всю жизнь, - она потерла лоб и улыбнулась.

- А как же дядя Михель. Это ты приказала его...

- Нет. Когда я только подходила к землянке, вот здесь, - Елена стукнула босой ногой по трухлявой двери, - лежало тело мужчины. Он уже был мертв. Пара оголодавших за зиму молодых волков почти перекусили его шею. Я ведь думала, что это и есть тот самый чародей, что испортил озеро, и была почти рада, что не пришлось самой марать руки.

- Но когда ты узнала правду, тебе ведь стало его жалко? - Корди пошевелила угли прутом. Собранный хворост уже закончился, а сосновые шишки прогорали слишком быстро, изредка стреляя в воздух почерневшими семенами.

- Люди сами создают для себя правила и живут по ним. То, что в ваших краях считается преступлением, на другом конце света является доблестью. Мы иные, - она вдруг жадно потянула носом и показала пальцем на скатку. - У тебя там, случайно, не хлеб.

- Цель нашей жизни, - через минуту Елена уже засовывала здоровый кусок мякиша себе в рот, - охранять башню. Как бы сказать попроще, магия, она как... как дымка на озере, только ее не видно. Где-то ее называют эфиром, где-то – оргоном или фохатом, а где-то просто живицей, но мне больше нравится, когда ее зовут праной, энергией жизни. Она повсюду, в каждой мелкой букашке, в каждой соринке на дороге. Ниточка за ниточкой, узелок за узелком прана сплетается в целое полотно, соединяя острова и континенты. Эти линии - самое главное, что есть на земле, и в местах, где они пересекаются особенно густо, вырастают башни. Если бы ты только могла посмотреть на мир моими глазами, - Елена подняла ладонь к небу, ловя солнечный луч, - то увидела бы, как красиво мерцают стены твоего замка на рассвете, сколько огоньков горит в его окнах. Но, случается, что эта дымка рассеивается, образуется брешь. Мы обязаны найти пустоты и сплести новое полотно из обрывков праны. Это наше единственное предназначение, наш долг и плата за бессмертие, ради которого можно пожертвовать всем остальным, - аккуратно собрав крошки с колен, Елена вытянулась на одеяле и закинула руки за голову. – Я никогда не вмешиваюсь в человеческие дела, но есть земли, где в мою честь все еще слагают песни, и чем реже я появляюсь среди людей, тем громче они звучат. Ты спросила, плакала ли я по бедному Михелю? Так я отвечу – нет. Слабые всегда погибают первыми.

- Ты это серьезно? – Корди взглянула на мать и поняла,

что та не шутит.

- Конечно. Так было и так будет впредь, - Елена перекатилась на живот и с удивлением посмотрела на дочь.

- Но с твоей силой, ты могла бы многое изменить.

- Зачем? Я знала хранителей, которые считали, что их долг – создать мир, где все были бы счастливы. Так не бывает. В конце концов, те же самые люди, которых они оберегали, разрушали их башни и погибали сами.

- А тебе никогда не было одиноко?

Чем больше Елена говорила, тем дальше отодвигалась от нее Корделия. Солнце стояло в зените, пригорок прогрелся, но она вдруг снова почувствовала холод, и ей как в детстве захотелось укрыться одеялом с головой, чтобы спрятаться от равнодушного чудовища, которое только притворялось ее матерью.

- Бывало, - ответила Елена, отворачиваясь, - но я ни о чем не жалею.

- Поэтому ты и бросила меня, решила, что слишком много хлопот и мною тоже можно «пожертвовать», - от разочарования и обиды голос Корди задрожал.

- Ты все неправильно поняла! – изменилась в лице Елена. - У нас могут рождаться дети от простых людей, но наши способности им редко передаются. Чистая прана не может оставаться на месте. Она всегда течет, перетекает из одного сосуда в другой, кого-то наполняя до краев, кому-то отмеряя несколько капель. Попадая в человеческое тело, она заста-

ивается, отравляя хозяина. Старости не существует, все могут жить вечно, но эта гниль разъедает вас изнутри, и чем ее больше, тем быстрее процесс, поэтому наши дети редко доживают до совершеннолетия.

Она замолчала, кусая губы, а потом обняла Корди, прижимаясь к ней всем телом. Девушки были одного роста, и со стороны могло показаться, что это сестры-близнецы сбежали с фермы погреться на весеннем солнышке, и никто бы не смог догадаться, что одна из них старше на сотни лет, и впервые с момента сотворения мира она плачет, уткнувшись в плечо своей дочери.

- Я слишком увлеклась Ольгердом, и те несколько лет, проведенных рядом с ним, пролетели незаметно. Твое рождение должно было стать самым счастливым событием в моей жизни, а превратилось..., - Елена снова задумалась, не решаясь открыть тайну, так мучавшую ее все эти годы, но почувствовав, как кольцо рук сомкнулось у нее за спиной, расслабилась в робких объятьях Корди и продолжила. – В ночь, когда ты появилась на свет, я заглянула в твои глаза и сразу поняла, каким даром тебя наградила. Ты могла бы стать великой, одной из нас, но я не знала, как научить тебя делиться этой силой. Ты была такой крохотной, но я уже замечала первые признаки тления, догадывалась, что пройдет пара десятков лет, и ты покинешь меня навсегда. Ваши мудрецы говорят, что нет горя страшнее потери ребенка, но что знают эти глупцы о бессмертии, когда боль не утихает сотни

жизней подряд.

- Все в порядке, - теперь уже Корди успокаивала мать. — Я все еще жива, за мной хорошо присматривали, а няня рассказывала о тебе только хорошее.

- Нет, ты не все знаешь, - колени Елены подломились, и она медленно опустилась на землю. - Ты должна простить меня, но я пойму, если возненавидишь и прогонишь навсегда.

- За что?

- В тот вечер я еле сдержалась, чтобы не убить тебя прямо в колыбели. Уже стояла с подушкой у изголовья, но ты закричала, и Ольгерд ворвался в комнату. Он всегда помнил, на что я способна, никогда не забывал, с каким чудовищем каждую ночь делит постель. Два дня я носилась по лесу, проклиная Создателя, а когда одумалась, то было уже поздно. Встретив меня у порога, твой отец разрушил приглашение Греты, и я больше не смогла приблизиться ни к тебе, ни к башне.

- Почему это озеро называется Громовым? – спросила Корди.

- Здесь когда-то росла священная роща Детей Леса, - ответила ей Елена. - Они вершили тут суд, приковывая виновных к медным столбам и призывая грозовые тучи. Молнии били точно в цель, оставляя после себя лишь обугленные кости... Эффектное зрелище, - она провела пальцами по траве,

- паломники стеклись сюда толпами. Одни, чтобы молить о справедливости, другие - чтобы испытать судьбу. Но настоящую славу этому месту принесли не они, а Паллор и Павор.

Остаток дня мать и дочь пролежали на пригорке, сцепив руки, и тепло ладоней Корделии значило для Елены много больше, чем любые слова прощения.

- Паллор и Павор? - Корди прищурилась, разглядывая черную гладь озера. - Те самые славные рыцари, о которых мне рассказывала няня?

- Рыцари? Да, - губы Елены искривились в презрительной усмешке, - но славного в них было мало. Когда-то так звали сыновей герцога Эбрук. Они были похожими, как две капли воды, и ни в чем друг другу не уступали, ни в росте, ни в силе, ни... в жестокости. Однажды поехали братья посмотреть на очередную казнь, и по дороге встретили крестьянскую девушку с корзиной цветов, - Елена сорвала стебель камыша и начала медленно его скручивать. - Братья в шутку предложили ей сделать выбор, кто ей больше по душе, и кого из них она взяла бы в мужа. Ничего не ответила им девушка, лишь отвернулась и зашагала быстрее. Обиделись Паллор и Павор, что простая крестьянка нос воротит от сыновей герцога, и погнались за ней, приговаривая, что раз она сама решить не может, то они за нее выбор сделают, но сперва им нужно проверить будущую невесту в деле. Вот здесь, - Елена с сухим треском разорвала камыш пополам. - На этом самом месте, прямо посреди священной рощи они ее и поймали,

здесь же потом и бросили, наигравшись.

День выдался жарким, и верхушки трав на прогретом склоне пригорка лишь изредка шевелились от обилия мошкеры, но посредине рассказа порыв ветра вдруг разогнал сонное марево, заставляя стебли биться друг о друга, словно свидетели давнего насилия все еще не могли забыть девичьи крики.

- Вернулись Паллор и Павор в свой замок, - продолжила Елена, - и жили, как прежде, будто ничего и не случилось. Но через год по герцогству поползли тревожные вести, что бродит по окрестным деревням девушка с ребенком, и там, где ступала нога молодой матери, хлеб чернеет на корню, колodцы пересыхают, а молоко киснет прямо в коровьем вымени. Поняли братья, что повстречали тогда не простую крестьянку, а твою тезку, Крейддилэд. Бросились в рощу, чтобы молить о прощении, а на месте поляны раскинулось вот это самое озеро, а там, где они оставили девушку, стояла избушка в одно окно. Заглянули они внутрь и нашли в люльке крепкого синеглазого мальчика. Решили Паллор и Павор отнести младенца в самую глухую чащу, чтобы Крейддилэд его не нашла, но пока несли, все спорили, на кого ребенок больше похож, и кто из братьев его отец. - Елена сжала кулаки и с такой силой ударила по земле, что Корди вздрогнула. - Впервые тогда почувствовали Паллор и Павор себя соперниками, и семя раздора быстро дало всходы. Началось все с мелких ссор, потом - обиды и ругань по пустякам, а вскоре

и до открытой ненависти дошло. Не дождавшись смерти отца, братья начали делить земли между собой. Война длилась больше тридцати лет, и когда междоусобица все же затихла, то обе стороны так обессилили, что императорские войска без труда захватили герцогство, и Эбрук стал обычной вассальной провинцией.

- А что стало с ребенком? – Корди невольно понизила голос, страшась разбудить древнее проклятие.

- Именно в то место, где братья оставили мальчика, ударил метеор, - Елена подняла глаза к небу, - и ребенок исчез вместе с частью полуострова.

- А Крейддилэд?

- Никто не знает, что с ней случилось. Утопилась должно быть от горя, но о матери все быстро позабыли, а вот именами Паллора и Павора назвали две призрачные звезды, которые появляются лишь раз в году в день сумеречья, чтобы напомнить миру о своей вине, - Елена тронула Корди за плечо и указала на разгорающиеся точки у самого горизонта. - Сегодня они вышли слишком рано, и это означает, что мне пора в путь, - она со вздохом вытащила из волос гребень из потускневшего серебра и положила его перед собой.

- Так скоро? – Корди посмотрела на звезды, надеясь, что мама ошиблась, но они сияли так ярко, словно глаза великана, притаившегося за деревьями.

- Увы. Мир меняется и, к сожалению, не в лучшую сторону. Хранителей осталось мало, а количество червоточин

растет с каждым днем.

- Мне тоже нужно собираться, – заспешила Корди, засовывая в одеяло остатки еды. – Ты ведь заберешь меня с собой?

- Ты остаешься здесь, - Елена приложила указательный палец к губам дочери, запрещая задавать ненужные вопросы, - но на прощание мне бы хотелось сделать тебе подарок.

Она зачерпнула из костра язычок пламени, скомкала его, и на ее ладони появился маленький лупоглазый дракончик.

- Какой хорошенький, - восхищенно выдохнула Корди.

Дракончик икнул, и струя пламени опалила девушке брови.

- Осторожно, это не игрушка. Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, то просто согрей его, и он донесет мне твой зов.

Елена пересадила малыша на край одеяла рядом с дочерью. Он сначала таращился на Корделию янтарными глазами, а потом, потеряв к ней интерес, стал гоняться за собственным хвостом.

Со стороны озера слышалось легкое гудение. Вода отступила от берега, обнажив ведущие вниз каменные ступени, а на самом дне закружилась воронка.

- Пора, - Елена потрепала Корди по голове и двинулась в сторону лестницы.

- Постой, - Корделия виновато опустила глаза, - а что же будет со мной?

- Иди в долину, там живут хорошие люди, они примут тебя. Хочешь, оставайся там, выйди замуж, а хочешь - путешествуй, открывай новые земли. Мир велик, а ваше время быстротечно, не трать его на глупую жалость к себе.

- Не уходи, - Корди вскочила и перегородила ей путь, - останься еще на один день.

- Мы не прощаемся, но ты должна научиться расставаться с близкими, - Елена ласково отстранила дочь и пошла дальше. - Как бы трудно тебе не было, невозможно всю жизнь прятаться за чужими спинами. Всегда найдется повод задержаться дома, но пройдут годы, и ты обязательно пожалеешь, что вовремя не ушла. Прощание должно быть грустным, но эта печаль проходит. Поверь, родные будут только рады, узнав, как ты повзрослела.

Женщина удалялась все дальше, а Корди застыла на месте, открыв от удивления рот. Именно так они с Йоной представляли себе будущее: увидеть шумные города, настоящие замки, их сахарные стены и тонкие мостки, а теперь ей дарили новую мечту: богатство, славу и жизнь, полную приключений.

- Так все и будет, - прочитала мысли дочери Елена. - Я сотворю для тебя это чудо, ты никогда и ни о чем не будешь жалеть.

- Чудо? - Корделия посмотрела под ноги и увидела, что стоит рядом с грудой камней, наспех сложенных поверх могилы ворона. - Но чем же мне расплатиться за него в этот

раз?

Сквозь шум воды она услышала крик Марии, треск дверей, слетающих с петель, на стенах водоворота отразилось меловое лицо старой Греты, а рядом с ней плавал мертвый парень с синяком над глазом, и из его тощей шеи торчала стрела.

- Это уже прошлое, - Елена остановилась на первой ступени уходящей вниз лестницы. - Все счета оплачены.

- Но я так не хочу.

- Тогда все может стать еще хуже. Допустим, я скажу тебе, что задумал твой дядя, - Елена обернулась, и ее глаза вспыхнули холодным синим огнем. - Ты ведь не воин, не маг и не жрица, а всего лишь избалованная маленькая девочка, которая почему-то считает себя особенной. Ты ведь даже не сказала никому, куда отправилась?

- Я думал, никто не заметит. Все были очень заняты, а я ... я ведь всего на денек.

- На денек? - фыркнула Елена. - И вместо того, чтобы напрямик бежать в долину за помощью, ты свернула а лес. Ко мне. На озеро.

- Няня рассказала..., - щеки Корди вспыхнули от стыда.

- Ах да, няня. Раскрыла тебе великую тайну, что твоя мать не обычная женщина, и ты мигом примчалась сюда. Надеюсь, что я помогу? Или, может, мечтала, что сама всё исправишь? Великая Корделия уничтожает врагов одним движением руки. Так ведь?

- Да, - едва слышно прошептала Корди, стараясь не смотреть в лицо матери.

- А потом вернётся Ольгерд, обнимет любимую дочку, и ты продолжишь играть в принцессу и дальше.

- Да.

- Так вот, ты слабая, - услышав второе «да» Елена разозлилась по-настоящему, и ее голос стал жестким. - В тебе нет ни силы, ни воли, ни веры. Ты всегда все привыкла получать даром. А что если в следующий раз, когда ты попадешь в беду, никого не будет рядом? Что если придется сражаться самой?

- Я хотя бы попытаюсь! – Корди подняла голову, и слёзы брызнули из её глаз.

- Ты не готова, - Елена брезгливо отпрянула, словно даже вид этой жалкой слабости был для нее невыносим. - Хочешь, проверим?

- Давай, - Корди сжала зубы, вытерла лицо рукавом и выпрямилась, приготовившись к испытанию.

- Неужели, встанешь против матери?

- Против тебя - никогда. Но на тебе ряса дочерей Омбра. Твои сестры рыщут по острову в поисках своей богини, а она ведь неподалеку, и ничего в ней нет особенного. Обычная медведица, грязная и подслеповатая. Иди, позови ее, и посмотрим, сможет ли она остановить меня.

- Нет нужды, - челюсти Елены раздвинулись и между губ показались длинные клыки.

- Так ты и есть та самая Омбра? - теперь Корделия поняла, кого Ольгерд повстречал у замерзшего озера и почему никогда не рассказывал ей о матери.

- Омбра - одно из моих прежних имен. Когда мы ла-таем бреши в пране, то сплетаем слова и обязаны отдать часть души, расставшись с прошлым. Таков закон. Он касается всех. Даже стражей, - кожа Елены покрывалась узорами инея, словно ледяные цветы расцветали на зимнем окне. - Имена? Они мало что для нас значат, но после каждого плетения приходится их менять и начинать жизнь заново.

- И что же это за слова?

- Очень простые, но в их простоте скрыта сила, - Елена повела плечами, и серебристый мех укутал ее с головы до пят. - Послушай:

Да содрогнётся земля под когтями моими,

Да скроется солнце за пеленой метелей.

Я - Омбра, зачатая в сердце бурана,

Воин севера, первый страж ледяных ворот.

- Если ты настоящая Омбра, то кто же тогда та медведица

в лесу?

Корди не могла отвести взгляда от маски, закрывшей лицо матери. Спереди она напоминала оскалившуюся звериную пасть, а надо лбом, словно корона изо льда, поднимался гребень острых зубцов.

- Пока мы восстанавливаем течение праны, то слабеем и для защиты создаем оборотней. Дарим им крупицу сознания и отдаем наши имена, чтобы они отгоняли от бреши слишком любопытных, пока та не срастется. Медведица – одна из таких тварей. Я вырастила ее, а потом позабыла, как и о многих до нее, - Елена двинулся навстречу дочери, и земля трескалась вслед за ней от морозных укусов. – Она, должно быть, мучилась от одиночества, вот и увязалась за мной, но я ей больше не хозяйка. Пусть делает, что хочет, и ищет свою судьбу, раз уж я не дала ей своей.

- Меня ты тоже бросила и позабыла! – голос Корди зазвонел от обиды. – Но я по тебе особенно и не тосковала. У меня был отец, и няня, и Йона, и все жители деревни. Они стали мне семьей, и вместе мы как-нибудь справимся с Ульфом без тебя.

- За Ульфом стоят могущественные покровители. Даже если вся деревня восстанет против него, он все равно победит. Не в этот раз, так в следующий. Погибнут люди. Много людей. Рано или поздно кто-нибудь из жителей бухты догадается, из-за кого они страдают, и во всем обвинят тебя. Все те, кто клялись тебе в верности, станут плевать при тво-

ем приближении, словно ты прокаженная. Однажды, когда у них не останется выбора, они просто выволокут тебя из башни, - Елена наклонила голову, и зубцы короны сверкнули в скупом лунном свете, - и отдадут Ульфу, как преступницу, чтобы защитить своих близких. Они принесут тебя в жертву, даже не поморщившись. Ты станешь изгоем. Без дома. Без имени. Без прошлого. И тогда ты поймёшь, что я не бросила тебя, а спасла... Единственным способом, который знала.

Елена замерла, и в тишине было слышно, как снежные крупинки стучат по её маске, словно тысячи крошечных молоточков.

- Но выбирать тебе, - добавила она. - Я своё слово сказала.

- Если Ульфа не остановить, то мне все равно некуда будет возвращаться, - прохрипела Корди, хватаясь за горло. Кольцо холода сжималось вокруг нее, и воздух застывал прямо в легких. - Я еще слишком слаба, а раз так, то найду того, кто мне поможет, даже если придется отправиться за ним на край света.

- Чтобы добраться до края тебе понадобится проводник, а его услуги дорого стоят. Чем ты с ним рассчитаешься?

- Всем, что у меня есть. Своим именем, памятью. Кровью, если потребуется. Я не собираюсь торговаться.

- Не боишься, что этого будет недостаточно, и ты все равно проиграешь?

- Я готова рискнуть, - выдохнула Корди.

- Почему?

- Потому что я твоя дочь, - девушка выпрямилась, расправила плечи, и холод вдруг перестал казаться ей врагом. Он стал частью её, как и ледяная кровь, текущая в жилах. - И никому не привыкла уступать. Ни Ульффу. Ни судьбе. Ни даже тебе.

- Верно, моя. И такая же упрямая, как и твой отец.

Корди открыла глаза и увидела улыбающееся лицо матери.

- Я спала? – спросила Корделия, все еще чувствуя вкус льда под нёбом.

- Не совсем... Это все звезды, - Елена показала на яркие точки. - Сегодня чары иллюзий сильнее всего, и сны почти не отличаются от яви.

- Так все, что ты обещала мне... Путешествия, богатство, славу - было неправдой? – Корди пытливо уставилась на мать.

- Не совсем. Если бы ты согласилась отступить, то действительно стала бы очень счастливой, и все твои желания могли бы исполниться, но ты решила досмотреть этот сон до конца.

- Это было испытание? Я его прошла?

- Да, и почти не пострадала, - Елена показала на седую прядь в волосах Корди. – Это малая плата за такое мужество, но ты только в самом начале дороги. Впереди тебя ждут множество других испытаний, и чтобы пройти этот путь тебе по-

надобится верный спутник, твое зеркальное отражение.

- Как Паллор и Павор?

- Почти, но я надеюсь, что конец истории окажется не таким печальным. – Елена протянула дочери руку и помогла ей встать. - Теперь слушай и повторяй вместе со мной.

Она запрокинула голову, и звёздный свет заиграл в её глазах:

Паллор и Павор, призраки ночи.

на час Сумеречья спрячьте мечи, уберите копья.

Услышьте просьбу Елены, хранительницы Приморья.

Пусть ваша вражда уснёт до утра,

Разомкните круг из стали и гнева,

Откройте путь между звезд.

Откликнувшись на просьбу, две звезды сошлись, будто их притянуло друг к другу невидимой нитью, и сияние усилилось в десятки раз, заливая берег, деревья, лица Елены и

Корди жидким серебром. Свет был тёплым и холодным одновременно, обжигал кожу, но не причинял боли. Где-то вдалеке раздался удар колокола. Раз. Другой. Третий... С двенадцатым ударом сияние сжалось в ослепительное кольцо и взорвалось ореолом, разметая по небу искры и посылая луч света в центр озера. Вода потеряла текучесть, став прозрачнее самого чистого хрусталя, и сквозь неё стало видно плоское дно странного бирюзового оттенка и узкий разлом, уходящий в непроглядную тьму.

- Ну, вот, теперь мне действительно пора, - Елена поцеловала дочь в щеку. – Уже полночь, и мне нужно спешить.

- Но ты же еще вернешься?

- Какая-то часть меня всегда будет с тобой, но тебе предстоит нелегкий выбор, - она мягко подтолкнула Корди к озеру, где вода быстро теряла прозрачность. - Поторопись, невежливо заставлять гостя ждать.

Глава 8. Озеро

Витрину со спортивными трофеями вынесли во двор, осколки вымели, а дверцу шкафчика заменили на новую. Мистер Фергюсон уже вызвал маляров и лично натянул поперек коридора ленточку, чтобы отпугнуть любопытных, но фотография места взрыва все равно попала в сеть, и новость о несчастном случае в школе появится на первой полосе местной газеты не позже завтрашнего утра.

- А ну, марш отсюда! - рявкнул директор на шестиклассников, пытавшихся из-за угла сделать фото, пока следы копоты не закрасили.

- А почему нас не отпускают домой? - вышел вперед самый рослый. – Экзамены-то отменили.

- Полиция опрашивает свидетелей, и все ждут своей очереди. Ты, - мистер Фергюсон погрозил ему пальцем, - задаешь слишком много вопросов. Это подозрительно.

- Ой, а я ничего не видел, - храбрец тут же исчез за спинами менее высоких одноклассников.

- Тогда возвращайтесь в класс, - директор еще раз взглянул на темное пятно, вздохнул, представляя, во сколько ему обойдется ремонт, и поплелся в другое крыло.

- Мистер Фергюсон, - в переходе его догнала мисс Пилл. – Пришло сообщение из больницы. Стенли Ковальски очнулся. У него пара незначительных порезов и сотрясение мозга.

- Слава Богу. Пошлите ему цветы и корзину фруктов, да подороже, а счет выставьте попечительскому комитету. Если уж меня уволят, то напоследок я хочу увидеть кислое лицо мэра, когда я передам ему чек.

- Вы думаете, дойдет и до этого?

- Я уже стар, а дело слишком серьезное, чтобы обойтись одним жалким учителем, к тому же приедем.

- Да, - мисс Пилл достала из кармана чистый платочек и протерла стекла очков, - мне несколько раз звонили с телевидения и спрашивали, правда ли, что мальчика разорвало на куски. Просили пока не отмывать кровь и обещали прислать съемочную группу.

- Куда катится этот мир? – не замедляя шага, мистер Фергюсон выглянул в окно. У входа в школу дежурили обеспокоенные родители, и обстановка накалялась с каждой минутой. – Оповестите всех преподавателей, что экзамены откладываются на неделю, и проследите, чтобы не слишком радовались, - он остановился у кабинета в конце коридора. Сквозь застекленную дверь был виден пустой класс и единственный ученик, уткнувшийся носом в книгу. - Жаль, что у нас в городе одна школа. Надо будет намекнуть Джулиусу и Памеле, чтобы они перевели его на домашнее обучение.

- И зачем они только решились завести ребенка? - мисс Пилл вытащила из сумки еще один платочек и промокнула им глаза. - Такая хорошая была пара...

После пламенной речи Памелы Кристофера отвели к прибывшему из столицы штата следователю, долго и нудно расспрашивали о семье, мистере Абернатти, Стенли Ковальски и ключе от шкафчика с реактивами. Когда протокол был составлен, за Криса взялся психолог. Вопросы повторились, но в этот раз его попросили пересказать разговор с матерью, проверили телефон, забрали для изучения все тетради, а потом сняли отпечатки пальцев и закрыли в классе ждать решения, отпустят ли его домой или отвезут на ночь в участок.

Шел уже третий час, как Крис сидел в одиночестве. Наверняка, о нем специально забыли, чтобы малолетний террорист смог хорошенько обдумать свое поведение и покаяться, но чем дольше он размышлял, тем меньше верил свидетелям.

«Никакой взрывчатки у меня в шкафчике не было», - Крис был и прокурором и адвокатом в одном лице: «Нет».

Ответ был очевиден, и принят судом.

«Стенли Ковальски взбесил тебя?» / «Да».

Пока все шло гладко.

«Ты ударил его?» / «...может быть...».

Здесь Крис пошел на уступку. Он читал о кратковременной потере памяти, а психолог уверял его, что в результате стресса такое вполне может случиться, особенно в подростковом возрасте.

«Допустим, я его ударил», - Крис прислушался к себе, и вместо раскаянья ощутил прилив гордости: «Тут многие бы-

ли бы рады набить ему морду, но он поправится и точно захочет отомстить. Придется уехать из города или сменить опекунов, хотя вряд ли с таким личным делом мне быстро подыщут другую семью».

Будущее обещало быть мрачным, Памела наверняка не оставит его в покое, и придется проводить часы, дни и месяцы под ее неусыпным контролем. От этой мысли Крису стало совсем паршиво. Уж лучше в приют, чем бесконечные наставления самой благочестивой из матерей Палмс-Хемлет. Руки сами собой сложились в кулаки, и он с такой силой треснул по крышке парты, что из отделения для сумок вывалился припрятанный там задачник. Кто-то явно решил сжульничать на экзамене, прикрепив его скотчем ко дну столешницы.

«Все обманывают!» – Крис потряс книгой в воздухе, но улика была всего лишь косвенной, к тому же ветхой и рассыпалась на страницы, как и его доводы.

«Все обманывают, но не все попадаются», - вынесли вердикт присяжные.

«Ковальски ведь первым полез в драку!» / «Кто же теперь об этом вспомнит? Его пожалеют, а тебя не простят».

«Почему?» / «Ты здесь чужой. Смирись».

Это было так несправедливо, обидно и похоже на правду, что одной сломанной парты Крису показалось мало. Цветочные горшки на окне выглядели бы в полете совершенно восхитительно, и он даже представил, с каким звуком они будут

разбиваться об асфальт, но шаги в коридоре заставили Криса передумать. Мистер Фергюсон остановился у двери кабинета и долго стоял, молча разглядывая единственного оставшегося в школе ученика, и Крис кожей чувствовал, что тот не просто смотрит на него, а изучает, как охотник затравленного зверя, раненого, но еще очень опасного. Крис понимал, что так на него теперь будет смотреть каждый в городе, с осуждением и опаской, и чтобы не встретиться взглядом с директором, он открыл учебник на середине, и оттуда выскользнул сложенный пополам лист бумаги.

«...только тот, кто сможет добраться до края мира и продолжить путь за его пределами...»

Написанные от руки буквы складывались в неразборчивую строку, но, перечитав ее трижды, Крис не понял сути. Кто этот «тот»? Откуда взялся «край»? К тексту прилагался рисунок: криво нарисованный конус, свечка с зажженным фитилем и две выпуклых линзы, одна внутри, а вторая снаружи. Кто-то уже расчертил страницу пунктирными линиями, стараясь рассчитать направление луча, но сегодня Крис завалил главный экзамен, и правильных ответов от него уже никто не ждал. Не дожидаясь, пока директор уйдет, он достал из сумки линейку, перечеркнул лист от угла до угла, а потом перевернул его и продолжил на обороте.

«Пусть будет так», - решил он и поставил в конце луча звездочку. Возможно, это был не самый научный подход, но зато самый быстрый.

«Венец из звезд сияет, указывая путь, и ветер тихо стонет: «Меня не позабуди!», - слова песенки из его сна зазвучали в голове Криса так громко и отчетливо, словно он прислонился ухом к приемнику: «Едва засеребрится ущербная луна, стон криком обернется: «Храбрец, я жду тебя!»».

Мелодия оборвалась, но Крис еще долго повторял про себя: «Храбрец, я жду тебя!». Все его чувства притупились, и вместе с усталостью на него накатила волна безразличия.

«Ты можешь что-то изменить?» - спросил он сам себя.

«Нет».

«Тогда расслабься».

Суд наконец-то закончился, директор удалился, нарочито медленно чеканя шаги, и Кристофер вдруг вспомнил, что к последнему желанию всегда полагался последний ужин. Кормить осужденного никто не собирался, и он выглянул во двор, проверяя, сможет ли прошмыгнуть мимо охраны до школьного кафетерия.

Полицейское оцепление уже было снято, но на спортивной площадке собралась целая толпа. Такого памятного события не случалось в Палмс-Хемлет уже лет пятьдесят. Весь город подтянулся к школе, а в самом центре под баскетбольным кольцом застыла Памела Бреккет. В лимонном брючном костюме с растрепанными волосами и красной помадой на губах. Ее хорошо было видно издалека. Она что-то говорила, заламывая руки, а люди подходили к ней, обнимали и плакали навзрыд. Джулиусу доставалось меньше внимания, но

и он был полон такого достоинства, словно лично задержал известного преступника.

Тревога сблизила родителей, и, получив ненаглядных чад целыми и невредимыми, они не спешили расходиться. Миссис Зборовски принесла коробку с сосисками, мистер Кент раскладывал на бумажные тарелки картофельный салат, а безымянный джентльмен с крикетным молотком предлагал всем желающим домашние кексы по три доллара за штуку. Семейный пикник грозил затянуться до ночи, и для кульминации праздника не хватало лишь виновника торжества.

Крис спрятался за занавеской и еще раз оглядел толпу. Старшеклассники собрались подальше от родителей во главе с неразлучной троицей. Джордж, Джексон и Донован не спускали глаз с главного входа, а красавица Петти Салливан успела поменять водолазку на изящную блузку с таким глубоким вырезом, что бедный Кайл Дурбан явно лишился дара речи.

«Ясно», - Крис вернулся за парту. - «Без драки меня не отпустят».

За окном постепенно сгущались сумерки, и Кристофер сидел без движения, прикидывая, кто за ним явится первым, и успеет ли полиция прийти ему на помощь. Время шло, гул голосов во дворе то усиливался, то прерывался истеричным хохотом, но навещать Криса никто не торопился. Он снова открыл учебник и взглянул на чертеж. В полумраке сложенный пополам лист бумаги казался пепельно-серым, конус и

свечка остались на прежних местах, а вот звездочка исчезла под отпечатком пальца. Может психолог был прав, и у него действительно случались провалы в памяти, но, проследив направление луча, Крис нашел пропажу, да не одну, а вместе с сестрой.

- Вот он! - Памела Бреккет указала на окно третьего этажа.

- Где? – ее слушатели повернулись к школе. Они уже забыли, зачем здесь собрались, и требовалось вновь чиркнуть спичкой, чтобы костер общественного негодования запылал с новой силой.

- О, глядите, это же тот самый! Да-да, тот самый!

На подоконник взобрался всего лишь светловолосый подросток в мешковатом костюме и с сумкой через плечо, но теперь он для всех стал «тем самым».

- Далеко собрался? – крикнул ему Донован. В отсутствие младшего Ковальски его выбрали лидером. - Двери не перепутал?

- Там же высоко! – охнула Петти, когда Крис соскользнул с подоконника на карниз, - он расшибется.

- Ничего, выживет. Может только ноги переломает, - успокоил ее Джексон. – Давай, прыгай! - заорал он во все горло.

- Прыгай-прыгай, - поддержал его Джордж.

- А как же стекло!

Остатки витрины с трофеями не успели разобрать, полки так и лежали вдоль стены, а из деревянного основания тор-

чал частокол осколков.

- И поделом. Стенли нам написал, чтобы его никто не трогал, хочет сам во всем разобраться, но мы ничего ему не обещали, - Джексон достал телефон и навел камеру на Криса. - Ну же, чего ты застыл, прыгай!

- Мальчики, так не хорошо, - Петти поправила волосы ради красивого кадра.

- Прыгай-прыгай, - не отрывая взгляда от выреза на ее блузке, подхватил уже и Кайл Дурбан. Ему было наплевать на Криса, лишь бы Петти еще раз прижала руку к груди.

- Прыгай-прыгай, - хор разрастался, а вскоре к нему подключились и взрослые. Лица стерлись, остались лишь раскрытые вопящие рты, белые зубы на красной подкладке, и хотя на следующий день никто не смог вспомнить зачинщика, но даже тихая учительница домоводства сорвала голос и онемела на неделю.

- Прыгай! Прыгай! - бесновалась толпа, но Крис не замечал, что творится внизу. Он был уверен, что незнакомые ему звезды кто-то специально зажег ради него, и если отвести взгляд, то они исчезнут и никогда больше не появятся вновь. Одна из них была чуть крупнее и старше, но светила будто вопсылы, зато вторая сияла так ярко, что униженная луна поспешила скрыться за облаком.

Будь Крис постарше, то наверняка бы решил, что это всего лишь два самолета на разной высоте, или спутники слу-

чайно встали на одну траекторию. Любые объяснения были бы к месту, но Крис был всего лишь подростком и еще не научился верить в чудеса.

- Пора? - спросил он, когда остывающая звезда заслонила молодую подругу.

- Пора!

Часы на колокольне ратуши начали отбивать полночь, и с двенадцатым ударом на небе раскрылось гигантское око с темным зрачком и синим ореолом радужки. Крис не стал больше медлить, оттолкнулся от карниза и прыгнул навстречу пустоте.

Волны холодного голубоватого света разливались по небу, рисуя над городом широкие ленты. Впервые за всю историю Палмс-Хемлет наблюдал полярное сияние. В нем видели отражение верхушек сосен или горных склонов, объясняли жаркой погодой и винили во всем южный шквалистый ветер, но известие о чуде мигом облетело весь мир. В шахтерский городок потянулись паломники, и вскоре возле трассы разросся целый палаточный лагерь. Палмс-Хемлет ожил, снова открылись магазины, заработали рестораны, и чтобы не портить репутацию школы, мэр замял новость о взрыве и исчезновении Криса. Объявление о розыске поместили на последней странице газеты между заметкой о продаже газонкосилки и рекламой выставки породистых кошек. Через неделю о Крисе и вовсе перестали вспоминать, а через месяц

мистер и миссис Бреккет завели себя щенка. Они называли его Джупа, соединив имена обоих супругов, и так нежно о нем заботились, что вскоре вернули себе звание лучшей семейной пары города.

Жизнь должна была промелькнуть перед глазами Криса, но четырнадцать с небольшим лет оказалось недостаточно, чтобы занять все время падения. Зато его с лихвой хватило, чтобы рассмотреть каждую букву на медной табличке возле разбитой витрины с трофеями. «Учить и побеждать. Здесь и сейчас» - гласил девиз школы. Крис никогда не видел этой таблички раньше, но он вообще редко смотрел по сторонам и тем более не интересовался успехами других учеников. Раскинув руки, как для прыжка с трамплина, он слишком поздно сообразил, что для него «здесь» может закончиться прямо «сейчас», и когда до земли оставалось не больше двух футов, его отбросило от школы, завертело волчком и вытолкнуло в крошечную темноту.

- Ты меня звал? - услышал он уже знакомый детский голос.

- Нет, - Крис хотел покачать головой, но не был уверен, что у него осталась голова, и есть на чем ее качать.

- Ты же спел мою песню, - восторженно продолжал невидимка. - Я так рад, что ты запомнил ее слова.

- Ты уже нашла сестру?

- Нет. Прошло слишком много времени. След остыл... Зато теперь у меня есть работа.

- И какая?

- Проводником, - невидимка сделал паузу, чтобы Крис оценил всю торжественность момента. — Я ищу всех, кто потерялся на темном пути. Вот и для тебя открыл переход.

- Переход куда?

- Не куда, а между, - невидимка звонко засмеялся, радуясь не особенно удачной шутке. - Ты можешь отправиться в любое место. Куда бы тебе хотелось?

Крис представил себе маленькую квартиру, заваленную кипами чертежей и эскизов.

«Сынок, поставь чайник, пожалуйста, я тут с папой разговариваю, - Элис пристроилась на углу кушетки в гостиной, прижимая к уху трубку телефона. - Дорогой, ты снова задерживаешься? Конечно, я передам ему, чтобы засыпал без тебя... Не работай так много... Я тоже тебя люблю...»

- А можно...туда.

- Нет. Это уже прошлое.

Комната осталась прежней, но мама исчезла. Телефонная трубка лежала на кофейном столике, и оттуда раздавался сердитый голос сиделки: «Ночью у миссис Гринн случился нервный приступ. С ней запрещено разговаривать...».

- Ну, так как, все еще хочешь домой? Я провожу.

- Нет.

Иллюзия поблекла и исчезла. Крис снова парил в полной темноте.

- Тогда куда? Торопись, меня ждут и другие путешествен-

ники.

- Те звезды... Чьи они?

- Одну из них создал ты сам.

- Она соскочила со страницы учебника. Разве создавать звезды так просто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.